

Александр Гладков
«Я НЕ ПРИЗНАЮ ИСТОРИЮ
БЕЗ ПОДРОБНОСТЕЙ...»

(Из дневниковых записей 1945–1973)

Предисловие и публикация Сергея Шумихина

История – всегда воскрешение, а не суд.

Н.Ф.Федоров

Подробности расколдовывают историю.

Ю.Олеша

...на каждом шагу новелла, и стоит
только записывать то, что видишь вокруг,
и это будет страшно интересно и важнее
выдуманных жизней тусклых людей, о ко-
торых мы пытаемся писать.

А.Гладков. Из дневника. 25.11.1959

Начнем с утверждения, что драматург, поэт, мемуарист и эссеист Александр Константинович Гладков (1912–1976) историкам литературы известен недостаточно. Можно сказать, почти неизвестен.

Это может показаться странным. Взять хотя бы пьесу «Давным-давно», которая битковыми аншлагами прогремела еще в 1942, а 20 лет спустя, после экранизации Эльдаром Рязановым, превратилась во всенародно популярную «Гусарскую балладу»¹. А ведь еще был ряд публикаций и книга о Мейерхольде, которые воскресили память об убитом великом режиссере, были воспоминания о Борисе Пастернаке, Викторе Кине, Юрии Олеше –

¹ К признакам истинной славы, которую нельзя подделать, по-видимому, надо отнести то, что были выпущены одноименные сигареты с фильтром (на пачке – Л.Голубкина и Ю.Яковлев в гусарском обмундировании), а поручик Ржевский (подобно Чапаеву и Штирлицу) стал героем серии анекдотов.

блестяще написанные, умные глубокие и честные, были другие работы – разве этого мало?

И все же истинный масштаб творческого диапазона Александра Гладкова остается пока практически неизвестным. Вернее, известна лишь видимая часть его творческой биографии, в то время как «подводная», пожалуй, и составляет ее главную сущность. «Сейчас бы помереть и станешь легендой, и постепенно все издадут, что написал, и приятели будут писать воспоминания о чуде и светлой личности, а я и не светлая личность, и не чудак, а человек очень много думавший и очень много намеревавшийся сделать и очень мало сделавший, любивший жизнь больше славы и успеха», – так писал Гладков в дневнике в январе 1964.

«Давным-давно», написанная на одном дыхании, всю жизнь приносила Гладкову материальный минимум, который мог обеспечить скромную жизнь (о достатке говорить не приходилось, хотя в годы перед арестом Гладков зарабатывал много – правда, процентов 60 уходило на налоги и обязательный заём). Первый и больше не повторявшийся успех не стал шагом на пути превращения Гладкова в бойкого драматурга-драмодела. В последние десятилетия жизни он мечтал создать нечто сравнимое с герценовским «Былое и думы», грандиозную книгу мемуаров, охватывающую полвека – с 1920-х по 1970-е годы. Гладков обладал необходимыми для этого качествами: историческим мышлением, умением анализировать, способностью замечать и фиксировать, на первый взгляд, мелкие, незначительные частные детали, факты, характеры, словечки, а не отмахиваться пренебрежительно от них, как зачастую делали «маститые» историки («я не признаю историю без подробностей!» – заявлял он). Однако осуществить это Гладкову не довелось. Несколько десятков томов его дневника – всего лишь подступ, «леса» к этому предприятию.

Гладков был замечательным критиком, написавшим очень мало критических работ; тонкие замечания о книгах разбросаны по многим его статьям и очеркам. Читателем он был профессиональным, если такой эпитет уместен. Сам о себе говорил, что легко мог бы бросить курить, довольствоваться простейшей, незатейливой едой и самой скромной, нефасонистой одеждой, не чувствуя себя ничем ущемленным, – но без книг жизнь свою не мыслил. Зачастую человек, даже из литературной среды, к середине жизни уже прочитывает «свои 500 книг» (или считает, что он их прочитал), а новинки только проглядывает, а то и довольствуется рецензиями и аннотациями. Многие уходят от беллетристики, переключившись на литературу *non fiction*: читают мемуары, дневники, словари и справочники; иные читают одни газеты, иные вообще ничего не читают. Гладков без чтения обойтись не мог, хотя все реже и реже встречал книгу, которая, как в молодости, была бы больше чем чтение: становилась фактом биографии.

Все же книги превратились в «факт биографии» Гладкова в самом буквальном смысле слова, став поводом к переломившему его жизнь аресту. Особый интерес книголюб и библиофил испытывал к той части русской культуры, которая была отсечена железным занавесом. Поехав в Ригу в январе 1948 на премьеру «Давным-давно» в рижском театре, Гладков полу-

чил редкую возможность удовлетворить свои запретные желания. В Москве последовали обмены парижскими и берлинскими изданиями с московскими книголюбями (А.К.Тарасенковым, Н.Д.Волковым и др.). Война, вместе с трофейными патефонами, отрезами и сервизами, принесла из-за границы и такие книги. А спустя полгода Гладкова, уже известного драматурга, арестовали².

Готовившееся «органами» крупное дело «книжников» намеревались связать с разоблачением «антипатриотической группы критиков» и последовавшей антисемитской кампанией, окончившейся разгромом Антифашистского еврейского комитета и «делом врачей». Однако почему-то громкий процесс не состоялся, хотя Гладков срок по 58-й статье получил. К нему был присоединен как одноплец сын бывшего редактора журнала «Интернациональная литература» (до войны Гладков был шапочно знаком с его отцом), представитель московской «золотой молодежи» Я.Т.Рокотов – причем познакомились они только в лагере. Позднее, при Хрущеве, Рокотов был расстрелян по известному «валютному» делу, в нарушение принципа «закон обратной силы не имеет». Отбыл в лагерях Гладков свои 6 лет «от звонка до звонка». Создал лагерный театр и был в нем режиссером.

С юных лет Гладков вел дневники. Мелкая журналистская поденщина если и не была ему в тягость (привычка к многописанию, отточенная на дневнике и многостраничных письмах, позволяла ему хорошо, легко и быстро писать), но, во всяком случае, не удовлетворяла. «Все время думаю об одном: надо постепенно, неотрывно, исподволь все время писать что-то большое. Иначе жизнь не имеет цены, балласта осмысленного труда, – записывал он 24 июня 1963. – Дело не в том, чтобы прославиться или разбогатеть, а в том, чтобы что-то сделать вровень своим силам. Не прожить жизнь силачом, никогда не поднимавшим ничего, кроме картонных гири».

Однако задуманный еще в молодости роман о деле Дрейфуса «Конец века», биографические романы о Маяковском, Есенине и многое другое не вышли из стадии сбора материалов и первоначальных набросков. Самым крупным произведением Гладкова и, объективно, наиболее ценным оказался его дневник. Разумеется, со временем Гладков хорошо понял это. 25 ноября 1959 он записывал:

Приходится слышать массу интересного (и читать тоже). По сравнению с этим газетно-журнальная проблематика времени – так сказать, ее внешнее публицистическое оглавление, – кажется просто ничтожным и поверхностным. А когда третьего дня я был на просмотре новой работы Тункеля с Мироновой и Менакером и Беловым, то сидел с вдовой недавно умершего кузена Троцко-

² Иногда ошибочно называют Гладкова лауреатом Сталинской премии (например, в биографической справке о нем в антологии «Строфы века»). Путь, вероятно, связана с тем, что в 1943 Сталинскую премию получил А.Д.Попов за постановку пьесы «Давным-давно» в ЦТКА. Автор же премией отмечен не был, напротив, резко критиковался во время «проработочной» кампании 1946 года.

го, одного из немногих людей, с которыми был на «ты» Ленин, а прямо передо мной сидел Астангов с Аллой П<отатосовой>, своей женой, которая была моей любовницей в зиму 1940-41 гг. и для которой я был первым мужчиной. Короче – на каждом шагу новелла, и стоит только записывать то, что видишь вокруг, и это будет страшно интересно и важнее выдуманных жизней тусклых людей, о которых мы пытаемся писать.

В ведшихся параллельно с дневником «Попутных записях» (жанр, напоминающий записи Ю.Олеши, известные как «Ни дня без строчки»), Гладков развивает мысль:

...Вот я наблюдаю маленького, честного и добросовестного литератора, который всю жизнь сочиняет какие-то повести и рассказы, катит, как Сизиф, в гору камень, мучается с ним, недоволен собой, переживает отношение к себе других, заживляет раны самолюбия и снова ранится. А, между тем, записывая он просто то, что он видит и слышит каждый день, без всяких «фабул» и «композиций», и он исподволь создал бы великую книгу века. Но для этого нужно дать обет скромности, а на это мало кто способен.

Прочитавшая за одну ночь с 24 на 25 января 1976 толстый том дневника Гладкова за один только 1937 год, Ц.И.Кин утром написала Гладкову такое письмо:

...я думаю, что Вы не в состоянии отдать себе отчет в значении этого Вашего дневника. Вчера Вы сказали мне, что в нем несколько слоев: Мейерхольд, литература и искусство, Ваши личные дела. Переставим очередность и акценты. Это поразительный документ, в котором важнее всего не факты, не события, а человек, рассказывающий о них: его восприятие, реакция, личное поведение, оценки. Вы. <...> Понимаете ли Вы, что такое этот дневник для будущих историков? Колоссальное, решающее преимущество в том, что это не литература, а доподлинная жизнь: «Это было при нас», говорил, кажется, Пастернак. К концу чтения меня охватил такой озноб, что мне казалось: я заболела. Конечно, я подходящий читатель, но убеждена в том, что люди, лично не бывшие свидетелями, участниками, жертвами тех лет, все равно поверят каждому слову и ощутят фантастический, ни с чем не сравнимый трагизм того сумасшедшего года.

Свой дневник Гладков вел первоначально в разнокалиберных тетрадках, иногда на отдельных листках. В годы «большого террора» отвозил время от времени накопившиеся записи в Загорянку, где жили родители, и его мама прятала их. Умудрился Гладков не только вести записи в лагере, но и вывезти их из лагеря. В середине 1950-х Гладков начинает вести дневник сразу на машинке, одновременно в свободные часы перепечатывая ранние части дневника.

Тут возникает неизбежный вопрос об аутентичности перепечатанных записей Гладкова их первоисточнику. Подвергался ли дневник до 1954 года, когда он стал действительно синхронным, обработке?³

Выясняется, что подвергался. Гладков, будучи *homme d'lettre* (как, вероятно, любой другой литератор на его месте), не смог избежать искушения «улучшать» стиль, делать описание более «литературным», ярким, выразительным. Основной костяк: факты, имена, хронология, впрочем, оставался неизменным. Когда в записи от 21 января 1938 читаешь: «Под вечер, провожая маму, был свидетелем странного происшествия. В вестибюле Арбатского метро застрелился постовой милиционер. Трудно забыть его фигуру в луже крови с подвернувшейся шинелью»; в записи от 26 августа 1944: «Рядом с патетикой большой истории и комическое. Двоюродный брат Штока прислал с фронта письмо родным, в котором пишет буквально следующее: "...Наши соседи в Одессе рассказали, что румыны увезли к себе наше пьянино. Но мы доберемся до их звериного логова. Сталинская гвардия отомстит этим гадам за их кошмарные подлости..." Это все всерьез, без тени юмора»..., а 19 ноября 1946: «Слух о тяжелой болезни Сталина. Еще москвичи много говорят о вредительстве, обнаруженном на папиросной фабрике "Ява", выпускавшей два месяца несколько сортов папирос с примесью окиси свинца или чего-то подобного, разъедающего легкие», — понимаешь, что сочинить такое спустя 20–40 лет невозможно. Но «обработанная» запись литературно расцветивается. И, как кажется, авторские рассуждения, оценки, вся «надстройка» над голой фактографией — по большей части, дается с высоты опыта зрелого человека, уже знающего *как* все кончится и *что* то или иное событие знаменует. По уровню осмысления и анализу событий дневник 1930 года (Гладкову всего восемнадцать) практически не отличается от дневника 1975 года, когда автору уже шестьдесят три и жизненный опыт этих возрастов несравним. Особенно это относится ко времени «большого террора», к прочитанному Цецилией Кин дневнику 1937 года. Поразившие ее зрелость и провидческая зоркость суждений двадцатипятилетнего Гладкова были, скорее всего, по большей части приобретены задним числом.

Возможно, это относится также и к геркулесовым подвигам Гладкова на амурном поприще, старательно восстановленным в дневнике на основании скупого конспекта. Не одухотворенная любовью, бесконечная череда однообразных в своем разнообразии совокуплений может утомить читателя, но не Гладкова.

Иные оговорки (казалось бы, мелочи) сразу ставят «аутентичность» текста под сомнение своим анахронизмом. Так, в записи от 24 октября 1942:

³ Следы обработки (вырезанные и вновь подклеенные фрагменты, целиком перепечатанные, судя по шрифту, на другой машинке листы) встречаются и в дальнейшем. Они связаны, в основном, с реставрацией весьма откровенных описаний любовных походов, которые прежде, по-видимому, шифровались. С начала 1960-х, когда Гладков ушел из семьи, дневник становится полностью синхронным.

Гладков с женой едут из Москвы в Свердловск на премьеру «Давным-давно» в эвакуированном ЦТКА: «В купе с нами какой-то эмгешник». Написать это в 1942 Гладков не мог: министерства в СССР были образованы только в 1946, до того же были наркоматы, и в рукописном тексте у Гладкова должно было быть «энкаведист», «сотрудник органов», «чекист» – но никак не «эмгешник».

У нас есть возможность сравнить, какой, например, была первоначальная запись за 22 июня 1941 (левый столбец), и какой вид она приобрела в машинописном «чистовике» (правый столбец с характерной опечаткой в годе; еще более характерно, что Гладков ее не заметил и не исправил, хотя и перечитывал свой дневник не раз):

22 июня. Воскресенье

Война началась... Сегодня после полудня по радио объявили о выступлении В.М.Молотова. В небольшой, сдержанной, точной и ясной речи Молотов сообщил, что сегодня утром в 4 часа германские войска во многих местах атаковали нашу границу и подвергли бомбежке Киев, Севастополь, Житомир и другие города. Нападение произведено с территории Германии, Румынии и Финляндии... В 5 ч. 30 м. немецкий посол Шуленбург посетил Молотова и заявил, что Германия выступила с войной против Советского Союза <...> В конце своей речи Молотов сравнивает Гитлера с Наполеоном, вспоминает Отечественную войну 1812 года и начавшуюся войну тоже называет «отечественной»...

Я узнал об этом без двадцати пяти минут час от Лободы, который, прослушав по радио речь Молотова, немедленно позвонил мне по телефону. В это время я брился у окна своей комнаты в ожидании Ирины, с которой мы должны были идти на футбольный матч на стадион «Динамо». День солнечный, но ветреный, небо часто закрывается быстро бегущими облаками... Приходит Ирина. Она узнала о войне по дороге ко мне в

22 июня 1958 <так!> г.

Война началась!..

Только что позвонил Вовка Лобода и сказал, что сейчас Молотов объявит по радио о нападении на нас Германии. Трудно сразу собрать мысли и понять, что может и должно произойти в ближайшие дни.

Взглянул на часы: 12 ч. 35 м.

В этот момент я стоял у окна своей комнаты и, глядя в стекло – мое постоянное импровизированное зеркало – брлся в ожидании Ирины.

Машинально добриваюсь, смываю внизу мыло с лица и сажусь за тетрадку дневника... Но что писать? <...>

Не сидится. Стою у окна и смотрю на двор. День солнечный, но ветреный. Небо часто закрывается проходящими облаками. Ирина опаздывает, но вот и она... Я вижу ее в окно и спускаюсь открыть дверь.

Она узнала о начале войны уже по дороге ко мне, в трамвае на Таганской площади. Почему-то трамвай долго стоял, и поэтому она опоздала.

Она чуть напряжена и оживлена. Полная мера понимания происшедшего приходит не сразу, сперва в голову лезут разные пустяки, вроде того, состоится ли матч и прочее...

Логика говорит, что матча не будет: огромное скопление народа и пр. Но и дома сидеть невозможно.

Уходим и бродим по улицам. <...>

трамвае... На стадион еще рано, но дома не сидится. Идем бродить по улицам. Везде кучками толчется народ. Сразу выстроились длинные очереди у булочных, продовольственных магазинов и сберегательных касс... Все возбуждены: молодежь смеется, у пожилых людей хмурые лица. Многие женщины, особенно пожилые, плачут. Уличные радиорупора передают повторную передачу речи Молотова... Мы ходим с Ириной по Тверской, едим мороженое в новом корпусе А. Она останавливает меня, когда я громко хохочу над чем-то в кафе... Потом едем на стадион, но матч, как мы узнаем еще в метро от мальчишек, как и следовало ожидать, отменен... Возвращаемся ко мне... Целуемся, сидя на тахте. Звонит управдом Ольга Владимировна Брюль и предупреждает о необходимости тщательно завесить ночью окна. Возможно, что сегодня немцы будут <бомбить> Москву... Мы с Ириной устраиваем репетицию светомаскировки: закрываем окна ставнями и в своей комнате я еще вешаю за ставнями черный плед, который обычно покрывает мою тахту... Комната погружается в мрак, хотя на улице солнце, нет еще четырех часов дня... Я целую Ирину и пытаюсь раздеть ее, она сначала слабо сопротивляется, потом соглашается раздеться, но «сама». Я тоже быстро раздеваюсь и овладеваю ею. Она была девушкой, и первое обладание причиняет ей острую боль, от которой на глазах у нее выступают слезы, но, в противоположность Алле, она получает удовлетворение уже в первый раз... Она совсем неопытна, не-

Проходим переулками на улицу Горького. Заходим в кафе-мороженое в новом корпусе А. Там пусто.

Кельнерши стоят кучкой в углу и к нам долго никто не подходит. Я от нервности шучу и смеюсь. Ирина меня испуганно останавливает. <...> Без труда уговариваю Ирину вернуться ко мне.

Вот мы снова сидим на тахте и целуемся, как делали это уже не раз, хотя и началась война.

Это, конечно, нелепо, но инерция нашего тяготенья друг к другу и какие-то ожидания, связанные со встречей в этот день, почти механически подчиняют нас себе.

Ко всему еще появляется оттенок фатализма. Ясно, что война будет страшна и неизвестно, что нас всех ждет. Мы помним о бомбардировках Лондона, и воздушная тревога может начаться в любую минуту. <...>

Мы устраиваем репетицию светомаскировки, т.е. закрываем ставни и еще вешаем на окно черный плед, так как ставни пропускают свет.

Еще нет 4-х часов дня, на улице солнечно, но комната погружается в мрак.

Мы снова целуемся на тахте. С нее снят обычно накрывающий ее плед, и мы полулежим на простынях.

Я снимаю с нее блузку. Она ежится сначала, но потом раздевается сама...

Вот у нее на глазах слезы от боли. Я ее «первый»...

Милая, нежная, неопытная девочка, сжимающая ноги, но полная любопытства и ожидания. <...>

Окно смутно золотится прямо напротив тахты. Я встаю, снимаю плед, так как стало очень душно, и полуоткрываю ставни. Она лежит, завернувшись в простыню. Потом я поднимаю с пола брошенные торопливо юбку, блузку, трусики и бюстгальтер, вешаю все

умело сжимает ноги и пр. Отдаваясь, она не закрывает глаз, разве на одну-две секунды, в тот момент, когда они мутнеют от страсти... Я беру ее трижды, и мы ласкаем друг друга в темноте до 9 часов вечера.

на стул и снова ложусь рядом. Она отвечает на мои поцелуи смело, не закрывая глаз, еще неумелыми, но жадными губами. Я чувствую ее нежный язычок.

На дворе дети уже играют в войну и нам отлично слышны их крики.

Лежим так, то целуясь и стискивая друг друга, то болтая и смеясь, почти до 9 часов вечера.

Здесь публикуется лишь небольшая часть из дневников А.К.Гладкова. Всего они составляют 60 томов, в которых запись за каждый день представляет собой от половины до полутора листов плотной машинописи (через 1 интервал). Писал в дневник Гладков практически ежедневно (хотя время от времени все же встречаются пропуски), фиксируя поздно вечером события прошедшего дня. В нашей публикации купоры обозначены только в пределах одной записи; опущенные начала или концы записей, а также пропуски целиком больших хронологических фрагментов специально не оговариваются.

Сокращению подверглись, в основном, пересказы сообщений «радиоголосов» и газет на внешнеполитические темы и о преследовании диссидентов, записи о погоде и самочувствии, а также многочисленные любовные линии.

1945

27 февраля 1945

Сегодня днем отправился в особняк на Гоголевском бульваре, где помещается Дальстрой. Через Дементьеву было сговорено, что меня примет начальник Дальстроя Никишев. Он не заставил меня ждать и сразу принял в большом и пустоватом кабинете в присутствии какого-то мрачноватого человека в форме госбезопасности. Сам он был в штатском. Этот Никишев, комиссар госбезопасности 2-го ранга, депутат Верховного Совета, Герой Социалистического Труда и прочия, и прочия, полновластный диктатор Колымы, имеющий власть над жизнью и смертью сотен тысяч, а м.б., и миллионов людей. Все, пребывавшие на этом посту до него, были поочередно объявлены шпионами и расстреляны, начиная со старого большевика Берзина. С любопытством его рассматриваю: широкоплеч, грузен, мрачноват, но вежлив. На штатском костюме орденская колод-

ка. Он будто бы обо мне слышал и видел в Магадане «Давным-давно». Рассказываю ему о деле Левы. Он не перебивает. Прошу разрешения Леве уехать в Россию. Официально до конца войны освободившимся не разрешают отъезд на материк. Он сказал, что не возражает, если я думаю, что удастся уладить вопрос с пропиской в Москве, но только после начала навигации. В это время появилась в нарядной шубке, благоухающая духами, его супруга Александра Романовна Гридасова, тоже какой-то чин в Дальстрое, начальница женских лагерей, но сейчас, здесь выглядящая просто как обычная дама из мира власть имущих. Она еще более приветливо стала разговаривать со мной. Тоже пришлось рассказать ей о Левином деле. Она посоветовала ему не торопиться уезжать из Магадана, а постараться сначала снять там судимость, что будто бы возможно после 3-х лет после освобождения (т. е. — окончания срока). Три года будет в июле этого года. Конечно, это было бы самое лучшее, тем более, если она и Никишев смогут (и захотят) повлиять на это решение. Шанс на это есть. Я пригласил их обоих на спектакль «Давным-давно» в ЦТКА. Обещали придти. Я тоже приду, и там мы закрепим знакомство. Она, несколько наивно, спросила: не был ли кто-нибудь арестован за последнее время из видных актеров. Я никого не мог вспомнить, кроме певца Вадима Козина, хотя его, кажется, взяли за педерастию. О Козине они слышали и сразу оживились, и она сказала: «Ваня, запиши...» Но «Ваня» записывать не стал и сказал человеку в форме, чтобы записал тот. Тот кивнул головой. Я понял, что они постараются забрать его в свою епархию. Ну, что ж, с такими меценатами ему там, м. б., будет неплохо...

Несмотря на благоприятный ход беседы, вышел из особняка с неприятным чувством. Уж очень я старался понравиться этому палачу (из песни слова не выкинешь). Правда, я это делал не ради себя, а для Левы. Но все равно противно. Это напоминает то, о чем говорил Пушкин, про «подлость в каждой жилке»... Шел по бульвару, по которому я когда-то еще ходил в школу, и думал, как непрочно ниточка, на которой висит судьба каждого из нас, и как немного надо, чтобы и мне быть в числе рабов этого комиссара и его супруги в шикарной шубке, ходить в колымских сутробах под конвоем вместо Левы и больше всего бояться обратить на себя его <т. е. конвоя — С.Ш.> внимание. Просто механизм судьбы сработал так, а не иначе, вот и все.

28 февраля 1945

Запаковал Леве две объемистые посылки и еще одну посылку только из книг и новых пьес. И.Б.Дементьева любезно согласилась

отвезти их ему в багаже самого Никишева. Из книг (кроме пьес-новинок) послал третью книгу эренбургской «Войны», «Земной простор» Пастернака и «Встречи» Шкловского, плюс англо-русский словарь и учебник английского языка, которые он почему-то просит. Плюс еще несколько номеров новых толстых журналов.

В одной из посылок мой сравнительно новый, но узкий мне и короткий серый костюм. Лева меньше меня, и ему он может быть как раз, особенно если перевернуть его и чуть подделать. Это уже на случай его возвращения летом – чтобы было в чем ехать. В карманы костюма положил трофейную немецкую трубку, привезенную мною с фронта, несколько пар носков и несколько коробок «Казбека».

В другой посылке табачные изделия (съестного Лева почему-то просил не посылать). Триста грамм трубочного табака «Золотое руно», триста грамм трубочного табака «Капитанский», 300 грамм табака «Казбек», триста грамм табака «Беломор», две сотни папирос «Казбек» и две сотни папирос «Беломор». И еще три записные книжки.

1948

Рига

20 января 1948

У книжника Кузьмицкого, сектанта и спекулянта, и у какого-то старого адвоката, распродающего остатки когда-то, видимо, отличной библиотеки: все книги в переплетах и с тиснением на корешках, купил 43 тома. В том числе 4 книги Бунина, 2 – Шмелева, 2 – Тэффи, 3 – С.Волконского, 3 – Крымова, Бальмонта и др. Алданова не достал ничего. Еще купил 50 томов «Современных записок». Весь мой номер завален книгами. Еще купил 14 пластинок Вертинского. Денег не хватило. Остался должен Кузьмицкому, обещав из Москвы перевести.

22 января 1948

Еду. В поезде приступ страха, не совсем беспричинного. Я не паникер, но после лета 37-го и весны 39-го такого со мной не было. Уверенность в слежке, в том, что меня ждут на вокзале в Москве и все прочее. Страшноватая ночь. Браню себя за приобретение книг, за эту поездку, которая кажется мне роковой.

Из Москвы ехал с одним чемоданом, а в Риге пришлось купить еще один, вместительный.

18 февраля 1948

Читаю Сирина «Подвиг». Хорошо! Как художник Сирин сильнее всех из зарубежных и должен быть поставлен прямо вслед за Буниным. «Защита Лукина» – книга с проблесками гениальности. Куприн и Шмелев в эмиграции – настоящие рамолики. Даже Наживин литературно пристойней их. Симпатичен, хотя и не очень талантлив, Осоргин.

Прочел, взяв у Тарасенкова, «Некрополь» Ходасевича. Великолепная книга! Умно и интересно, хотя и с оттенком сплетни. <...> Лучший очерк о Горьком. Он написан с нескрываемой горечью и без привычной для Х. злости. Я бы очень хотел иметь эту книгу в своей библиотеке. <...>

Проза Сирина действует на меня возбуждающе – хочется писать самому. Это третий роман С., который я читаю, а впереди еще пять (в журналах).

10 августа 1948

Встревоженный Сережа Ларин. В Риге арестован книжник Кузьмицкий. Перебираем возможные варианты и успокаиваем себя. Я иду проводить его. Расстаемся на углу улицы Фрунзе и Моховой. Остается холодок тревоги. Но мало ли было такого за все эти годы!

15 августа 1948

Глупая история с книжниками-спекулянтами. Ссора. Милиция. Опрос. Мне это рассказывает испуганная Валя Осипович. Успокаиваю ее.

Павел Шеффель вел себя, как идиот. И все же неприятно.

22 сентября 1948

На днях произошел странный случай, о котором я сначала не хотел писать. Но все время думаю об этом.

Меня вдруг вызвали в нашу милицию в военный стол. Я старый белобилетник и пошел, недоумевая. Предъявил свои документы. Меня попросили подождать. Я сел на стул в коридоре и стал ждать. Несколько человек в форме и штатские проходили из одной двери в другую и внимательно оглядывали меня. Потом из комнаты, где военный стол, вышел человек и сказал, что я могу идти домой, что произошла ошибка. Я ушел, но у меня осталось ощущение, что меня кому-то показывали. Людям из оперотдела или агентам. И не могу от этого отделаться.

30 сентября 1948

Умер Качалов. Я его когда-то очень любил и «У врат царства» видел, наверно, раз двадцать. И все остальное, что он играл с 1925 года, видел по несколько раз.

Вечером захожу в театр. Сажу у Лобанова. Администратор Генессин приносит мне на подпись оттиски афиши. Потом заходим с Гушанским в кафе «Националь». Пьем немного. С нами сидит В. Ардов.

Сейчас сяду писать футбольные куплеты для капустника. Тункель только что звонил, напоминал...

Этой ночью я был арестован*.

1954

17 октября 1954

...хочу только на часик заехать к Паустовским, созваниваюсь, но, заехав, просиживаю там до ночи...

Задерживаюсь я там из-за В.Б. Шкловского, который является туда со своей новой женой, одной из знаменитых сестер Суок, вдовы Нарбуты, кажется...

В.Б. тоже постаревший, но кажущийся здоровым, твердым, крепким. Разговор о том о сём за чайным столом. Пьем опять мукузани, коньяк и еще что-то... Татьяна по-старому гостеприимна. В.Б., здороваясь, рассматривает меня с откровенным, но не обидным любопытством. В конце вечера он говорит, что из всех «вернувшихся» (Л. Соловьев, Бондарин, Гехт и др.) я выгляжу лучше всех. Слухов о «возвращении» много – это сейчас поветрие. Называют многие знаменитые имена, вплоть до К.Р. <Радека? – С. III.> Но все это область слухов. В.Б. рассказывает о смерти Бабеля где-то в области Коми. Будто бы он пользовался расположением начальника лагеря и «не работал», писал, бывал у него дома, и однажды, придя по его приглашенью вроде как на вечеринку, только войдя, упал у двери и сразу умер – что-то сердечное. Будто бы после него там где-то остались рукописи, но некому их взять... В.Б. рассказывает, что его не печатали три года, и он принужден был продать библиотеку в ССП. «Она там стоит отдельно, и никто ею не пользуется». <...> Я говорю, что на днях только снял вдруг с полки и взял читать на ночь

* В лагерях Гладкову также удавалось вести отрывочные записи, которые он сумел при освобождении вывезти и впоследствии обработал, переписав на машинке, но не до конца. Эта часть дневников Гладкова в нашей публикации полностью опускается.

«Сентиментальное путешествие», и В.Б. прерывает меня: «Хорошая книга. Прозрачная», — и это не получается у него неприятно, как и то, что, только сев за стол, он сразу без приглашения берет на вилку холодную котлету и начинает жадно есть. Ест он много, пьет мало. Жена его держится скромно и производит приятное впечатление. Потом мы сидим с ним вдвоем на диване в большой комнате и болтаем о разном. Эгоцентризм его как-то стал мягче, кажется. Возвращаемся домой вместе на такси. Он живет теперь где-то в переулке между набережной и Остоженкой, видимо, оставив свою прежнюю квартиру старой жене.

1955

12 августа 1955

Если описывать лето 55 г., то надо описать ночные бдения молодежи на запись в очередь на Дрезденскую галерею, исписанный студенческими остротами и стихами забор в Антиповском переулке... Помню, я как-то около двенадцати возвращался домой в страшный ливень, а в подъездах Антиповского и улицы Маркса и Энгельса уже стояли и ждали. А в хорошую погоду сидят всю ночь на тротуаре в Антиповском. Тут же, конечно, студенческие романы. Это пригодится.

13 сентября 1955

...Сентябрь стоит великолепный. Дни жаркие, вечера теплые. В Москве Аденауэр. Сложные переговоры с резкими речами обеих сторон. Сегодня после футбола были в «Праге» с Арбузовым, Аней и Тоней. Там был его <Аденауэра> секретарь, напившийся в дым. Встреча с ним смешная в уборной, где он вытаскивает бумажник и роется там, не зная, сколько дать на чай за мытье рук. Вокруг него суетится администрация. <...> В журнале «Новое время» напечатана хвалебная статья о повести Хемингуэя «Старик и море». Это тоже последствия женевской оттепели. Вышел первый том двухтомника Есенина.

15 сентября 1955

Часто встречаюсь на футболе с Костей Есениным. Он инженер-строитель и страстный болельщик. По его словам, с месяц назад начался пересмотр дела Всев. Эмильевича Мейерхольда. Начало этому положила Таня Есенина, специально для этого приехавшая из Ташкента, где она живет постоянно с мужем. Обоих их — Костю и Таню — я помню еще подростками. Таня проявила большую энергию

в хлопотах в прокуратуре и добилась пересмотра. Результата еще нет, но есть надежда, что все впечатление вынесла Таня после нескольких встреч со следователем, ведущим пересмотр. Он уже вызывал ряд лиц, близко знавших В.Э., как-то: Эренбурга, Пастернака, Олешу, Ильинского и др. Будто бы Эренбург и Ильинский читали даже «последнее слово» В.Э. на заседании трибунала. В этом «слове» В.Э. отказался от показаний, данных на предварительном следствии, вынужденных «мученьями, непереносимыми для 65-летнего старика», и заявил, что жил и умрет коммунистом. После этого его будто бы прервали и увели. Раньше был слух, что он умер в 42 году в пересыльной тюрьме в Кирове, но сейчас кажется ясно, что он был в 40-м году расстрелян. Говорят, что привлечен к ответственности ведший его дело тогда следователь. Пастернак будто бы, на вопрос следователя, был ли Мейерхольд «советским человеком», после паузы ответил, что тот был более советским человеком, чем он сам, т.е. Пастернак. На Б.Л. это очень похоже. Ряд крупных деятелей театра по просьбе Тани написали в прокуратуру свои отзывы о Вс.Эм. как деятеле театра: в том числе Акимов, Попов и др. – все будто бы очень положительные. Речь идет не только о гражданской реабилитации Мейерхольда, но и о его реабилитации как деятеля и художника. Если это произойдет, то последствия этого будут огромны. Современная, грубо фальсифицированная разными Калашниковыми и Ростоцкими, история советского театра, где М. изображался только как злой гений и чуть ли не идеологический диверсант, должна быть решительно пересмотрена. Может быть, станет возможным и издание трудов В.Эм. или того, что от них сохранилось. И для меня, и для многих других учеников и соратников В.Э. это тоже будет иметь огромное значение.

16 сентября 1955

...Встретил Юрия Карловича Олешу, с которым у меня сейчас очень хорошие отношения. Он спрашивал совета, браться ли ему за инсценировку «Идиота» для вахтанговцев. Мы с ним долго говорили о Достоевском и его романах. Он хорошо и умно говорит об «Идиоте». Любопытно, что он убежден, что Раскольников не убивал старуху, а убил ее маляр, и что это прообраз Дмитрия Карамазова, который был виноват, потому что «мысленно убил». Я не помню хорошо текст соответствующих глав романа. Надо бы перечитать.

Вышел второй том Есенина без «Страны негодяев», выброшенной уже при печатании будто бы потому, что это «антиамериканская» пьеса. Это чепуха, конечно, и вообще это не шедевр, но интересны умонастроения цензуры. По словам Алигер, из новых изда-

ний Маяковского выбрасывают антиамериканские стихи. Снова и снова оправдывается поговорка: заставь дурака богу молиться...

28 октября 1955

...Перечитываю Бабеля. Лучшие его вещи – последние, ergo... В «Конармии» много литературы. После войны, описанной Хемингуэем, это кажется оперой. Торжественно празднуют юбилей Сергеева-Ценского. Он, бесспорно, большой писатель, но хрестоматийный глянец на него наведен нестерпимый. А ведь «Страда» это слабая вещь, роман о Брусилове тоже. Можно в юбилейные дни не вспоминать об этом, но писать, что у него каждая строка жемчужина – глупость. Почти все, написанное им после революции, несравненно ниже ранних вещей. И многописание его похоже на старческую болтливость. Критики у нас нет. Если бы она была, этот елей был бы невозможен. Тогда бы было сказано, что талантливейший Пришвин в конце своего пути превратился в литературную кокетку. Он научился писать просто и все время жеманничал своим пантеизмом, обо всем говоря с какой-то библейской значительностью. Была бы сказана правда о том, что честный малый и старательный литератор Федин вовсе не корифей литературы и что «Необыкновенное лето» его – скучный, неживой роман, а талантливый Л.Леонов старомоден, витиеват и утомительно красноречив. Многое можно было сказать, но охотников нет. Или потерял вкус, или критика стала чисто конъюнктурно спекулятивным занятием.

1957

13 января 1957

...Сегодня днем был у К.Г.<Паустовского>. Он и Таня бодрятся, но, видимо, на душе у них неважно. <...>

На днях у него дома было заседание редколлегии альманаха «Литерат. Москва». Алигер с перепугу забрала половину (4 из 8) цикла стихотворений Ахматовой, и что-то ее пугает в новой части «Повести о жизни» К.Г., которая там должна идти в 3-й книге. К.Г. зато протестует против напечатанья воспоминаний Либединского о Фадееве, искусно высветляющих его облик. Второй том (недавно вышедший) уже под обстрелом за статью Крона, за фразу в предисловии к рассказу Ив. Катаева, за рассказы Яшина и Жданова и что-то еще.

История о «друзьях» Миндлина Х.-М.Мугуеве, Вадецком и Хайте и микрофоне. История о том, как в ресторане, за месяц до само-

убийства Фадеева, ему некто реабилитированный плюнул в лицо*. История о причине гибели М.Кольцова: приказ Марти о расстреле трех разведчиков, его ссора с Кольцовым, его письмо Сталину и проч. Будто бы сам Марти (ныне исключенный из партии) грубый, нетерпимый, с задатками деспотизма. Все это как-то аукнулось в романе Хемингуэя «По ком звонит колокол».

История о скандале Пастернака и Вишневского на новоселье у Федина в начале 50-х годов. «Пью за будущего советского поэта П.», и Б.Л. спокойно: «Идите вы в п....». Общий ужас. Б.Л. повторяет. В<ишневский> быстро уходит, потом и истерика Федина.

Рассказ о Кривицком, с которым я недавно познакомился у Блантера. Будто бы Симонов уже тяготится им, как им тяготился перед смертью Павленко, но отделаться от него не так легко, видимо. Что общего у Блантера с ним? Все это странно.

Будто бы А.Сурков живет на грани истерики постоянной от всех этих «вечный» и волнений. В Союзе писателей тяжелая обстановка грызни и склок.

29 января 1957

Юрий Олеша по целым дням сидит в «Национале». Маленький, грузный, с длинными седыми свисающими волосами, часто небритый, с белой щетиной. Недавно вышел его однотомник, и у него впервые за многие годы появились большие деньги. Кажется, он получил 70 тысяч. Кроме того, он получил за свой «Дневник» в «Литер. Москве», за инсценировку «Идиота» от Театра Вахтангова. Он пьет понемногу целый день и почти все время пьян. Уходя на ночь домой, он всегда берет с собой бутылку коньяка или портвейна. Ему приносит его кельнерша завернутой в бумагу, и он ее засовывает во внутренний карман пиджака. Его пиджак в клеточку, еще бывший новеньким в прошлом году, уже обтрепался, на рукавах бахрама.

Вчера (28 янв. 57 г.) я наблюдал его почти целый день. Приходили и уходили разные люди, и за полдня и вечер мы с ним и Андреем Старостиным сидели, кажется, за тремя разными столиками. Из менявшихся собутельников были Шток, Товстоногов, Макс Южный, скользкий и противный Шура Брыкин, С.Кирсанов, Я.Смеяков, Ю.Трифонов, С.Гушанский, М.Ладынина и пр.

Еще до моего прихода разыгралась какая-то странная и противная история с молодой киноактрисочкой, просившей у Ю.К. 2000 руб-

* Эту историю рассказывали о бывшем активном рапповце и бывшем приятеле Фадеева Иване Макарьеве.

лей, и участием во всем этом предприятии ее любовника, некоего, как говорят, стукача и сутенера Горохова (автор книги о «Робсоне»). Кончилось это все тем, что Ю.К. послал их тут же, за столиком, по матери. История гнусная, но характерная. Надо записать ее подробней потом.

Вот из сказанного им в этот вечер, запомнившееся:

– Я, кажется, уже так пьян, что даже не могу перевернуть стол, как это ни необходимо...

– Скоро я умру. Да, скоро. Может быть, сегодня ночью...

– Почему, Ю.К.?

– Так надо. Да, так надо... – (Но это все довольно весело, без «трагизма»). – Что обо мне напишут в некрологе: «Умер известный писатель»... Да, больше ничего не скажут, «известный» и все... Вот моя формула – «известный».

В этот день объявление о присуждении Катаеву за 60-летие ордена Трудового Красного Знамени. Кто-то предлагает – поедем к Катаеву?

– Нет, я не поеду. Я с ним в ссоре. Я с ним двадцать лет в ссоре. – А потом вдруг: – Ну, хорошо, поедем, только все, – ко мне. И ты, Саша.

Я говорю, что я не знаком с ним.

– Это неважно. Ты со мной.

– Ты написал гениальный фарс «Давным-давно». Это гениальный фарс. Это лучшая русская историческая пьеса. Фарс о 12-м годе. Это ведь надо осмелиться...

– Хочешь, я прочту тебе лучшие русские стихи? Это Фета.

Смеляков говорит, что не любит Фета.

– Нет, ты послушай, вы все послушайте... – Он читает: «Твоя рука в моей руке и это чудо...» и еще две строки.

Рассказывает о Сейфуллиной, очень трогательно.

– Вы знаете, как я хотел однажды уязвить Маяковского. Он считал деньги, и я говорю ему: «А вы, В.В., ведь любите деньги, правда?» А он мне спокойно: «Да, я люблю эти маленькие металлические кружочки...» И я сел. Так и сел.

– Я теперь очень добрый. Вы заметили, какой я стал добрый? Когда-то я скандалил, любил оскорблять, придираюсь, а теперь мне хочется, чтобы всем было хорошо. Да, да, пусть всем будет хорошо.

Смеляков, не знаю, искренне ли, ревнует свою жену к ее соседям. Ее это восхищает. Но на днях он получает квартиру в Черемушках. Он всех зовет 1-го на новоселье.

Кирсанов рассказывает, как когда-то в Одессе он шел по улице еще подростком, в коротких штанишках. Вдруг видит, на углу сто-

ит юный Олеша в студенческой фуражке с полуоторванным околышем. Он к нему: «Юра, что вы тут делаете?» Олеша: «Я жду *женщину!*» (на его отчетливой дикции).

Кто-то подходит. Какие-то молодые грузины, желающие выпить за Ладынину. Пожимают и нам руки. Олеша (представляясь им): «Свидригайлов!»

Они не читали Достоевского. Ладынина (она сидит с нами), знакомя нас, остальных, говорит, что мы писатели... Грузины галантно говорят: «Кто же не знает известных русских писателей товарища Свидригайлова и Гладкова!» – и сразу кто-то из них предлагает тост за писателя Свидригайлова. Олеша встает и раскланивается на все стороны.

16 декабря 1957

Вчера у меня был Валя Португалов. Рассказывал о себе и других, читал свои стихи, вспоминали разное... Он работает инструктором Дома народного творчества в Магадане и приехал на какой-то семинар. В местном альманахе он напечатал поэму о Семене Дежнёве.

Его рассказы: об очной ставке с Екатериной Шевелевой, которая посадила его и Леву, о прибытии на Колыму и о том, как жили там в палатках на полярном морозе и ветру в день праздника 7 ноября 1937 г., и о том, как с Д.Мирским была истерика, что он не может срать на морозе в 50 градусов, о том, как Мирский работал в гараже (отворял ворота машинам) и как умер от «психического поноса», о Нарбуте, о смерти О.Мандельштама на Владивостокской пересылке в 38-м году и о многом другом. Сейчас на Колыме остались единицы от «призыва 1937 г.» – из тысяч и десятков тысяч. В настоящее время лагеря в экономике края не играют значительной роли.

Политических мало в лагерях – только большесрочники оставшиеся.

После Фестиваля <Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве 28 июля – 11 августа 1957. – С.Ш.> туда привезли 200 остриженных московских блядей, без срока, просто высланных.

О том, как выводили перед рвом во время войны, про его побег и пр.

Сейчас он настроен бодро и жизнерадостно. Женат, у него двое детей. Хочет перебраться сюда, но это трудно осуществить: жила-площадь, прописка и пр.

1958

10 апреля 1958

Из новых сплетен: <...>, о растрате вернувшимся из лагерей И.Макарьевым партвзносов на 30 тысяч. Их погасил его зять Никита Богословский, но все же скандал большой. Это любопытно в связи с моей теорией о разложении всех долго сидевших и выживших, которую я как-то излагал Арбузову и которой он противопоставил «светлый» образ Макарьева.

25 июня 1958

Выйдя на час прогуляться, встретил на Арбате Юзовского, который покупал ландыши и потом конфеты в кондитерской, и некоторое время гулял с ним.

Он спросил меня: «что вы делаете?» – и, прежде, чем я ответил, сказал: «Все мы ждем прекрасного дня, когда сможем начать делать настоящую литературу...» Фраза о том, что промелькнуло и погасло и пр. «Весь остаток XX века литература будет занята сюжетами, которые даст подлинная история 30-х и 40-х гг. Что Бальзак, Достоевский перед этим?...» и т. п.

Говорим о дневниках, которых почти не было в эту эпоху и которые вряд ли заменят мемуары, которых тоже не видно. Он жалуется на память и говорит, что, ожидая «гостей», он сжег много интересных бумаг, и в том числе несколько писем Мейерхольда. История с гибелью его брата, Бурского, довольно для меня темная. Я не задаю вопросов, но кое-что он рассказывает сам. «16 октября <1941 г.> Бурский, работавший в Софинформбюро, вечером, когда ждали, что немцы могут ворваться в Москву, сидел с Г.Ф.Александровым, и последний, находившийся в крайне нервном состоянии, сказал что-то вроде: “Вот так кончается эпоха!”... Бурский стал с ним спорить, что не все пропало, и когда все обошлось, Александров не простил Бурскому того, что тот был свидетелем его паники и пессимизма... Александров – убийца моего брата!...»

18 ноября 1958

Вчера днем смотрел спектакль Ремеза. Пьеса К.Финна («целинная серия»), но местами хорошо написана. <...>

Обратно ехал с Мишей Светловым (нас подвез Табачников). Миша страшно худ, бледен, щеки совсем провалились. Опять пьет (да и переставал ли?). Уговорил меня зайти в кафе-мороженое, где мы с ним выпили немного коньяка. Все официантки с ним, как с родным. Одна благодарит его за подарок мальчику, а он уже не

помнит ни мальчика, ни подарка. Потом выяснилось, что он, пьяный, как-то сунул ей трехрублевую матрешку. Он получил деньги за книжку в «Сов. писателе», купил зачем-то пьянино, пальто и костюм и уже снова без копейки. Звонил из автомата Пете Туру и просил займы 500 р. Долго, уже выпив, рассказывал мне о какой-то своей любовной неудаче. Его обошел на полголовы Евтушенко. Рассказывал так сбивчиво и туманно, что едва можно было уловить в рассказе черты реального происшествия. А до этого говорили с ним о молодых поэтах, и пока он не опьянел, он говорил умно, остро и ясно. Он считает, что Евтушенко еще неизвестно куда повернет, и что у него в глазах «сумасшествинки», и что он к 30 годам сойдет с ума. Соколов способный, но неумелый. Смеляков понимает, что пишет «не то» и что все это понимают, но играет, с внутренним отчаянием, взятую роль, ибо запуган своей биографией. От этого и пьет. Я хотел его спросить – а отчего пьет он сам, но не стал... О Пастернаке: он был искренен и когда писал роман, и «Лейтенанта Шмидта», а этого не понимают, но в том-то и дело, что в его душе одно не исключает другого. И еще не понимают, что он уже не человек, а явление. Миша живет в Переделкине и сам слышал, как местные хулиганы кричат у дачи Пастернака: «Жид» и «Иуда». Федин просидел у Пастернака ночь перед решением того принять премию, и отговаривал, и Б.Л. дал ему слово, что подумает, а утром через 2 ч. придет и скажет, и не пришел. Сейчас у Б.Л. обмороки.

1960

27 апреля 1960

Постепенно становится неинтересно записывать все личное. Да оно и стало вполне второстепенным рядом с наблюдениями над временем и тем, что я называл бы раскрывающейся тайной истории.

Вчера в одном доме встретился с давно знакомым В.А.Сутыриным. Он написал сценарий-инсценировку «Королей и капусты» О.Генри. Просто удивительно, что этот человек, носящий в памяти столько захватывающе интересного, занимается такой ерундой (впрочем, это очень типично). Из его рассказов надо бы записать о том, как он, в числе некоторых тифлисских работников, поехал к стоящему у тифлисского вокзала личному вагону Троцкого (схавшего лечиться в Сухуми) с только что полученным известием о смерти Ленина. Троцкий был поражен и растерян. Завязанный в шарфы и какие-то бабьи кацавейки. Потом он наблюдал Троцкого в Сухуми во время отдыха и на охоте. Неприятный лично, хотя и блестящий, эгоцентрик. Его мало любили окружающие. Еще история о встрече

в начале 1935 года в строившемся у станции Кола лагере, где В.А. возглавлял какое-то строительство, с присланным к нему вроде как в ссылку «начальником планового отдела» А.Г.Шляпниковым. Растерянность обоих. Непонятность появления Ш. – не то присланного на работу, но уже разучившегося работать, не то полу-заключенного. Сутырин запросил Бермана. Тот удивился, что там оказался Ш. (какая-то накладка ГУЛАГа) и вызвал его в Москву. Вскоре Ш. оказался в Верхне-Уральском политизоляторе. Сутырин уверяет, что он и, сам ожидая ареста в 1937 г., все же «верил» в невероятные показания участников процессов и даже в признания своих друзей: Авербаха, Киршона и др. и написал Ежову большое письмо. Еще интересный рассказ о знаменитом пленуме ЦК, после которого застрелился Орджоникидзе (февр.-мартовском?), куда привезли (из тюрьмы?) Бухарина, производшего впечатление юродивого или потрясенного забитостью: обросшего, с мертвенно-бледным цветом лица, странно державшегося и то плакавшего, то хихикавшего, и, когда ему дали слово, не говорившего, а несшего просто чушь и даже не поднявшегося на трибуну, а говорившего со ступенек. Знакомый С., передававший ему это, сказал, что Б. производил впечатление распада личности. Из очень симпатичных людей, репрессированных в те годы, С. вспоминает б. наркомлеса Иванова (того, которого обвинили, что он служил в царской охранке). История с Коротким, женатым на сестре Гамарника, которая еще жива. Жива и вдова Киршона, и вдова Ягоды, и вдова Авербаха. Об Ягоде С. тоже говорит хорошо, хотя и прибавил, что он «вероятно, никогда не будет реабилитирован»...

2 июня 1960

Приезжаю <из Ленинграда> в 10 ч. 5 м. По дороге домой заезжаю в ВУОАП, потом на телеграф и т. д. Снова дома в час дня. Звонок Н.Д.<Оттена>. Он только что из крематория с похорон Е.Д.Штейнберга, умершего в ночь на 31 мая. И сразу – вторая трагическая новость: в ту же ночь без 15 м. 12-ть (30 мая) умер Пастернак. «Мы едем на похороны в Переделкино. Хотите, заедем за вами?..» – «Конечно!..» Наскоро бреюсь. Н.Д. и Е.М.<Гольцпева> заезжают раньше, чем через час. Едем. Жаркий день. Всё в цвету. По дороге узнаю подробности неожиданной смерти Евг.Дав. В этот день он читал лекцию в своем институте. Во время нее ему стало плохо. Он превозмог. Домой его проводили. Вернувшись, сказал же не довольно весело: «Я видел в лицо смерть!..» Полежав немного, принял горячий душ. Снова стало плохо. Умер в сознании. До этого не страдал никакими сердечными болезнями. Я видел его перед

своим отъездом <в Ленинград>. Он обычным живчиком бегал по кабинету, много курил и интересно говорил о смене поколений интеллигенции в революции. Предложил мне переделать его пьесу о Фуше (и быть соавтором). Я на другой день прочел пьесу, и она мне совсем не понравилась. Так и уехал, не дав ответа...

Б.Л. уже давно болел, и рокового исхода ждали, хотя в последние дни было вроде улучшения (как это часто бывает почему-то). Незадолго до смерти он сказал, когда ему делали очередной укол: «Ну зачем вы меня мучаете? Ведь я все равно умру»...

Утро было безоблачным, а в середине дня появились легкие облака. В Переделкине на повороте улицы перед Домом творчества стоит милиционер. Остановив машину, он спрашивает: «Вам куда?» Н.Д. отвечает: «На дачу Горбатовых» (не желая афишировать приезда на похороны). Милиционер говорит, что если на похороны, то машину надо оставить здесь. Тут я замечаю, что у него погоны майора. Оставляем машину среди других 10-15 машин и пешком идем на улицу Павленко, где находится дача Пастернака (неподалеку от дачи Горбатовых–Афиногеновых). Ворота открыты настежь. В саду уже довольно много народа, хотя до выноса тела еще более двух часов. Вижу К.Г.Паустовского, В.Каверина, Л.Славина, Соколова-Микитова. Проходим в комнату к телу Б.Л. Он лежит в гробу, засыпанном цветами, в черном костюме и белой манишке. Желто-бледное, очень исхудалое, красивое лицо. Три больших венка. Говорят, что один от Литфонда, другой от Вс. Иванова и третий от Чуковского. Выходим с противоположной стороны дома. В саду уже много иностранных журналистов, фоторепортеров и кинооператоров. Они – спокойные, деловитые, большей частью высокие, с галстуками «бабочкой», многие с переводчиками. Хладнокровно делают свое дело. Легко можно заметить и наших «агентов», тоже с фотоаппаратом и тоже снимающими всех, кто находится в саду. Я жалею, что не захватил свой «Зенит». В комнате, соседней с той, где стоит гроб, звуки фортепиано. Все время, сменяя друг друга, играют Андрей Волконский, С.Рихтер и Юдина. Тут же бродит Галя Арбузова. Толпа заметно увеличивается с каждой минутой. Вижу Б.Ливанова, П.Маркова, Асмуса, Левика, Любимову, Гринберга, Февральского, М.Петровых, Лизу Крон. Немного спустя вижу и А.Крона, но он почему-то стоит около забора и не идет в дом. Переговариваемся с Паустовским. Обмахивается платком разомлевшая Татьяна. Паустовский сидит у окна комнаты, где лежит Б.Л., с Ольгой Ивинской – любовницей или последней женой Пастернака. Ее не пускают в дом к телу, и она взбирается к окну и долго смотрит в него... В этом есть нечто показное.

Постепенно в саду образовалась большая толпа. Много знакомых лиц. Мелькает Мелетинский, потом ко мне вдруг проталкивается Ю.Шаргородский. Он в сером толстом плаще. По его словам, он приехал сдавать испытания в какой-то заочный институт (постоянно он живет с Верой Сенкевич в Борисове), и у них сегодня в общежитии все говорили о похоронах и многие отправились. Будто бы на Киевском вокзале у касс висело написанное от руки объявление о том, где будут похороны и до какой станции ехать... Мы стоим слева от входа в дом, и все, идущие прощаться с Б.Л., проходят мимо. Распоряжается всем Еленсон из Литфонда. Он в сером костюме. У него кислое, испуганное лицо. К нам присоединяется Н.Столярова, секретарь Эренбурга (он сам сейчас в Стокгольме). Знакомство с проф. Пинским, приятелем Штейнберга, о котором я много от него слышал, тоже «крестником» Эльсберга. Знакомство с Сухомлиновым, в прошлом эсером и эмигрантом, а сейчас корреспондентом «Либерасьон». Как будто в толпе мелькнул П.Нилин, но не уверен. Обращает на себя внимание отсутствие друга юности Б.Л. Н.Асеева и, конечно, К.Федина, Л.Леонова и др. Впрочем, иного от них и нечего было ждать. Утром я встретил в табачном магазине на ул. Горького Твардовского с кем-то. Мне показалось, что он был пьян. Рассказывают, что Федин объявил себя больным (хотя здоров) и сидит на своей даче, ту же, недалеко, с закрытыми шторами. Нет ни Арбузова, ни Штока, ни Малогина, хотя все трое живут поблизости, а Шток просто рядом (через дачу). Много молодых, не известных мне людей, с усами, в очках и пр. — как говорят, молодых киношников, композиторов, архитекторов. Мелькнуло бледное лицо Эли Нусинова. Шныряет повсюду и неизбежный Арий Давыдович. У многих в руках охапки цветов, но у гроба цветов уже столько, что девать их некуда. В саду полным цветом цветет белая и лиловая сирень и стоят в нежно-белом цвету какие-то деревья. Кто-то рассказывает, что сегодня в «Литер. газете» есть сообщение о смерти «члена Литфонда Б.Пастернака». Странно, что, будучи в Москве, я все это время первым делом смотрел в газетах: нет ли сообщения о смерти П. (все знали, что он тяжело болен), а сегодня утром, купив еще на вокзале «Литературку», я так и не успел ее развернуть до звонка Н.Д. и Е.М. Уже передают рассказ о том, как сегодня, знакомясь с кем-то, Каверин назвал себя: «Член Литфонда Каверин», и еще кто-то говорит, что теперь звание «член Литфонда» будет почетнее звания «члена ССП». Настроение у собравшихся не подавленное, а, как бы сказать, — светло-трагическое. Даже смеются, и это не шокирует. Хорошо, что все-таки пришло так много народа. Многие (и я тоже) ждали, что все будет хуже, жалче (наверно, по ассо-

циации с рассказом о похоронах М.Зощенко). Народ все идет к телу и прибывает на участок. Американские журналисты воздвигли перед выходом из ворот какое-то деревянное сооружение из досок для кинооператора и фотографов и забрались туда уже. Мне показывают в толпе и известного Г.Шапиро. Иностранцы жадно следят за Паустовским. Когда он подошел к нам, они сразу же стали нас снимать и прислушиваться к разговору, и это было так противно, что я даже отошел. Очень нагло держатся наши филеры. Я полтора часа наблюдал за одним человеком в ковбойке, с низким лбом, который все топтался на одном месте, делая вид, что идет в дом к телу, но сам только зыркал вокруг. Трудно забыть его лицо, такое типажно-выразительное, что и не придумаешь лучше. Это был почти откровенный «агент», но, наверно, было и много более тонко засекреченных «стукачей» из нашей среды.

Так мы стоим часа два или около того. В начале пятого – вынос. Сначала закрыли доступ на 20 м<минут> к телу, и у гроба оставались самые близкие. О.Ивинскую не пустили, и она, довольно подчеркнуто и неприятно, стоя на скамейке, смотрела в окно. Потом раскрыли окно, и в окно и в двери стали передавать охапки цветов от гроба. Цветы плыли над толпой, и когда процессия тронулась к кладбищу, цветы были почти у всех в руках. Передали венки, крышку гроба и начали выносить гроб. Мы прошли вперед, чтобы не оказаться в конце шествия. Кладбище от дома метрах в 600 по дороге и гораздо ближе напрямик, через картофельное поле. Была приготовлена машина, но толпа не дала ставить гроб на машину, и его понесли на руках. Говорят, что когда Еленсон пытался настоять на машине, его даже угрожающе оттолкнули, и он сразу замолк. Мы пошли напрямик через поле и пришли на кладбище минут за двадцать до шествия с гробом. Место для могилы Б.Л. красивейшее: на пригорке под тремя соснами, открытое со всех сторон и в видимости от его дачи. Кроме почитателей Б.Л., приехавших из города на похороны, вижу на кладбище много местных обывательниц, явившихся на «зрелище» и толком не знающих, кого хоронят, с кошелками и авоськами. Вижу и Шуру Шток. Она извиняющимся голосом говорит, что Исидора «срочно вызвали в город», хотя я ее и не подумал спросить о нем. Толпа все растет. Вот подошла и процессия с гробом. Мы отходим, чтоб не толкаться, чуть в сторону. Гроб поднимают над толпой перед тем, как опустить, и я в последний раз вижу лицо Б.Л. Я стою шагах в 8-10 от могилы. Передо мной несколько рядов людей. Не хочется проталкиваться, что довольно бесцеремонно делают иностранные журналисты. Они уже и тут нашли какие-то деревянные ящики и соорудили помосты из досок. Опять мелькает

Г.Шапиро с переводчицей. Со своего места я вижу только спины и затылки ораторов, но все хорошо слышу. Кто-то говорит: «Объявляю траурное собрание открытым»... Затем говорит Асмус, старый друг Б.Л., у которого он даже жил в годы войны, вернувшись из Чистополя. Он говорит вполне пристойно. Потом Голубенцев читает «О, если б знал, что так бывает...», затем кто-то, очень юный, читает до сих пор не напечатанного «Гамлета». Концовка этого стихотворения звучит недвусмысленно выразительно. В толпе пробегает шум, и, видимо, в ответ на него, Еленсон объявляет траурный митинг закрытым. Возгласы протестов. Явочным порядком начинает говорить какую-то слащавую мистическую чушь некий молодой человек (говорят – семинарист). Он говорит о «вечной жизни», о том, что Б.Л. превратится в росу и пр. Начинает попахивать политической демонстрацией, что, конечно, не нужно и некстати во всех отношениях, и уже хотя бы потому, что Б.Л. этого терпеть не мог. Хриплый голос что-то выкрикивает «от рабочих Переделкина» (?), о том, что «рабочие» любили П., а почему его не печатали, они не понимают, и что он их «любил» и пр. Тут уже принимаются энергичные меры к прекращению разрастающегося скандала и раздаются прозаические возгласы команды: «Раз, два, взяли!» Это опускают гроб, стоявший на земле, в могилу. Вот я слышу, как застучали комки земли по крышке гроба Бориса Пастернака. К этому времени небо закрылось тонкой пеленой облаков, но по-прежнему было жарко. На большом суку одной из сосен висит самый большой венок. Иностранцы (и наши, разумеется) записывали в микрофон все речи. Общее настроение торжественно-приподнятое. Рыдания я слышал только при выносе гроба из дома и когда застучала земля по крышке. Стрекотал портативный киноаппарат. Когда гроб опускали, были возгласы: «Прощай, самый великий!» и слышались громкие споры. Снова читают стихи. Мы отходим в сторону. Кто-то ищет валидол. М.Петровых стало дурно. Тут же и Зоря.

Уезжаем с Н.Столяровой. Когда проезжаем через мост в Переделкине, я вспоминаю, что три года назад я разговаривал с ним на этом месте и что он говорил, что над ним собрались тучи (это было еще до его исключения из СССР).

Я взял с гроба ветку сирени и два красных цветка, но цветы отдал, по ее просьбе, Столяровой.

Приезжаем в город уже в восьмом часу. Заезжаем все к Н.Д. Я почти не спал эту ночь (поезд и пр.) и весь день ничего не ел, и у меня кружится немножко голова. У Оттонов выпил две чашки крепкого кофе. Н.Столярова очень симпатична. Ее рассказы об Ивинских, о сделанном Б.Л. два месяца назад завещании, когда он узнал,

что у него рак легких. Будто бы он хотел усыновить дочь Ивинской, но не успел. Н.Д., конечно, сразу повисает на телефоне. Звонят и ему (Женя Ласкина, Ю.Смирнов, М.Блейман и пр.). Конечно, все делают вид, что они не знали о похоронах, а то бы обязательно поехали, и выражают сожаление. Ночью я звоню в Киржач, как обещал, а мне звонит Арбузов и держит меня полтора часа у телефона, тоже фальшиво сожалея, что «не смог быть». Пробую поймать «Г<о-лос> А<мерики>», чтобы узнать, как они рассказывают о похоронах, но его старательно забивают, как и следовало ожидать.

В общем – от похорон хорошее, светлое, красивое ощущение. Если бы не дешевка речей «семинариста» и «рабочего», совсем было бы хорошо.

Долго мне не спится, хотя и очень устал.

Хорошо помню похороны Маяковского. Между теми похоронами и этими (двух великих поэтов) целая эпоха и почти вся жизнь. Вот, начать бы роман одними похоронами и кончить другими. Был я и на похоронах Есенина, совсем еще мальчишкой. Безвестно трагически погибли Цветаева и Мандельштам. Так же погиб Мейерхольд. Из «стаи славных» живет еще А.А.Ахматова.

Таруса

15 июня 1960

В воскресенье 12-го в Тарусе. В это утро Паустовский, по его словам, поставил точку в 4-й части «Повести жизни». Я сидел у него часа два. Он задыхается и плохо выглядит. Говорили больше обо всем, связанном с Пастернаком. Приехала его сестра Лидия из Лондона, назначенная им душеприказчицей наследства (она английская подданная). Последние слова Пастернака («Откройте окна!.. Ну, откройте же окна!.. Ну, разбейте окна!..») Подробности истории с Ивинской и пр.

Все, кто побоялся пойти на похороны Б.Л., откровенно жалеют об этом. Я слышал это от Трифонова, Штока, Арбузова: правда, двое первых прямо признаются, что побоялись, и Воронков (секретарь ССП) пугал, а Арбузов врет, что не знал, хотя в это время был в Переделкине. Паустовский сказал мне, что он не простит этого Арбузову.

24 сентября 1960

Вечером у Оттенев. Там же Ариадна Сергеевна <Эфрон> и Ада, ее подруга. Я привез <из Москвы> А.С. негатив силуэта ее матери работы Кругликовой и редкое фото: Цветаева с сыном на пляже,

которого у нее не было. Ее рассказы о матери, о Туруханске, где она была в ссылке, о тетке Анастасии Ивановне, с которой она все время ссорится (видимо – выжившая из ума старуха). Рассказ о выборах в Туруханске и о старухе, которая поняла <буквально> объявление «выборы от 6 утра до 12 ночи» и просидела в кабинке много часов, а ее боялись оттуда позвать.

Н.Я.Мандельштам дала мне воспоминания о Мандельштаме Анны Ахматовой. Это около пол-листа машинописи, в форме записи в дневнике. Написано блестяще: лаконично, невозмутимо, в традиции пушкинской прозы и непривычно «прямо». Н.Я. говорит, что А.А. давно ведет дневник и пишет мемуары. Это бесценная рукопись!

26 сентября 1960

Вдова Осипа Мандельштама живет в Тарусе на горе в маленьком трехконном домике. Она занимает три комнаты (а хозяйка одну).

Я спросил у Ариадны Сергеевны Эфрон (дочери Марины Цветаевой) – зачем ей, одинокой старухе, три комнаты?

– Потому что у нее всю жизнь не было ни одной...

Пишущая машинка, радиоприемник, три десятка книг, из которых большая часть словари (она по образованию и специальности лингвист), на стенах несколько пейзажей и натюрмортов Фалька и глиняных узбекских блюд с ярким орнаментом. На кровати лежит шотландский плед. Я смотрю на него и вспоминаю:

«Есть у нас паутина шотландского старого пледа,
Ты меня им укроешь, как флагом военным, когда я умру...»

Но поэт не был укрыт старым пледом. Он умер в холодном бараке пересыльного лагеря вблизи Владивостока, в конце 1938 года, после четырехлетних скитаний в ссылках и тюрьмах...

Я читал его письма к жене из нищей и тревожной воронежской ссылки. Каким небывалым счастьем показались бы ему эти маленькие комнатки в трехконном тарусском домике.

Здесь у вдовы хранится ненапечатанное наследие поэта. Оно огромно. Приблизительно это полторы сотни законченных и отделанных лирических стихотворений небывалой силы и свежести – по крайней мере, три полноценных стихотворных книги. Да еще черновик законченной книги о Данте, да несколько отрывков ненапечатанной прозы, да собрание (неполное) эпиграмм, экспромтов и пародий, да 80 писем – горькая летопись великой и жалкой жизни.

Часть из ненапечатанных стихотворений известна любителям. Они давно уже бродят по Москве в неточных списках. Бегло про-

смаатриваю архив. Около одной трети (а может, и больше) мне совершенно неизвестна, а ведь я собирал Мандельштама годами.

Мое внимание снова приковывает плед. Я спрашиваю о нем.

Нет, это конечно не тот. Но и *тот* сохранился. Он уже даже не паутинка, а тень паутинки. Он лежит в чемодане и бережно хранится. Почти четверть века скитаний, бездомности, бесприютности, но сохранен архив поэта и воспетый им старый плед.

Есть кое-какие издательские надежды. Говорят, что в план «Библиотеки поэта» (Большая серия) на 1961 год включен том «Избранного» Мандельштама. Имеется даже и редактор: Н.Харджиев. Но кто знает, когда это издание осуществится.

В выпущенном несколько лет назад «Избранном» О.М. в Нью-Йорке помещено только одно неизвестное стихотворение поэта. Одно из полутора сотен!

Ухожу. Черная осенняя ночь. Ноги вязнут в размокшей земле.

Вот звякнуло кольцо запора калитки.

Ярко светятся три окна маленького домика.

С Оки доносится свежее дыхание ветра. Теплый, влажный воздух.

Уже издалека оглядываюсь снова.

Весело светят три маленьких окна.

За ними, за легкими занавесками, бродит по трем комнатам старая женщина, 18 лет бывшая возлюбленной, женой, подругой и товарищем великого поэта и четверть века прятавшая его архив. В письмах он называл ее «Надик» и из ссылки утешал и подбабривал ее, «нищенку-подругу», как он ее назвал в одном из немногих грустных стихотворений. Сколько испытаний бедностью, преследованиями и страхом. Сколько облитых слезами подушек, бессонных ночей, унижительных ожиданий в казенных приемных...

29 сентября 1960

Все свободное время – Мандельштам. Он значителен и огромен. Большую часть я знал раньше, но теперь, в том реальном бытовом и историческом контексте, который представляют из себя воспомина-ния Ахматовой и Н.Я., все еще вырастает.

29 октября 1960

Приехала из Москвы Н.Я.Мандельштам. Она ездила проверять свое здоровье и побыть около Василисы Шкловской, с которой в почти 70-летнем возрасте разводится Виктор Борисович. Как проис-ходил развод в первой инстанции (Н.Я. там была). Молоденькая судья спросила почти 70-летнего Шкловского о причине развода, и

он громко ответил: «Любовь!» Он уже 10 лет живет с вдовой Нарбута, одной из сестер Суок. Василиса Шкловская не возражает против развода, но просит закрепить за ней госпенсию, если он умрет раньше ее. Реплика судьи: «Мужчины раньше» на фразу юриста Келлермана о том, что она старше его...

Будто бы при первом обыске у Ивинских присутствовал Хесин (когда была изъята пьеса, вернее, то, что в ней было написано – пролог). В Москве циркулирует слух, что Ивинские передали (хотели передать и т.п.) какие-то не то дневники или мемуары Пастернака за границу. Ничего невероятного в этом нет, но Н.Я., много лет дружившая с Б.Л., говорит, что никаких дневников он не вел.

Приехала из Ленинграда Ахматова, по словам Н.Я., «обнаглевшая оттого, что не умерла летом» (она тяжело болела), и сейчас все ест и пьет. Есть новые стихи, но списка у Н.Я. нет, а так она не запомнила. М. б., приедет сюда.

Спор о воспоминаниях Эренбурга. Н.Я. бранит, и Коля ее поддерживает (теория «малой пользы», компромиссы и пр.). Я и Елена Михайловна защищаем Эренбурга. А.С.Эфрон тоже говорит, что он написал «не так» о М.Цветаевой, а Н.Я. боится, что он «не так» напишет о Мандельштаме. Нашелся в стране один человек, который пишет о Цветаевой, Мандельштаме и др., и сразу на него напустились, что «не так». Это вроде анекдота о певце, который не поет, но, если бы пел, то не так...

10 октября 1960

Вчера прочел ненапечатанную «4-ю прозу» Мандельштама, полное «Путешествие в Армению» и ряд старых статей, большей частью ненапечатанных, и отрывки из записной книжки. В статьях есть масса блестящих мыслей и прекрасных формулировок, а «4-я проза», представляющая собой ряд отрывков, связанных с эпизодом травли Мандельштама в связи с историей о переводе «Уленшпигеля», но содержащая такой каскад гнева, презрения, обобщений и образов герценовского размаха, что естественно было бы отнести это по эмоциональному размаху к его позднейшим несчастьям. Написано это блестяще, крайне субъективно и остро, но для не знающих бытового и политического контекста, вероятно, темно... Я, относя это вчера Н.Я., сказал ей, что как удивительно, что в этом отрывке (15 стр. на машинке) О.Э. как бы предсказал или, вернее, предвосхитил свой будущий счет со временем и литературой, на что она тонко сказала: «Мне кажется, поэт не угадывает свое будущее, а строит его сознательно – так и О.Э.». Она вообще утверждает, что М. сознательно и зряче шел навстречу своей судьбе. Так ли это?

Долго вчера сидел у нее, и снова интереснейшие рассказы о многом: о периоде молчания Мандельштама (между 26 и 30 гг.) и причине этого. Ее концепция теории «капитуляции», о молчании Пастернака и Ахматовой приблизительно в тот же период. Ее развенчивание «легенды о святых двадцатых годах», тоже очень субъективное и спорное (ее характеристика Авербаха как прямого и наивно честного воплощения «20-х годов», по-моему, совершенно неверна). Интересна фраза Мандельштама в Воронеже в разговоре с Ахматовой: «Поэзия это власть». По ее словам, Ахматова «молча склонила длинную шею» в знак согласия. Это говорили ссыльный и нищий Мандельштам и опальная, тоже нищая, не печатаемая Ахматова – двое подлинных поэтов. Кстати, Н.Я. рассказывает, со слов Ахматовой, что, когда она недавно болела, к ней позвонил и пожелал ей выздоровления «тот, кто сейчас на месте Кирова», т. е., видимо, Спиридонов. Н.Я. читает мне наизусть недавние стихи А. «В Кремле не надо жить», которые я забыл текстуально, но смысл которых в том, что в Кремле еще бродят отзвуки великих бурь прошлого: Грозного, Самозванца и пр. – стихи острые и мудрые. На столе у нее лежит польский журнал со статьей о Мандельштаме (вышедший летом).

«Избранный Мандельштам» в Библиотеке поэта уже готов (составитель Харджиев) и разослан членам редколлегии, а когда выйдет, неизвестно, и выйдет ли? Она, видимо, предпочитает держаться на этот счет бодрого пессимизма. «Волчий цикл», конечно, не вошел, и еще Орлов выкинул почему-то «Флейту» и еще многое. Ее разгадка странной строки в «Если б меня враги наши взяли...» – шифр. Как она не поняла «Ламарка» и ей его объяснил Тынянов.

Почему-то мне интересны эти рассказы о погибшем поэте, как давно уже ничего не был так интересно. В его судьбе фокус времени и других параллельных судеб.

Н.Я. редкая умница и тонкий человек с широким историческим кругозором. Для того, чтобы перестать ей волноваться и продолжать жить всем этим, вероятно, нужно все записать, и тогда это, уйдя из души на бумагу, перестанет ее тревожить и бередить.

Два старика: она и К.Г. С ней мне разговаривать интересней. Она умнее.

18 ноября 1960

Аля Цветаева (А.С.Эфрон) прочитала «Давным-давно» и нашла у меня влияние «Конца Казановы» М.И.Цветаевой. Если б это было так, я только гордился бы, ведь «Конец Казановы» – моя любимейшая пьеса с начала 30-х годов. Неужели ее влияние заметно? Очень

смешно она сказала: «Вот, он знаменитый драматург, а маму все забыли...» Этот знаменитый драматург ходит с рваными ботинками, а за «мамины» книжки люди платят по несколько сотен рублей.

15-го Н.Д.<Оттен> видел у Ардовых Ахматову, и она ему не понравилась. По его словам, она «ханжила»: осуждала Пастернака за роман с Ивинской и пр. Говорит, что она похожа на Екатерину II в старости. Живет она в комнатке у кухни, которая предназначена для домработницы.

1961

31 октября

Съезд сегодня закончился краткой речью Хрущева и пением «Интернационала». <...>

Мавзолеем уже оделся лесами: снимают доску с именем Сталина. Говорят, что уже ночью саркофаг с его телом был убран оттуда. Весь день вокруг толпился народ, но поздно вечером всех удалили: началась репетиция ноябрьского парада. <...>

Югославское радио сообщает, что вчера Советский Союз в районе Новой Земли на высоте 4000 м взорвал супер-бомбу 50.000 мегатонн. Неру выразил сожаление, что Советский Союз не внял просьбе Сессии ООН отменить это испытание. Албанские газеты, сообщая о съезде, называют позицию Хрущева «изменой». Китайские газеты отмалчиваются, крайне скупко сообщая о съезде. Зато газеты Польши и других стран социалистического блока полны подробностями о репрессиях Сталина. Тон югославов скорее дружелюбный. Наша пресса о взрыве супер-бомбы еще не сообщала.

21 ноября 1961. Ночь

Услышал от С.Л., что вчера и третьего дня на Красной площади у мавзолея собирается народ и бурно дискусирует, и решил пойти послушать и посмотреть. Все-таки это один из поворотных моментов истории.

Не знаю, м.б., предыдущие дни это было еще бурнее, но и то, что я увидел и услышал сегодня, тоже достаточно интересно.

Как это выглядит? Кучками невдалеке от мавзолея стоит народ. Отчасти это похоже на «клуб болельщиков» у западной трибуны стадиона «Динамо». Импровизированно возникают споры. Отдельные фразы, реплики. Другие говорят пространно. Когда я подошел, то услышал, как какой-то юнец с непокрытой головой, в спортивной курточке, с раздражением говорил, что он-де ничего этого не знает и

верить никому не обязан... (в смысле — осуждению Сталина). Его слушали по-разному, некоторые явно сочувственно. Тут человек средних лет, хорошо одетый, стал говорить, что, вот, он просидел 16 лет только оттого, что его отца объявили врагом народа, а его еще мальчишкой забрали. И что, если бы не тридцать седьмой год, то не было бы поражений и отступлений 41 года... Юнец его прервал фразой: «А вы почему знаете?...» В толпе зашумели. Человек сказал: «Знаю. Я сидел вместе с невинно обвиненными генералами. Я слышал от них, как Сталин приказал расформировать танковые части, которые пришлось уже после <начала> войны снова формировать...» И он очень связно и разумно стал говорить о начале войны и ошибках командования, потом перешел к процессу Тухачевского и сказал, что его отец тоже был военным, и поэтому-то его это так интересует... Но юнец не сдавался: «Ну вот, я и говорю, что мы ничего не знаем: кто прав, кто виноват...» На это стал отвечать какой-то старик, тоже, как он сказал, бывший репрессированный... Потом другой человек, в шляпе и модном пальто, почти крикнул: «Ну, что же, пусть было и плохое, но ведь хорошего-то было больше!...» Завязался спор, а я пошел дальше... Это все было удивительно. Ничего подобного я не видел в жизни. И никакого страха ни перед кем. Говорили все, что приходит в голову. Агенты, если и были, то не показывали себя, как, например, на похоронах Пастернака. Не видел и фотоаппаратов. Впрочем, это было вечером... Даже милиционеры не подходили, а сдержанно улыбались издали. Разные слышал фразочки — и насчет того, что не надо издеваться над мертвым (какая-то женщина, немолодая), и нечто не очень почтительное насчет Хрущева, и то, что мы, мол, люди маленькие и ничего не знаем, а верим тому, что нам скажут, и то (какой-то седой, стройный человек), что, вот, это, мол, и плохо, что все ждут правду сверху, а сами думать не хотят... Ночь, вернее, поздний вечер, странное освещение, странная толпа, странная свобода мнений... Пожалуй, это самое удивительное, что я видел в Москве после своего возвращения...

Ленинград

20 декабря 1961*

Сегодня познакомился с А.А.Ахматовой. Вот как это все было...

* Эта запись вошла в посмертный сборник Гладкова «Поздние вечера» (М., 1986) в купированном виде. Исключенные из издания места мы выделяем курсивом для наглядной демонстрации того, как действовала советская цензура на первом году перестройки.

Проводив Эмму из гостиницы на урок английского языка (с которого она должна была идти играть спектакль), я почти у Литейного взял такси и поехал в больницу им. Ленина на Васильевский остров. Точного адреса у меня не было, но шофер довез меня туда в синеватых зимних ранних сумерках. Довольно легко нахожу нужный корпус: оказывается, что надо было взять пропуск, но меня пускают и без него. Едва напялив на свои мощные плечи белый халатик, выданный мне в гардеробе, поднимаюсь на второй этаж. Все как-то очень казарменно и казенно. Довольно большой зал, куда меня приводит лестница с бродящими фигурами больных женщин в халатах, разговаривающих с пришедшими на свидание. Было около пяти часов. Налево столик дежурной медсестры. Спрашиваю ее, как мне увидеть Анну Андреевну Ахматову, и получаю ответ: «Первая дверь направо». Иду по коридору. В стекло над первой дверью вижу, что в палате темно, иду дальше, потом возвращаюсь, какая-то женщина спрашивает меня: «Вам кого?» и объясняет, что мне надо как раз в эту дверь. Оказывается, А.А. спит. Я вхожу вслед за ней, она зажигает свет, и на первой койке справа я вижу лежащую фигуру спящей на левом боку женщины. Это Ахматова. Ее будят. Она сразу догадывается, что я это тот, кто привозил к ней на квартиру письмо от Н.Я. и не отдал его домашним. После нескольких фраз она начинает читать письмо, попросив извинения, и читает его долго, а я в это время рассматриваю ее, палату, а потом она, прочтя несколько фраз, заговаривает, я отвечаю, и некоторое время разговор так и идет с паузами, когда она читает длинное письмо. Н.Я. заставила меня его прочесть, и я знаю его содержание: там есть и пышные комплименты моему «уму», и кое-какие факты биографии, которые должны А.А. заставить считать меня «своим»... Палата небольшая, с окном в сад, вдоль каждой стены по две кровати. Кровать А.А. первая справа. Высокий столик с лекарствами и табуретка, заваленная книгами. Среди них последний номер «Иностранной литературы», «Сюжет и стиль» – новая книга акад. Виноградова, книжка стихов Элюара в переводах Антокольского, тоже новинка, и какие-то английские книги. Сверху лежит самый дешевый, какой есть, большой блокнот и на нем карандаш. А.А. красива, даже с румянцем в лице и чудесной сединой, руки ее обнажены почти до плеч; все время разговора она лежит на спине, почти не двигаясь. В руках сначала письмо, потом блокнот. Спрашивает о Н.Я. Оказывается, у А.А. в конце октября был третий инфаркт, сейчас лучше, но она не уверена, что «вылезла». Отвечая на мои вопросы, она говорит, что даже если бы ей разрешили выписаться, ей все равно некуда деваться, так как она не может ходить без посторонней помощи и сама открывать дверь, а

дома у нее по целым дням никого не бывает и на новой квартире нет даже телефона. Поэтому и Комарово ей сейчас недоступно. Она говорит это вовсе не жалуясь, а как бы шутливо: знакомая интонация гордости, которая не хочет просить. Все – чуть небрежно. В Москве ей тоже жить негде, если сможет приехать: у Ардовых, где она всегда останавливалась, в комнатке при кухне живет женившийся сын. Может быть, она остановится у М.Петровых, которая ее звала... Чувствуется, что старуха одинока и некому за ней всерьез присмотреть. Мне трудно припомнить весь разговор по порядку: он шел довольно хаотично. Кажется, она попросила меня прочесть три полученных ею на днях письма (или – не на днях, но недавно). Это было письмо от А.А.Суркова – две странички пером, с разными пожеланиями и излияниями преданности своей и жены, потом напечатанное на машинке письмо от академиков-филологов, просящих ее написать в какое-то издание Академии наук о «связи ее творчества с древним русским фольклором», и открытка из Рима, написанная по-русски, от некоего Филиппова, издателя сборников *«Воздушные пути»*, где уже дважды напечатана в разных вариантах ее *«Поэма без героя»*. Обратный адрес – какой-то шикарной римской гостиницы. А.А. шутливо называет это «письмом от акулы капитализма». Но любопытно, что открытка дошла до нее. Тут же попутно она рассказывает о посещении ее каким-то изучающим русскую поэзию американцем, явившимся со всей семьей и даже с маленьким мальчиком. Еще она говорит, что в настоящее время в Сорбонне С.Лаффит читает специальный курс о поэзии Ахматовой. «Ходит слух, что в ленинградской “Звезде” в №3 будут напечатаны мои стихи и статья о Пушкине...» Это точная ее фраза, мне запомнившаяся, с неуловимо иронической и защитно небрежной интонацией. Я спрашиваю ее: есть ли у нее мемуары в прозе, вроде «листочков из дневника», посвященных Мандельштаму. Она отвечает уклончиво: «Нет, если не считать маленьких отрывков»... Рассказывает, как все время растет «Поэма без героя», и спрашивает, знаю ли я ее. Я отвечаю утвердительно. «Многие говорят, что она темная, непонятная: это правда?» Я отвечаю, что все, заранее понятное, не вызывает в читателе процесса восприятия и понимания, что стихи надо сначала «не понимать» и, входя в них, «начать понимать», что для этого они и пишутся, – или что-то в этом роде, мысль не очень ясно выраженная, но А.А. понятая, как будто. Она спрашивает: есть ли у меня список поэмы. Я отвечаю, что есть, но список 46 года. Она прерывает меня: «Дайте мне слово, что, вернувшись, вы немедленно уничтожите этот ужасный вариант!»... Я шутливо жалуясь, что останусь ни с чем, и на это она мне обещает вскоре подарить новый полный последний список, который скоро

будет («последнее издание») в шести экземплярах: два из них она собирается послать в Публичку и в Ленинскую библиотеку в Москву, «а остальные верным друзьям». Последнее, что она написала в поэме, по ее словам, это прозаические вставки. Она читала мои воспоминания о Мейерхольде и, бегло похвалив их, рассказывает о какой-то женщине С. (забыл точную фамилию), в которую «как всем известно, был влюблен Мейерхольд и даже посвящал ей спектакли» (?) *Потом она встретила ее в трагические годы дежурств на Шпалерной, когда у нее тоже сидел сын Эрик (кажется), и еще однажды там, где шел суд над ним, и А.А. думала, что свидетелем по суду будет Лева, и она его мельком увидела**. Говорим о приговоре «10 лет без права переписки», что тогда было псевдонимом казни. Я рассказываю ей о конце Мейерхольда. Она говорит, что встретила однажды его «жену» у какого-то окошечка «справок». В ответ на мое недоумение она добавляет: «Нет, я говорю не о Райх, а о жене...» Она читает сейчас печатающийся в «Иностранной литературе» роман Фолкнера «Особняк», и он ей не нравится. Из молодых поэтов она высоко оценивает Володю Корнилова, особенно за поэму о смерти Сталина, которую она знает. Рассказывает, как недавно к ней в больницу проникли два молодых поэта или любителя поэзии, которые требовали от нее немедленного ответа, как сейчас надо писать, как она или как Пастернак. «Я им ответила, что Лермонтов и Тютчев жили в одно время и писали по-разному, и оба были поэтами подлинными». Я ей говорю о небывалом сейчас приливе интереса к стихам. Она соглашается, что даже до нее сюда эти волны стихолюбия докатываются и что это всегда признак начала поэтической эпохи... Почему-то вспоминаем о Бальмонте. Я говорю о нелюбви своей к нему. Она с пониманием кивает и вспоминает, как после приезда Бальмонта из эмиграции в десятых годах на него ополчился в печати Брюсов, Бальмонт заносчиво отвечал, и они так спорили о дележе поэтического престола, а «мы молча улыбались, потому что знали, что истинные любители стихов были уже за нас и подходило наше время». («Мы» – акмеисты, конечно). Где-то тут она попросила меня передать ей лежавшие под книгами какие-то листки и, бегло взглянув на них, попросила меня их прочесть. Это были напечатанные на

* Гладков записал неточно: речь идет об актрисе О.Н.Высотской, которой Мейерхольд в 1912, когда служил в Александринском театре, посвятил свою режиссерскую работу над спектаклем «Заложники жизни» (пьеса Ф.К.Сологуба), и ее сыне (от Н.С.Гумилева) Оресте, впоследствии директоре леспромхоза, директоре какой-то мебельной фабрики. Единокровные братья Лев Гумилев и Орест Высотский были арестованы в 1938; Лев отправлен в лагерь, а Орест освобожден в 1939 или 1940-м.

машинке «Александр у Фив» и «Комаровские кроки». Я пробормотал что-то. Она попросила передать стихи Н.Я., и «если удастся», то попробовать *через Галю Корнилову (она сказала: «жену Корнилова»)* напечатать первое стихотворение в «Литературной газете». Потом она попросила передать ей блокнот и прочитала записанные в нем начерно стихи «Твоя земля» и еще стихи, посвященные певице Вишневской, певшей по радио Баха. Эти стихи, особенно первое, мне понравились больше, и я стал просить их для газеты, но А.А. сказала, что они не отделанны и второе слишком «блоковское». И она перечла первые две строки, и впрямь интонационно похожие на Блока. Я что-то дипломатично, но неуверенно возразил. *Потом она прочитала мне заключительное стихотворение из цикла «Реквием» (14 стихов. о 37 годе), написанного в те «трагические годы». Я запомнил несколько строчек:*

*И если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество,
Но только с условием не ставить его
Ни около моря, где я родилась, –
Последняя с морем потеряна связь,
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов...
И пусть с неподвижных и бронзовых век
Как слезы, струится подтаявший снег...*

Это последнее стихотворение из цикла о том, как она бесконечно простаивала у Большого дома у окна справок, когда был арестован ее сын, Лев.

Читала она это, оглядываясь и попросивши меня сказать ей: действительно ли в этот момент в палате никого нет (все время ее соседки то выходили, то входили: уже горело электричество). Читала она очень ясно, чуть пришептывая, но почти незаметно, без «раскраски», но с удивительно прекрасной и чистой артикуляцией губ. Должен сказать, что начала она читать мне стихи без моей особой просьбы, хотя она и вертелась у меня на устах. Я был, естественно, несколько напряжен и взволнован и потому все запомнил не так четко, как это у меня обычно бывает (как и при первой встрече с Эренбургом). Я сказал ей, что надо обязательно «Реквием» записать (забыл упомянуть, что она сказала: «Эти стихи никогда не были записаны на бумаге» – она читала их наизусть). Она спросила: «Вы думаете, можно?..» – «Да, да, и можно, и нужно посылать их во

все редакции»... Она недоверчиво улыбнулась, и мы стали говорить о том, могут ли вернуться «те времена». У нее есть и сильна еще инерция страха, и мудрено ли при такой страшной жизни? Об «этом» тоже говорили подробно: она спросила меня, «где» я «был» и прочее. Я раза два порывался встать и проститься, но она меня удерживала: «Я не устала, если вы никуда не торопитесь...» Прошло более двух часов. Санитарка вкатила тележку с лекарствами и что-то поставила ей на столик – я сидел спиной к двери на стуле. Потом другая санитарка вкатила тележку с ужином. Бегло взглянул – какая-то неаппетитная и совсем ерцевская* рыба, вроде трески. Все это жалко и так казенно и скудно – и палата, и соседки старухи, и эта мокрая рыба, что защемило сердце. Я встал и начал прощаться. Она не удерживала больше. Я нагнулся и поцеловал лежавшую на одеяле ее прекрасную руку, ту руку, которая столько написала... Вышел, как на крыльях. В кармане два никому еще не известных стихотворения Ахматовой. Спустился, отдал халат, оделся и вышел на темную широкую улицу. Некоторое время шел по ней, сам не зная куда, потом увидел зеленый огонек, остановил такси и очнулся только когда мы уже ехали мимо Ростральных колонн... Сложное чувство, вернее, клубок нескольких чувств: и восхищение перед неувыдаемостью и свежестью ума и дарования этой удивительной женщины, и восторг от легкости и свободы, с которой я с ней говорил (которые у меня были и с Всеволодом Эмильевичем и с Борисом Леонидовичем), и тоскливое чувство жалости к ней, и стыд за обстановку, в которой она находится, и гордость за то, что она ни разу не подала виду, что ее это тяготит. Я подумал, что она могла бы оказаться в «те годы» в лагере, и представил, как достойно бы и легко она «там» держалась. Много думалось, пока я летел в снежный вечер в такси с Васильевского на Невский по «ее городу»...

Конечно, я забыл здесь записать многое: и разговор о Пастернаке (она спросила, знал ли я его), и о том, как долетает до нее в больницу «литературная соль» споров и драк. У нее бывают, кроме родных (Пуниных), Добин и Адмони, какие-то профессора...

Долго бродил по Невскому, по каналу Грибоедова, по Марсову полю – не хотелось идти в гостиницу. Потом пришел, и сразу какие-то глупые звонки.

Ночью отвез Эмму со спектакля, вернулся домой, т.е. в номер, и сразу сел за машинку.

Эту встречу мне подарила Н.Я., и это поистине царский подарок.

* Ерцево – лагерь, где отбывал срок Гладков.

Из великих поэтов XX века я знал Маяковского и Пастернака, теперь узнал Ахматову. Мог лично знать, но только видел мельком Мандельштама. Никогда не видел самую любимую – Цветаеву, хотя дважды пришел в место, откуда она только что ушла (редакция «30 дней»).

Москва

26 декабря 1961

Только что пришел с заседания бюро секции поэтов, где происходило обсуждение стихов и песен Булата Окуджавы. Мне утром по телефону Боря Слуцкий сказал, что готовится разгром, и пригласил прийти на выручку. В старом здании клуба наверху собралось человек тридцать-сорок: кроме членов «бюро» – молодые поэты и пр. Вокруг стола сели организаторы собрания; остальные тут же рядом, у стен. Окуджава пришел с гитарой в черном чехле, явно волнуясь. Он только на днях был принят в члены ССП. Сперва он читал. Потом стал петь. Ему Смеляков, Луконин и др. бросали недружелюбные реплики, вроде: «Нет, ты спой, что на этих своих вечерах поешь!» Окуджава, бледный и нервный, отвечал: «Я все спою»... И постепенно произошло чудо: талант поэта-исполнителя, обаяние его и ответные токи от большинства слушавших, которое было настроено вроде меня, т. е. заранее настроено дружески и знало эти песни, сделали свое дело – атмосфера как-то удивительно переменялась, и к началу обсуждения стало ясно: «прорабатывать» Окуджаву не удастся. Хотя против него говорили глупости (дурак Ситковский, провокационно-двусмысленно – Коваленков, Солоухин, В.Лифшиц), другие (Боков, Слуцкий, Наровчатов, Дик и пр.) хвалили Окуджаву так прямо и точно, что замысел организаторов был сорван. Все кончилось триумфом Окуджавы. Чем-то это мне напомнило прекрасный фильм «12 рассерженных мужчин» – и это тоже могло быть сюжетом о победе поэта. По мере хода обсуждения Смеляков все чаще стал спускаться в ресторан и к концу совершенно напился так, что жене пришлось его увести.

1962

22 января 1962

...захожу в Дом литераторов. Там пьяный и унылый Миша Светлов без копейки денег. Редкий случай – просит заказать ему мясное блюдо. Рассказывает о своих семейных неурядицах. Ему нужно сроч-

но достать 3000 р., чтобы оплатить пай в кооперативе и уехать со старой квартиры, где женившийся сын и Рада с ее сложными делами. Мечтает об одиночестве: жить одному и, проснувшись утром в пустой квартире, слушать весеннюю капель с крыш... Он очень грустен, даже говорит о самоубийстве. Худой, бледный, в грязном, помятом костюме.

24 января 1962

О чем говорит Москва? О тяжелом положении раненного при автомобильной катастрофе акад. Ландау. О слухах о разногласиях в головке руководства и оппозиции кого-то хрущевской линии XX и XXII съездов с выкорчевыванием остатков «культа». В стране нелегкое продовольственное положение – везде, кроме столиц. Бывший только что в Тбилиси Шток рассказывает, что там везде висят портреты Сталина, у памятника (не снятого) все время живые цветы и дежурство молодежи, чтобы не допустить неожиданного свержения монумента. В Италии сильная оппозиция в компартии, обвиняющая Тольятти в том, что он когда-то, когда он был еще Эрколи и работал в Коминтерне, дал санкцию на расстрел трех итальянских коммунистов в Москве. Как-то за обедом в ЦДЛ знакомство с Андреевой (родственницей детей Л<еонида> Н<иколаевича>), тоже сидевшей долго. Ее рассказ, как 31 окт. <1961г.>, в день, когда была взорвана супер-бомба у Новой Земли, это отразилось в Воркуте: противоречивые приказы городского начальства по радио: то оставаться в домах, то выйти на большое расстояние от строений, паника, страх перед облучением и пр. Но в Воркуте никаких заметных последствий не было пока, а в Инте, которая дальше от места взрыва, были сорваны крыши, выбиты стекла, есть жертвы, что доказывает, что траектория волны шла по касательной кривой.

25 мая 1962

Встречаюсь с Португаловым. Долго сидим с ним в Александровском саду, и он мне рассказывает о 37-м годе – как он выглядел с той стороны тюремной решетки. В недели тюрьмы и этапа перед ним промелькнули в камерах: поэт Иван Приблудный, В.Правдухин, А.Нейман (наркоминделовец, уже в августе), И.И.Радченко, старый большевик, А.Грамп, секретари обкомов Тульского, Орловского. Никто ничего не понимал. Старые большевики держали себя достойно, замкнуто. В одном этапе с ним и Леовой ехал Мирский. В пересыльном лагере у Владивостока встретили поэта В.Князева, прибывшего туда с ленинградским этапом, и В.Нарбута, прибывшего с тем же этапом, что и они. С ними же ехал наш дальний родственник Шурик Конд-

ратов, совсем мальчик, все преступление которого заключалось в том, что он сказал в школе, что больше интересуется Ницше, чем Марксом. Он погиб в ближайшие годы на целине. Князев и Мирский работали в гараже: открывали ворота машинам. Ворота тяжелые, но это была самая легкая работа. Среди начальства были опасные чекисты из Ленинграда: Медведь и Запорожец. Они исчезли в конце 37-го или начале 38-го года. Диктатором был начальник Дальстроя Я. Берзин, потом <пропуск в тексте; должна стоять фамилия Гаранин. – С.Ш.>, затем появился Никишев. Первое впечатление, когда прибыли на пароходе в Магадан: «Неужели здесь могут жить люди?...» Пурга, ветра, морозы. Жили на берегу залива в палатках. Мирский мучался тем, что ему все время нужно было выходить на мороз: больной желудок и недержание мочи. Режим менялся, но были суровые годы и месяцы, когда на разводах зачитывали списки расстрелянных в эту ночь. Конвоир мог не понравившего з/к отвести в сторону и застрелить, и ничего ему не было.

Валя поступает на Высшие литературные курсы: он принят в Магадане в члены ССП. За два года надеется устроиться в Москве. Выглядит неплохо.

25 июня 1962

Вернувшись под вечер на дачу, снова читал, вернее, перечитывал отдельные места «Доктора Живаго». Завтра мне нужно книгу отдать.

Что же сказать о ней? Я скорее разочарован. Есть удивительные страницы, но насколько бы их было больше, если бы Б.Л. написал не роман, а просто книгу, исповедь о самом себе. Все, что от романа – слабо почти, люди не живут. Разговоры интеллигентов – или наивная персонафикация авторских размышлений, или неумелая подделка. Все народные сцены по языку диалогов фальшивы: этого Б.Л. не слышит. Романно-фабульные ходы тоже наивны, условны и натянуты. Подражание Достоевскому, но у Достоевского получались споры – идейные диспуты, а тут этого нет, так как все герои это маленькие Пастернаки, только одни замешанные густо, а другие пожиже. Картины времени нет. Это моралистическая (не философская) притча с иллюстрациями романического и описательного характера. Но всё, что о природе – прекрасно. И об искусстве. И о процессе сочинения стихов. И отдельные (хотя статические) психологические этюды, разбросанные там и тут по ходу действия. И, конечно, стихи. И еще кое-что. Но великого романа нет. И зарубежный успех книги явно политически спекулятивен. И понятно наше раздражение, хотя ему и придали, по инерции эпохи «культы», такую грубую, неум-

ную форму. Несомненно, субъективно – опубликование этой книги – акт большого личного мужества Б.Л., но позиция его неверна и неумдра.

26 июня 1962

Перечитал написанное вчера о «Докторе Живаго». Хочу добавить, что в книге есть поразительные внутренние противоречия. В начале автор голосом одного из героев говорит, что «человек живет не в природе, а в истории», а вся концепция романа именно антиисторична, даже в пастернаковском понимании – «разгадка смерти и ее преодоление» и есть «история». Б.Л. много говорит о прелести «повседневности», «быта», но этого-то совсем нет в романе: «бытовые детали» приблизительны и неточны, почти как в слабой пьесе, лишенной воздуха. Говорю это не без труда: слишком уж я люблю Б.Л. и как поэта, и лично, и бесконечно навсегда благодарен ему за то, что получил и продолжаю получать от его поэзии. Но он сам в этой книге говорит, что главная беда времени – отсутствие у людей собственного мнения. В моей среде – естественней безоговорочно хвалить Б.Л. (как это делают Оттены и др.) и психологически труднее признаваться, что роман не понравился, но, исполняя завет Б.Л., решаюсь высказать *собственное мнение*, и мне безразлично, кто и в каких целях в свое время яростно бранил роман (большинство – не прочитав его). Беда Б.Л. в неверном выборе жанра того большого сочинения в прозе, к которому его так тянуло. Вместо того, чтобы, как Герцен, самому найти новую форму (или, как Толстой, *в романе*), он взял чужую форму и ему лично чуждую и натянул ее на свой замысел и попал в плен к ней.

1964

18 февраля 1964

Прочел «Превращение» Кафки. Написано это хорошо, но как-то здорово надоели иносказания. Если даже прав Боря <Слуцкий> в своей трактовке сюжета, то на хрена, чтобы это выразить, все это выдумывать: ведь эта простая мысль не нуждается в такой хитроумной зашифровке. И вообще, ребусы принято печатать в отделе «Смесь» на последней странице. Надо иметь вокруг себя очень благополучный и устойчивый быт, чтобы возникла потребность в подобном искусстве. Что-то не верится в кошмарную действительность послевоенной Чехословакии, где даже нищим и бездомным русским поэтам платили государственные пенсии (см. переписку Цветаевой и

ее очерк о Белом). После того, что видели и знаем мы все, эти гротески напоминают шевеление языком тихо ноющего зуба.

31 марта 1964

...Вчера я был на просмотре художественным советом «Ленфильма» «Гамлета».

Я ждал большего и – другого. Смоктуновский очень хорош. Его Гамлет современен, умен, сложен, но... в конечном счете банален, ибо в фильме нет цельной концепции, он иллюстративен, иногда до наивности. Увы, Козинцев все-таки импотент, что можно было подозревать уже и по «Дон Кихоту», где Черкасов сделал сумасшедшего фантаста и озорника похожим на русского интеллигента, эдакого дядю Ваню. В фильме нет мысли, нет темперамента, нет трагедии. Трагедии нет, потому что Гамлет ни в чем не сомневается: для него проблемы добра и зла не существует, а тема мести в ее прямом значении была уже архаизмом и для Шекспира. Как ни горько это сказать, фильм ниже Шекспира, примитивнее. И еще – он досадно театрален. Особенно это заметно после английского «Короля Лира», такого сурового, строгого, очищенного от всякой бутафории и декоративности. Все, кроме Смоктуновского, играют неважно, т.е. неинтересно. Есть, конечно, и красивые куски, но этого мало.

20 июня 1964

Интересный день, хотя и утомительный из-за страшной жары.

Утром еду в город и прямо к Маше Валлентей (Мейерхольд). Она рассказывает о истории с безобразными купюрами, сделанными Февральским, которые приходится сейчас исправлять, и это задерживает издание литературного наследия Мейерхольда. Не очень достоверный рассказ об отношениях к Мейерхольду Ежова, о будто бы им данным разрешении на выезд за границу. Об отношениях Таши и З.Н. <Райх>.

Созвонившись с Над. Яковл., еду к ней, но по дороге заезжаю на телеграф и получаю телеграмму от Киселева с просьбой срочно приехать, и от Эммы о том же (только, конечно, в другой тональности).

Над. Як. показывает мне гранки из 8-го номера «Москвы» с воспоминаниями Н. Чуковского о Мандельштаме и подборкой его стихов. Воспоминания полны неточностями и плохо написаны, но я советую ей не добиваться исправления. Это задержит, и мало ли что может случиться, а важно появление любого печатного о Мандельштаме (тем более, что в подборке много отличных стихов и даже «Волк»). Звонит Анна Андреевна Ахматова и просит зайти к ней на Ордынку к Ардовым и привести к Шкловским (где живет, как

всегда, Над. Як.). В это время приходит молчаливый физик в очках, которого я уже видел в этом доме, поклонник стихов и хороших поэтов, человек немолодой и ответственный. Идем втроем за А.А. Она плохо ходит даже с палкой и иногда что-то недослышивает, но лицо ее не по-старушечьему красиво и значительно, ум свеж и остроумие не блекнет. Удастся взять такси и, хотя это близко, везем ее; потом я с физиком отправляемся за покупками. А.А. вина не пьет, а только водку, но сегодня она не хочет пить, и мы покупаем боржом, сыра, ветчины, шпротов и апельсинов. Образуется маленький пир. Еще горячая картошка и чай. Кроме нас еще старуха Василиса Шкловская, Варя, Панченко, потом приходит какой-то Ефим и Юлия Живова.

Сидим так несколько часов. А.А. говорит немного, но всегда интересно. Юлия Живова приносит известие, что А.А. разрешена поездка в Италию. Там ей присудили какую-то премию и идет что-то вроде фестиваля поэзии. До этого все время отказывали. Будто бы разрешено ехать на 10 дней в любое удобное А.А. время. А.А. узнает это впервые вот тут. Она заметно (хотя не слишком) оживляется и просит, чтобы проверили. Звонят Маргарите Алигер, и та подтверждает (у нее дочь Маша служит в Иностранной комиссии ССР). Заходит речь о воспоминаниях Чуковского, и А.А. говорит то же, что и я («Большой человек имеет право быть отраженным в ста зеркалах, и каждое отражение существенно»). Н.Я., рассказывая, что у нее как будто выходит дело с пропиской через чью-то протекцию (какой-то Гольцев из «Известий»), говорит, что это ей стоило «ночи» (тот просидел у нее допоздна, расспрашивая об О.Э.), и А.А. мягко острит, что «когда Коломбине 65 лет, то это уже не безнравственно»... Вот таков стиль болтовни. Я расспрашиваю А.А. о поэте Кленовском, о котором прочитал у Глеба Струве. А.А. говорит, что он не талантлив, но на самом деле «царскосел», «сын известного художника-анималиста». Спрашиваю о «Дневнике» Оцуца*. Она говорит, что только час держала эту книгу в руках и даже побоялась подробно читать (опасаясь каких-нибудь сплетен про себя). Говоря о «вольностях» и «неточностях» в документальной литературе, я рассказываю, как меня исказили в биографии Комиссаржевской. Попутно хвалю воспоминания Веригиной. А.А. подтверждает, что та «очень хорошо пишет», и говорит, что следовало бы попросить написать воспоминания о Мейерхольде О.Высоцкую, которой В.Э.

* Вероятно, имеется в виду книга Н.А.Оцуца «Современники» (Париж, 1961), где собраны воспоминания о И.Анненском, Н.Гумилеве, Ф.Сологубе, К.Чуковском, В.Шкловском и др.

даже посвящал спектакли... Я об этом почему-то плохо знаю. Высоцкая жива. Надо узнать подробней.

Еще говорим о том и сём. А.А. шутит над Сурковым, даже пердразнивая, как он говорит ей «Моя дорогая» по телефону. Н.Я. рассказывает о воспоминаниях Е.Полонской о Зощенко. Услышав имя Полонской, А.А. ничего не говорит, но как-то иронически шевелит губами и насмешливо (хотя и сдержанно) смотрит на Н.Я. За этим тоже что-то мне неизвестное. Еще говорим о эмигрантах-поэтах. Мягче всего А.А. отзывается об Адамовиче, который еще жив и иногда выступает по Бибиси. Он как-то произнес целую речь об А.А. и потом прислал ей текст, извиняясь, что там было больше об Анненском, чем об А.А. На это А.А. сказала: «Ну, что ж, я рада, если я дала повод поговорить об Анненском».

Меня она узнала и разговаривала как с хорошим знакомым. Потом она ушла вместе с Юлей, которая пошла ее провожать, и забыла свою палку с ручкой из слоновой кости. Коля Панченко побежал ее догонять.

Я еще сижу с Над. Як. вдвоем в ее комнатке за кухней. Она собирается на днях ехать в Тарусу, где будет жить в той же квартире, где я у нее был впервые (улица Либкнехта, 29).

Вот тут пришел некий Ефим и разгорелся бурный спор об Илье Глазунове, выставка которого на днях открылась в Манеже и привлекает толпы любопытных. За Глазунова был он один, остальные все его резко ругали. Коля рассказывал о группе «русситов», куда его затягивал этот Глазунов. Это полускрытая литературная группировка – не совсем «кочетовцы», но близко: националисты, консерваторы. Во главе их будто бы Солоухин.

Комарово

30 декабря 1964

Сюда приехал Д.Е.Максимов. По его словам, в феврале том Пастернака пойдет в типографию. Вернулась А.А.Ахматова, объездившая всю Италию, измученная, усталая, объевшаяся славы. Вероятно, если у нее хватит сил, она поедет вскоре и в Англию. Ее славолубие и ревность: она удивлялась на Д.Е., зачем ему нужно заниматься Блоком, подразумевая: когда есть она. Когда в ее присутствии хвалят Цветаеву, молчит (хорошо воспитана), но человек этот для нее перестает существовать. Будто бы она расширила почти втрое свои воспоминания о Мандельштаме: надо выпросить у Н.Я. Терпеть не может Оттена (после одной встречи) и едва прощает Н.Я. то, что она живет с ними.

1965

11 февраля 1965

Утром позвонил Эренбургу, и он пригласил меня вечером придти, хотя завтра утром он уезжает с Л<юбовью> М<ихайловной> в Париж. У меня насморк и начинающийся грипп, но я иду и сижу часа три. Он едет на юбилей общества «Франция-СССР», но неохотно, и намекает, что предстоят «неприятные» встречи и разговоры, придется «по просьбе французских друзей» поехать к Пикассо и это чем-то его тяготит (уж не поссорился ли Пикассо с компартией, и французы ищут посредничества И.Г.?). Поминутно входит Л.М. – то ищут ночные туфли его, то еще что-то. Тут же Ирина, помогающая в сборах, потом приходит Козинцев. И все же И.Г. много и охотно рассказывает о разном. <...> Рассказы о Майском и его аресте и о том, как тот писал стихи в одиночке. Его обвиняли в том, что он был «связным» Берия в шпионских делах и прочей ерунде. Рассказ о Кагановиче, которому как-то Сталин сказал на заседании политбюро, что он даст ему в рожу, а тот загородился газетой и сказал, что его нельзя бить, раз он член политбюро; о том, как Сталин, не то в шутку, не то всерьез, сказал Хрущеву, что он не член ЦК, а польский шпион. О том, как Литвинов в 37-м году и в начале 50-х гг. спал с револьвером под подушкой, чтобы не дать живым, если за ним придут, как однажды жена поздно вернулась, а тот заснул и, услышав шум, чуть не застрелился... На общее положение смотрит скептически и не видит отрадного. Снова боится сближения с Китаем.

19 июля 1965

Рассказ Володи Медведева об упрямстве Анны Андр. в вопросе об оформлении ее книжки – он художник. Он предложил внутри воспроизвести обложки «Вечера» и других первых книг А.А., а эта сумасшедшая старуха возмутилась и заупрямилась: – Я считаю себя советской поэтессой и не желаю никаких напоминаний... Это уже явно из области склероза.

1966

Ленинград

4 марта 1966

Вчера вечером дневным поездом приехал из Москвы усталым, измученным непрекращающимся кашлем и небольшой, но упрямой

температурой. <...> 26-го <февраля> почти целый день у Надежды Яковлевны. 27-го вечером у Ильи Григорьевича. <...>

У Н.Я. я пробыл целый день и обедал. Она очень хвалит «Встречи с П.». «Да, это он!», – говорит она. Она хорошо знала его много лет, и это свидетельство ценно. Еще прочли рукопись Шаламов (ему понравилась только первая половина) и Дорош, которому, кажется, понравилось. Вечером у Н.Я. появился Шаламов, потом Наталья Ивановна, Пинский и Майя Синявская, жена героя процесса. Она некрасива, в очках, упряма, кажется очень усталой, но не подавленной. Рассказ ее о процессе, о свидании и пр. Возвращаясь, сидим в трамвае рядом. Я спрашиваю ее, что умеет делать С. кроме литературы. Она отвечает, что он даже гвоздь в стену не умеет вбить, в отличие от Даниэля, который умеет многое. Заключительное слово С. было построено на литературных увертках и, логичное по аргументам, в общем неискреннее. Даниэль говорил смелее, прямее, беря быка за рога и, хотя я не знаю ни того, ни другого и ничего из ихних сочинений не читал, в общем, по всему, что до меня дошло, Даниэль мне симпатичнее, хотя он и второе лицо процесса.

Общее отношение в Москве к нему <процессу> резко отрицательное даже у тех, кто, как я, не одобряют «двойной игры». Общество выросло, и осуждение за инакомыслие начинает казаться чудовищным. В этом огромный разрыв между интеллигенцией и руководством, которому чудовищным, вероятно, кажется право на инакомыслие. Боюсь, что суровость приговора еще усилит этот разрыв. Ходит рассказ, что Брежнев и Демичев перед судом приехали на дачу к Федину и, сославшись на протесты за рубежом и собственные сомнения, спросили его, как главу ССП, что делать, и он ответил: «Надо их судить!»... И тут разрыв – для них он большой и авторитетный писатель, наследник Горького, для большинства литераторов – жалкий и трусливый, малодаровитый старик. <...>

У Ильи Григорьевича пробыл 4 часа – с семи вечера до одиннадцати. <...>

Ужинали с вином. Почти все время с нами сидела Любовь Михайловна. Характерно, что за весь вечер был только один звонок, и то к Л.М. Так одинок И.Г.

Говорили сначала о процессе Синявского. И.Г. рассказывает с ноткой иронии об Арагоне. Как Арагон мог не знать о репрессиях, когда сестра Эльзы была женой погибшего Примакова? А он после XX съезда делал вид, что для него это страшное открытие. Рассказ о лекции И.Г. в Брюсселе студентам в дни процесса. Ехал и боялся, что будет обструкция, как в 58 г. в Стокгольме, и начал фразой: «Вы, должно быть, собираетесь задать мне ряд вопросов на извест-

ную тему. Но поверьте, что у меня самого столько же вопросов об этом, только я не знаю, кому их задать»... И этого было достаточно. Больше никто этого не коснулся. По словам И.Г., западный мир созрел и уже не принимает любого советского человека за представителя правительства СССР, понимает и разбирается в расслоении общества у нас, в группах и течениях.

5 марта 1966

8 часов вечера. Только что услышал по Бибиси, что сегодня в Москве умерла Анна Андреевна Ахматова. Недавно она снова болела, потом лежала у Ардовых. Надежда Яковлевна навещала ее в воскресенье 27-го февраля и сказала мне потом, что ей то ничего, то вновь плохо. После краткого, без подробностей, сообщения дикторы читают стихи из «Реквиема». Ей было 76 лет. Сырой, предвесенний денек.

12 марта 1966

Вчера в Комарове похоронили Ахматову. Я не поехал на похороны. По словам Максимова, все было неважно и достаточно фальшиво. Достаточно уже того, что речи говорили Михалков, Ходза и другие.

22 марта 1966

О том, как умерла Ахматова (из письма Л<евинского>). Утром 5-го к ней пришли (в санатории в Домодедове, куда ее перевезли после болезни и где вместе с ней была Н.А.Ольшевская) врачи, чтобы сделать кардиограмму. Она себя неплохо чувствовала и просила врачей поскорее сделать все процедуры, говоря, что она хочет не опоздать к завтраку и торопится выпить кофе. Но неожиданно она стала вдруг хрипеть. Сделали укол. Не помогло. Пустили кровь. То же не помогло. Через час она умерла. Сведущие люди говорят, что ее слишком рано подняли с постели.

Еще в Москве Н.Я. мне говорила, что на А.А. очень тяжелое впечатление произвели поминальные статьи о Жданове. Ей даже почудилось, что может снова начаться травля ее. Конечно, это нелепо, но в ее возрасте и при ее биографии такие страхи простительны. С этим чувством она жила последние дни. Разговор об этом был за несколько часов до ее смерти, и это теперь не выходит у меня из головы.

29 марта 1966

Смотрю в кино «Перед судом истории» – фильм Эрмлера с Шульгиным. Он интересен, но, конечно, морально и психологиче-

ски в нем победитель старик Шульгин, а не его молодой оппонент. За Шульгиным мудрость истории и то трудно определимое свойство, которое можно назвать пафосом кровной преемственности. И хотя в чем-то он и жалок (конечно, не в ошибках своих и их признании), м.б., в том, что он на старости лет принужден участвовать в этой пышно инсценированной игре в поддавки. Как не подсказали режиссеру, что грубо неприятен самодовольством и бурбонистостью старый большевик Петров, тоже играющий роль «победителя». И, при всей нарочности этого идеологического пасьянса, где-то Шульгин (а, стало быть, и фильм) трогателен и наводит на серьезные мысли (особенно в эпизодах, связанных с Государственной Думой и отречением царя). Фильм выпущен на экраны почти без рекламы, вернее, совсем без рекламы, но все же выпущен. А говорили, что его запретили. Зал полон. Смотрят и слушают внимательно.

22 апреля 1966

Да, Ленинские премии по литературе не присуждены никому. Это не останется без влияния на характер разных руководящих речей на предполагающемся осенью съезде, и до него, на происходящем сейчас в Москве совещании Союза писателей РСФСР. Уже невозможно будет говорить трафаретные слова о «новом подъеме» и т.п. И, в общем, — это полезно и, пожалуй, справедливо. Конечно, можно было бы дать кому-либо «за выслугу лет», но в целом год был серый, а дать премию Ю.П.Герману — значит, назвать искусством ту читабельную беллетристику, которую он так обильно сочиняет. Обиднее, что не дали премию А.Райкину — уж он-то ее заслужил.

27 апреля 1966

Был у меня вернувшийся из Москвы Фрид. <...> По его словам, Райкину не хватило 13-ти голосов на голосовании в Ленинском комитете. Против него голосовал почему-то Шостакович, а также Прокофьев, Серов, Соболев и др. Но в компенсацию ему дали квартиру в 100 метров в Москве над магазином «Грузия».

Вчера рано утром в Ташкенте было сильное землетрясение. Есть жертвы, много разрушений. Туда вылетели Косыгин и Брежнев. В отличие от прежних стихийных бедствий такого масштаба, из этого не делают секрета: в газетах заметки и фото.

Москва

28 мая 1966

Днем и вечером у Н.Я. Потом приходят Коля Панченко с Варей, ее подруга биолог Оля, какая-то филологичка Марта, американец

Кларенс, занимающийся в университете, славист, переводчик Мандельштама. Обычная болтовня.

Характерное: испуг Н.Я., когда он запоздал... Рассказ Панченко о вызове Жигулина в ЦК по поводу подписанного им письма (того, что говорит о «порухах»). Начало разговора: «Ты что, Толя, еврей, что ли?..» Ему объясняют, что письмо организовали евреи. Предлагают написать заявление, что он снимает свою подпись, и тогда «зеленая улица» книгам, пошлют за границу и пр. – если же нет, то «пenny на себя». Панченко прорабатывали в парткоме ССП. Щипачев с матом выгнал Сусанну Бабеньшеву*, пришедшую за его подписью, и это ставят ему в заслугу.

В «Новом мире» с №5 пойдет, наконец, роман Бека. История, как он спас жену в 37-м году. Она должна была пойти на партийное собрание, где ее собирались исключать. Он советует не ходить. Она ни в какую: партийное собрание, как же я могу?.. «Скажешь, что больна». – «Нет, не могу...» Тогда он берет с плиты кипевший компот и выливает ей на ноги. Ноги обварены, ее везут в больницу, и она спасена.

Бумаги Анны Андреевны будто бы захватили ее соседи, а Лев Гумилев пассивен и равнодушен. <...>

Все единодушно говорят, что наиболее сталинистски настроены в руководстве не самые старые а, наоборот, – «молодые» вожди. Это любопытно. <...>

Даниэль работает грузчиком, а Синявский в тарной мастерской – делает ящики. Его взяли под свою опеку сектанты. Посылки сейчас разрешают гораздо реже, чем в мое время.

14 мая 1966

Китайские газеты вдруг начали поносить Шолохова за то, что он принял Нобелевскую премию, чем «уравнял себя с белогвардейцем Буниным и клеветником Пастернаком». Все смешалось в доме Облонских.

16 мая 1966

Смотрел свои дневники 29–30 гг. Любопытно, что помню я все несколько иначе, чем тогда записывал: какие-то факты сместились, что-то сгруппировалось, что-то забылось. Пожалуй, произошло то, что все, получившее дальнейшее развитие в биографии, вспоминается как более крупное и яркое, хотя тогда оно шло наравне, а иногда и позади чего-то другого, что не получило развития. Наверно, это закономерно.

* Правильно – Сарру Бабеньшеву.

19 мая 1966

Оказалось, что Литинский был вместе с тем самым Вулем, с которым я сидел в 15-й камере на Лубянке, до этого на Воркуте, где тот досаждал начальству тем, что, как бывший работник ГУЛАГа, всё что-то усовершенствовал и требовал, будучи заключенным, и как они старались от него избавиться. Литинский подтверждает то, что рассказывал мне художник К.Ротов: его посадил Лебедев-Кумач, ревновавший к нему свою жену, которая была влюблена в Костю.

20 мая 1966

Вчера Сарнов рассказал о демонстрации баптистов у здания ЦК. Будто бы было человек 2000. Несмотря на уговоры, не уходили, требовали Брежнева. Вышел Семичастный и стал угрожать. Не расходятся. Их стали вталкивать в появившиеся служебные автобусы. Борьба, сопротивление. Иностранные корреспонденты все это фотографируют. Они требовали легализации баптистского движения, разрешения на съезд, на создание школ и пр. Было это, кажется, 17-го или 18-го.

26 мая 1966

Почти два дня в Москве. 24-го с Э<ммой> поехали к Н.Я., пошли с ней на выставку «шестерки» – Вайсберга и его друзей; потом опять к Н.Я. – пришли Шаламов, американец Кларенс Браун, потом Браун ушел и появилась Майя Синявская, Голомшток и некая Вика Швейцер, работающая в ССП, приятельница Майи. <...>

Н.Я. вся в посетителях, в цветах, устает от бесконечных разговоров и не может без них жить. У нее последние американские издания Мандельштама, Ахматовой и Гумилева, с массой опечаток, но трогательно старательные.

Рассказы Н.Я. о том, как ее <т.е. Ахматовой. – С.Ш.> приемная дочь Ира и дочь Пунина захватили архив А.А., их дразни с Левоу Гумилевым и пр. Все это грустно и оскорбительно. История с завещанием. <...>

Майя принесла тетрадку дневников Синявского и почти два часа читала вслух. Они мне ужасно не понравились: в них все то, что я угадывал в этом человеке, болезненный эгоцентризм, эксгибиционизм, странная, недоверенная религиозность, мизантропия. Никто не выразил восторгов; корректно не согласилась с этим Н.Я., сказав нечто о том, что ее поколению это чуждо. Спросили меня. Я сказал тоже, что и моему поколению это чужое, и на том разошлись. Если бы не уважение к чужой беде, то я просто выругался бы. Когда они

ушли, мы с Н.Я. выговорились друг с другом об этом. Я рад, что на этот раз мы сошлись.

Куда интереснее письмо сестры Синявского к Майе – что-то чудовищное, набор газетных фраз без единого живого слова. Такое и в 37-м году не часто встречалось. Голомшток мне скорее понравился: похож на классического бундовца, еврей с длинной черной бородой. Он платит по 25% каждый месяц в виде «принудительных работ». Разумеется, договоры с ним все порвали. Он наказан судом за отказ от дачи показаний (отказался назвать, от кого получил книги Терца). Он искусствовед, написал вместе с С<инявским> несколько лет назад книжку о Пикассо.

6 июня 1966

В «Известиях» вчера большой и двусмысленный подвал о расколе среди баптистов. Опять нелепые обвинения в ритуальных убийствах. Это, видимо, своего рода ответ на демонстрацию баптистов у здания ЦК в середине мая.

13 июня 1966

Звоню к Петру Якиру (телефон мне дала Ц.И.Кин), с которым я познакомился в конце января 1951 года на Мостовицах, когда там собирали этап на Воркуту, и о котором много слышал с тех пор. Он зовет меня приехать. Еду на Автозаводскую. Полуслепая мать – вдова И.Якира. Он сам понравился: умный, живой, любопытный. Работает в Институте мировой истории. Говорили о лагерях и о деле его отца, и о 37-м годе, и о многом, связанном с этим. Человек, организовавший убийство Троцкого, пресловутый Этингтон <прав. Эйтинггон. – С.Ш.> (Котов), приговоренный в 53 г. после ареста Берии к 10 годам, вышел и живет в Москве и работает главным редактором «Международной книги». Жив и Власик. Много еще интересного он знает. Надо осенью снова встретиться с ним.

7 июля 1966

Сегодня еду в Ленинград. <...>

Из рассказов, которые приходится слышать: когда в Москве при Сталине была партийно-правительственная делегация Югославии (до конфликта), то у него на даче была попойка. Все перепились. Пьяные Берия и Ранкович стояли на балконе. К ним сзади неслышно подошел Сталин, обнял их за плечи и спросил: – Ну, кто кого завербовал?... <...>

Якир, выслушав о моем разговоре с В.Э.М<ейерхольдом> о том, что тот мне говорил, что Тухачевский скоро будет наркомом

обороны, говорит, что этот слух был. Он возник после совещания о перевооружении Красной Армии, где Тухачевский и другие критиковали Ворошилова. Тогда же Якиру предлагали должности нач. генштаба и командующего ВВС. Или тогда Сталин еще почему-то колебался, или это был его дьявольский ход, чтобы восстановить Ворошилова и его компанию против обреченных командиров.

9 июля 1966

В «Лит. газете» глупые стихи Евтушенко «Письмо к Джону Стейнбеку» насчет бомбежек Ханоя. Писатель Стейнбек несет за эти бомбежки такую же ответственность, как писатель Евтушенко за дело Синявского и Даниэля. Жалко, что этот талантливый человек встает на путь политического блядства а ля К.Симонов.

4 августа 1966

Утром, собираясь в город, обнаружил, что у ботинка с правой ноги почти оторвалась подметка. Две другие пары еще в худшем состоянии. Пришлось ехать в обувной магазин при «Богатыре» и купить дешевенькие ботинки на микропорке за 14 р. 80 к. Это сразу осложнило мое матерьяльное положение, но делать нечего...

Увидел в книжном магазине новую книгу М.Семановой «Чехов и советская литература». Перелистав, нашел главку о постановке «33 обмороков» и в ней несколько ссылок на мои работы о Мейерхольде. Буквально расхожусь по цитатам, а сам книгу так и не выпустил.

Вечером долго брожу в саду и обдумываю свои планы. Зелень еще чуть желтеет.

Е.Успенская, жена Л.Ошанина, оказывается, покончила жизнь самоубийством – выбросилась из окна. Она в последнее время сильно пила. Ошанин ее оставил.

19 августа 1966

Купив сегодняшнюю «Литературную Россию», с удивлением увидел в ней 2 статьи О.Мандельштама «Армия поэтов», которые я передал им (и еще кое-что) более года назад. Мое предисловие не напечатано, а вместо него дурацкая редакционная преамбула. А в конце сказано: «Статьи О.Мандельштама обнаружены в старых номерах “Огонька” и предложены еженедельнику “Литературная Россия” Александром Гладковым». <...>

Послал письмо Н.Я.

27 августа 1966

У Храбровицкого. <...> Он мне рассказал, что повесть Л.К.Чуковской «Софья Петровна» напечатана в последнем номере нью-йоркского «Нового журнала» с предисловием от редакции, что это сделано без согласия автора. По городу ходит ее открытое письмо Шолохову по поводу его речи на съезде. Будто бы она вовсе не испугана тем, что повесть опубликована за границей, а наоборот, горда. Но, м.б., она просто так держалась перед Храбровицким.

29 августа 1966

Письма от Н.Я.М. и Козинцева. Последний, в изысканно вежливой форме, отклоняет мое предложение («так как я уже занялся другой работой»)*. <...> Я, впрочем, этого и ждал. Н.Я. удивляется: почему я огорчаюсь из-за глупой «врезки» в «Лит. России», и пишет, что «это факт не нашей, а ихней биографии». Интересуется возможностью получения гонорара. (Я сразу написал в «Лит. Россию», где я лично не знаю никого.) Еще пишет со свойственной ей краткостью: «Пишите об Осе. Напечатаете в Тарту». Она вернется в Москву из Вереи завтра.

1 сентября 1966

У Надежды Яковлевны. Она не то больная, не то усталая и даже раздраженная. Резко бранит Оттеню и особенно Е.М. (за нечистоплотность в денежных делах, за сплетни и пр.). У Люб. Мих. Эренбург снова инфаркт. «Советский писатель» заключил, действительно, договор с Л.Я.Гинзбург на предисловие к Мандельштаму. «Разговор о Данте» выходит в «Искусстве», подготовленный к печати Морозовым и с предисловием Пинского. Там же собираются издать книгу статей Б.Л. <Пастернака>.

Говорим о разном: о Солженицыне, о Шаламове, о стихах Максимова, о Комере Иванове. Он знает более 70 языков, а сама Н.Я. более 20.

У Н.Я. снова народ и, видимо, лишний, от которого она устает. Некая Елена Алексеевна и какой-то Эдик.

На последние деньги я купил бутылку вина и конфеты. Это было кстати.

Стало теплее, но все-таки это уже осень.

Думаю о Н.Я. Дело в том, что в ее жизни образовалась пустота, или, как теперь принято говорить, вакуум. Рукописи О.Э. сбереже-

* Гладков предлагал Козинцеву вместо съемок «Короля Лира» взяться за работу о Байроне (он заканчивал тогда пьесу «Путь в Миссалонги», до сих пор не поставленную и не опубликованную).

ны, собраны, изданы за рубежом и готовятся к изданию у нас. Написана замечательная книга о поэте и его времени. Дело с изданиями тянется, и это не может наполнить жизнь. Остается читать и разговаривать, и немного подрабатывать к пенсии переводами. Но это все стало монотонным. Людей вокруг Н.Я. много, и они довольно интересны, но это все, что у нее есть. А.А. <Ахматова> умерла, брат болеет. Я советовал ей написать биографические комментарии к стихам. Кроме нее, никто этого не может сделать. Она еще зимой говорила мне, что начала это делать, но за лето дело не подвинулось. И, конечно, здоровье...

Человек она замечательный: умница, свежая голова, образована – за всю жизнь я встречал наперечет равных ей.

Нам с Эммой она была очень рада.

3 сентября 1966

Просмотрел записи Тарасенковым разговоров с Пастернаком. Они доведены до 40-го года и беглы, а, кроме того, Тарасенков всячески стремится показать, как он, Тарасенков, был все время прав и как Б.Л. политически заблуждался. И, несмотря на все старания Тарасенкова, – Б.Л. выглядит прекрасно, а он, Тарасенков – отвратительно. Критерии-то изменились. М.б., Тарасенков делал эти записи, подобно многим странным местам в дневнике Афиногенова, для «алиби», т. е. на случай ареста Б.Л., или как шпаргалку для себя, если придется обличать Б.Л. Но все же записи есть интересные. Это страниц 30 на машинке или больше – листа полтора-два. Лево их дал Закс, получивший от Белкиной, жены Тарасенкова. <...> Среди записанного Тарасенковым есть поразительное высказывание о Вс. Иванове – дружески-резкое – сравнение с повадырем медведя, и странное (впрочем, характерное) высказывание о «трагизме» как необходимым элементе жизни и, в связи с этим, об аресте Мейерхольда. И о Цветаевой также, и о том, как ее приезд был окружен тайной, и почему ее пустили: «и веревочка пригодится»... И об Асееве горько и пронизательно. Среди записанного Тарасенковым есть психологически загадочное: зачем, например, он заносит о выступлении Усиевич на каком-то партийном писательском собрании, где она обвиняла Тарасенкова в том, что он бежит к Ставскому с «доносами» на Пастернака, и о том, как Пастернак перестал подавать Тарасенкову руку в 37-м году. Это можно понять только, если учесть «возможное» прикладное использование записей, о котором я говорил выше, т.е. – если Пастернака арестуют, то вот какие у Тарасенкова были с ним отношения...

7 сентября 1966

С утра в городе. Три часа у Шаламова. Разговор о многом. В нем есть односторонность и своего рода фанатизм, но человек он крупно талантливый и интересный. Кто-то говорил, что память это свойство таланта: у него удивительная память. Взял у него читать еще кучу рассказов и переписку с Пастернаком.

8 сентября 1966

Полночи читал рассказы Шаламова (некоторые уже вторично). Есть вещи отличные, есть небрежно-беглые. Он пишет их в школьных тетрадях в линейку с одной стороны листа (на другой вносит поправки). Сходимся в том, что профессиональная школа перечеркивания и помарок, возведенная в абсолют Федиными и даже Флорбером и Толстым, в большинстве случаев обескровливает рукопись (как это было с Бабелем). Писатель должен неустанно работать над собой, а писать быстро, легко и почти импровизационно. Это высказываю я, а Ш. сказал, что это и его мысли и техника работы. Он получает 790 рублей пенсии «за стаж» и изредка (но очень редко) какой-нибудь гонорар, и этим удовлетворен. Жалуеться только, что не хватает денег на машинистку. Написано уже около полутора ста рассказов о Колыме — это целая энциклопедия жизни, быта, истории этого самого огромного советского лагеря. У него цепкая память и интерес ко многому, что выходит из границ темы. Говорим с ним и о «Синей блузе», и он верно указывает о незамеченном исследователями Брехта ее влиянии на драматурга. Рассказы о молодежи вокруг Лефа в конце двадцатых годов: он ходил туда. Лихая, анекдотная, циническая атмосфера салона Бриков и его стиль, оттолкнувший его С.Третьяков и его взгляды. Он отрицательно относится к «Ивану Денисовичу», хотя признает «полезность»: считает это «неполной правдой» и вообще не жалуется Солженицына.

17 сентября 1966

Вчера рассказал Над. Як-не нечто из того, что я собираюсь писать о Мандельштаме. Ей все очень понравилось, и особенно усмотренная мною закономерность его биографии, и то, что я говорю о «Четвертой прозе». <...>

У нее были физики: молодая ученая, дочка писательницы Грековой, и ее франтоватый и, видимо, ловкий муж — тип ультрасовременного ученого-пижона, стоящего, впрочем, во всем на уровне века и даже кокетничающего с религией, как это ныне модно.

Когда мы пришли, Над. Як. была утомлена и вяла и вообще плоха, потом, после горячего крепкого чаю, повеселела. В Самар-

канде только что прошел пленум языковедов, посвященный памяти Поливанова. Рассказ, как физик-муж спасал Есенина-Вольпина, который работает у него. Впрочем, кажется, он не физик, а математик, а физик – она. Вика Швейцер будет писать книгу о Марине Цветаевой. Н.Я. рассказывает, что М.Ц. была и лесбиянкой. «По широте натуры» – в начале 20-х годов, и жила с Тих. Чурилиным (после романа с Мандельштамом). Синявский прислал «отчаянное письмо», что ему трудно, что он не может заработать на хлеб, что его «доконают».

Просмотрел гору шаламовских стихов: несколько «Колымских тетрадей». Это очень слабее его прозы. Во-первых, все приблизительно-условно-поэтично, очень иносказательно и часто не свежо. Есть, конечно, и сильные стихи – он большой талант, но уж очень все лирично и нежно. Т.е. прямо противоположно его прозе.

Н.Я. заплатила «Литер. Россия» 37 рублей за публикацию статей О.Э. «Армия поэтов» под влиянием моего письма редактору.

21 сентября 1966

Два неожиданных письма: из редакции «Юности» и от П.И.Лавута (видимо, того самого «тихого еврея Лавута», друга Маяковского). Он просит позвонить ему, ибо хочет поделиться со мной какими-то материалами.

28 сентября 1966

Сегодня поехал в город: был у П.И.Лавута. Оказывается, он узнал, что в моих воспоминаниях о Б.Л. <Пастернаке> что-то говорится о «доме Бриков» и Маяковском, и он взволновался, так как это и его давно занимает.

И еще оказалось, что он совершенно согласен и с тем, что говорил мне об этом Б.Л. и Г.О.Винокур. И посыпались рассказы об отношениях Л.Ю.Брик и Маяковского, о предыстории смерти, о романах М. <аяковского>, об отношениях с Татьяной Яковлевой и о многом другом. Он старчески говорлив, но рассказывает много интересного. Л.Брик 77 лет, но она из кокетства утверждает, что 75. Вся ее жизнь – это борьба за владение Маяковским, вплоть до подсовывания ему девочек, для нее безопасных (как и В.Полонская). В.Полонская – копия Т.Яковлевой. Лавут читал письма Яковлевой к матери, живущей в СССР, где она пишет о романе с М. В 1922 М. написал Л.Ю. очень резкое письмо, где называет ее сволочью. Это письмо читали некоторые (Перцов, в том числе), но никто не догадался скопировать. То, что М. внес пай на кооперативную квартиру – попытка разбегаться с Бриками, которые, при его привязчивости, его

все же тяготили. М. не жил с Л.Брик с 22 года. С Полонской он тоже не жил. Если бы жил, было бы иначе. В последнюю поездку во Францию он ездил в Ниццу, куда мать его дочери привозила показать ему ребенка*. Главное в мотивах Л.Брик – слава М. и деньги. Он в 20-х годах давал больше ей, чем матери и сестрам. Она сама говорила, что у нее было 8 мужей. Как она просила Пудовкина уговорить Примакова жениться на ней. Она ведет неустанную борьбу за то, чтобы препарировать биографию М. так, чтобы вышло, что она была его единственной любовью. Как он читал Агранову стихи «Письмо к Кострову» и «Т.Яковлевой» и советовался, где печатать, и она наложила вето на второе стихотворение. Жену Агранова звали Валей, она была очень красива. Как недавно позвали вдову Горожанина Берту Яковлевну на торжественное собрание в КГБ, где отмечалась память ее мужа. В числе безвинно погибших Агранов там не был назван. И еще многое другое.

Лавут сейчас готовит новое издание своей книги, которое будет увеличено на 3 листа**.

О травме Славинского, показавшего М. вырванный портрет***. Надо бы встретиться с ним и вытащить из него еще многое, о чем он сам написать не сумеет. Стихи он читает хорошо, видимо, запомнив манеру В.В.<Маяковского>.

28 октября 1966

Еду к Н.Я. Она беспокоилась обо мне и послала утром Эмме тревожное письмо. Встречает меня радостно, гладит по голове. Говорим о Розанове и Вяч. Иванове. В восторге от первого и в ужасе от второго после перечитывания.

30 октября 1966

По словам Н.Я. – она узнала, что копия писем к ней О.Э. как-то доставили в США. В письмах нет ничего нецензурного, но очень много личного, интимного (я их читал). Она испугалась, что напечатают, и с какой-то оказией обратилась к Г.Струве с просьбой не делать этого. Он ответил ей, что он не напечатает письма только если вообще не будет печатать больше Мандельштама. Это похоже

* Речь идет об американке Элли Джонс и ее дочери от Маяковского.

** См.: Лавут П.И. Маяковский едет по Союзу. Воспоминания. Изд.2, дополненное. М.: Советская Россия, 1969.

*** Из отпечатанного тиража журнала «Печать и революция» (1930. №2), по распоряжению зав. Госиздатом А.Б.Халатова, был вырезан портрет Маяковского к статье о его 20-летнем творческом юбилее.

на отказ. Сурков прислал ей приглашение какого-то американского университета приехать в США, но неясно ни его отношение, ни финансовая сторона. Послали новый запрос.

Дала мне копии статей О.Э. для «Прометей»*.

Рассказ о споре Оттена с Викой Швейцер. Он «левее здравого смысла», все – соглашатели; она: «Если вы таких крайних взглядов, зачем вы пишете сценарий об Октябре?..» Он смутился: «Дело не в теме, а в подтексте...» Н.Я. с презрением говорит, что он хочет быть именинником и на Антона, и на Онуфрия.

У нее острый, свежий ум, хотя ей завтра 66 лет. Удивительная женщина.

2 ноября 1966

Прошлой ночью прочитал «Раковый корпус» Солженицына. Это куда хуже того, что я ждал после преувеличенных восторгов многих, и в том числе Саши Борщаговского. Во-первых – плохо написано, безвкусно литературно, иногда на уровне Коптяевой и Кочетова. Во-вторых – многое поверхностно, мелко-тенденциозно, например, вся линия Русанова и его семьи. Лучше прочего: женщина-врач, молодой человек, ссыльный и еще в конце рассказ о муже и жене поселенцах, довольных своей судьбой. Все, что касается любви и женщин – очень плохо. В целом – ниже надежд, возлагавшихся на автора.

Ленинград

7 ноября 1966

Пишу это в Ленинграде. Приехал вчера. <...> Вечером у Берковских. У них умерла недавно их кошка Вика, и он говорит, что без нее ему хуже пишется. «Она почти мой соавтор и, во всяком случае, редактор». Его обычные парадоксы. Хвалит мой этюд о Мейерхольде из «Москвы театральной». Говорит о мемурабельности одних людей и отсутствии этого у других. Легко писать Чехова, все пишут хорошо о нем, и почему-то трудно Толстого. Он это объясняет тем – есть ли у человека свой стиль в жизни. Ему почти понравился фильм «Война и мир» (как и нам с Эммой), в противоречии с большинством. Он сейчас делает книгу своих театральных статей, многое переписывая заново. Об атмосфере в институте им. Герцена: как исключали девушку за то, что она полузаметно перекрестилась перед

* Альманах издательства «Молодая гвардия».

экзаменом. Настроения профессуры: «“Новый мир” – контрреволюционный журнал».

9 ноября 1966

Живу неудобно и суетливо, но ничего не поделаешь.

Пишу это утром, перед тем, как ехать на «Ленфильм», куда вчера я не попал. <...> Вчера днем у Дара и Пановой. Обедаю у них. В.Ф. на этот раз гостеприимна. Д.Я. как всегда мил. Его рассказы о Гинзбург-Аксеновой и Г.Серебряковой. По словам Серебряковой, Крупскую отравили. Рассказы о Жемчужиной. Она <Серебрякова> неумна, памятьлива, обуреваема всяческими, в том числе бабскими, страстями. Дочери ее не признают, муж моложе на 20 лет, шизофреник, военный, который уже пытался ее убить. У нее все случайно, и она понимает, что по дурости, случайно, поставила себя в ложное и фальшивое положение: ее избегают и не здороваются из-за ее номеров с Дудинцевым, Солженицыным и Эренбургом. Богатство, пруд с зеркальными карпами на даче в Переделкине и полная психологическая неприкаянность. Гинзбург-Аксенова в трудных отношениях с сыном: он под влиянием жены, которая не захотела прописать ее на их площади. Как он не мог собраться несколько месяцев прочесть ее рукопись. Почти не общаются. Как она хлопотала о прописке в ЦК и разговаривала с Черноуцаном. «Я ваш читатель и поклонник». Она спрашивает: стоит ли ей продолжать? «Какие же могут быть сомнения? Конечно! Обязательно!..» Ее прописали.

Вечером у Л.Я.Гинзбург, которая в разгаре работы над предисловием к Мандельштаму. Часа 4 разговариваем о Мандельштаме и злобах дня.

13 ноября 1966

Все вокруг сложно и противоречиво, м.б. потому, что мы привыкли к самодержавию и единой, хотя и злой, воле, а теперь факты жизни управляются конгломератом разных волей и тенденций. Запрещение «Военных дневников» К.Симонова и выход дополненного третьего тома мемуаров Эренбурга, травля Твардовского как редактора «Нового мира» и разговор Черноуцана с Аксеновой-Гинзбург – раньше так не бывало. Шла одна полоса, черная, потом шла серая, и все окрашивалось в одно. А сейчас политическая чересполосица.

9 декабря 1966

Все говорим с Д.Я.<Даром> о статье Солоухина <«Письма из Русского музея»>. Дело не в ее искусствоведческом оснащении, которое наивно, а в том, что за ней видимо стоит уже несколько лет

зреющая в умах программа националистического толка. Это так называемые «русситы», с одной стороны, Солженицын – с другой. По инерции, партруководство, видимо, не считало их опасными (кроме Солженицына) и ждало неприятностей только от «западников», но, кажется, перспектив больше у них и, вероятно, вскоре они все определятся и сговорятся. Пока еще идет то время, как в прошлом веке, когда Белинский еще дружил с Катковым, а Герцен с Хомяковым. Но впереди – размежевание. Лидеры здесь найдутся. М.б., тот же Солоухин. С «номенклатурой» их объединяет только инстинктивный антисемитизм, но, м.б., они от него и откажутся: он все же морально слишком скомпрометирован. Плохо, что Илья Григорьевич стар и что у него была слишком запутанная жизнь, а то он мог бы быть лидером «западников», которые тоже, вероятно, начнут «кристаллизироваться» на другом полюсе. <...> С его же <Д.Я. Дара> слов о разговоре Солженицына с Аксеновой-Гинзбург. Он спросил ее, какие у нее планы и сколько она собирается еще написать в своей жизни. Она удивилась и сказала: – Не знаю... – Нет, так нельзя, – сказал серьезно Солженицын, – надо знать! Вы обязаны это знать... Сколько вы можете писать листов в месяц? Давайте не будем увлекаться и составим вам план лет на 5-6. У меня такой план давно есть... Иначе жить мы все не имеем права.

21 декабря 1966

Рассказ В.Ф.<Пановой> о ее разговоре с Драбкиной по поводу прочтенной рукописи «Зимний перевал». – Вот вы пишете, – говорит В.Ф., – что главное в завещании Ленина было – это беречь единство партии. Но ведь как раз это Коба выполнил, – другой вопрос, какой ценой. Стало быть, по-вашему, исторический баланс в пользу Кобы? Драбкина покраснела.

– Это удар под дых, В<ера> Ф<едоровна>, – сказала она. – Это то, о чем я мучительно думаю ночами.

– Стоило ли платить такую цену?

– Да. Но и не только об этом...

У Драбкиной нет мужества мысли и привязанность к общим местам фразеологии. Всегда ли был Ленин за «единство»? Он не был за него, когда боролся с меньшевиками. Так что тезис об единстве нужно читать исторически и диалектически. А Сталин прочитал его догматически. История еще поставит вопрос о том, было ли бы гибельным для государства, если бы партия разделилась на две. Двухпартийная система с легальной оппозицией, может быть, сделала бы государство прочнее, и уж во всяком случае не допустила бы той идеологической инфляции, которая господствует сейчас.

Муж Драбкиной тоже бывший «каторжник». Он трогательно бережно к ней относится. Он был в тридцатые годы редактором «Луганской правды» и взят в 37-м прямо в редакторском кабинете. Старый человек с лицом филина. <...>

Дар говорит, что он себе за всю жизнь не может простить только одного — того, что он не вышел из ССП после исключения Пастернака.

Фридлендер и Л.Я.<Гинзбург> рассказывают отвратительные подробности разбазаривания литературного наследия Ахматовой. Юридический наследник Л.Н.Гумилев отнесся к этому сначала спустя рукава, и бумаги захватила жившая с А.А. дочь Н.Пунина, и часть их спрятала, а часть начала раздавать и продавать. Когда Лев Гумилев спохватился, многое уже исчезло. Он сам отказался от материальной части наследства, а переданные ему бумаги передал в дар Пушкинскому Дому, где хранителем архива будет Н.Измайлов. Но все же что-то уже пропало и, м.б., важное. Из Москвы приезжала комиссия во главе с А.Сурковым наводить в этом деле порядок и проводила целое следствие, но не все уже можно выяснить, и нет закона, по которому И.Пунину можно привлечь к ответственности. Грязное дело, и не без Достоевщины, ибо, как уверяет Л.Я., <Пунина> тайно ненавидела А.А. и тут, кроме житейских расчетов, есть и какой-то психологический счет давнего происхождения.

1968

Ленинград

5 января 1968

Сегодня в «Комс. правде» в довольно дельной статье об алкоголизме говорится, что число заболеваний алкоголизмом у нас в последнее время увеличилось, хотя тут же находится наивное объяснение, что, м.б., увеличилось это по статистике, а не реально, «в связи с улучшением учета». Но один знакомый большой милицкий чин рассказывал Стржельчику, что каждый вечер из подъездов на Невском вытаскивают до нескольких десятков находящихся в бессознательном состоянии юных наркоманов: это новое явление, ранее свойственное только западным странам. Говорится о разных причинах, но только не о главной, т.е. о борьбе с идейностью, инициативой, самостоятельностью у молодежи, а отсутствие всего этого лишает жизнь запаха и цвета, лишает ее активной радости. Конечно, «идейность», понимаемая как начетничество и зубрежка бессмысленно повторяемых задов, никого увлечь не может.

Вышло новое 4-томное собрание Гиляровского огромным тиражом, и всё мгновенно расходуется. Думал ли старый репортер, что в России будущего его станут больше любить читатели, чем Глеба Успенского, Салтыкова-Щедрина и Белинского, собрания которых не распроданы? По современной ему табели о литературных рангах, он по отношению к ним был как лейтенант – к генералам армии. Это кажется парадоксальным, но есть в этом некая таинственная высшая справедливость: его очерки полны жизни, бодры, сочно изображают быт, историчны, занимательны и лишены назойливой наставительности.

15 февраля 1968

Вчера Майя Данини еще рассказывала о каком-то скандальном вечере в Союзе писателей, где читал Бродский и еще какие-то молодые поэты, а потом всех устроителей вызвали в райком и прорабатывали, и всех предал Гор, который почему-то испугался и начал бичевать молодежь.

Разбор дела о литературном наследстве Ахматовой перенесли по каким-то юридическим причинам. Визы на книгу Мандельштама уже все получены, в последний момент вставили еще три стихотворения. <...>

По словам Гордина, Бродский время от времени получает какие-то деньги из-за границы, хотя и немного. Рассказ о его любовных историях. И он, и Кушнер хвалят Наймана. Он написал интересные воспоминания об Ахматовой. Но Л.Я. <Гинзбург> справедливо опасается, что ее личность будет в них стилизована. Да и Павловский и Добин уже изображают ее почти как «бабушку русской революции».

Еще рассказ Данини, как Юрский струсил и не явился на вечер Бродского и прятался от телефонных звонков.

Москва

26 февраля 1968

...еду в ЦДЛ обедать. Обедаю с Исаем Кузнецовым, потом подсаживаются Д.С. <а>мойлов и Грибанов. Кузнецов уходит, и мы втроем долго сидим. Они пьют коньяк, а я пиво, и говорим обо всем и, конечно, о том, о чем все сейчас говорят. Грибанов – главный редактор «Всемирной библиотеки». Его планы и трудности. <...>

Д.Самойлов считает, что сейчас общественное мнение растекается по пяти руслам: «русситы», т. е. националисты типа Солоухина,

либералы всех оттенков, «сталинисты», вроде Ф.Чуева, нигилисты «крайние» – молодежь, вроде Гинзбурга и Галанскова, и добропорядочные ортодоксы. Это, разумеется, все условно, но доля истины в этом есть.

Рассказ Самойлова о том, как недавно к нему пришел в Ленинграде в номер И.Бродский и читал стихи, которые ему не понравились. Они были: «Понимаете? – совершенно неконтактны. Стихи для себя, а не для читателя, не для меня и не для кого. Он посылал меня, как читателя, на хуй. И это, в свою очередь, давало мне право послать его на хуй. Так я ему и сказал...»

Я спросил Дезика, какие это были стихи, я недавно прочитал кучу стихов Бродского, но он не запомнил даже и только сказал: «Какие-то длинные...»

Может быть, он был пьян. Он много пьет. И сегодня, в разговоре со мной, они с Грибановым выпили бутылку коньяка и еще брали дважды добавок.

Молва гласит, что он был любовником (и, во всяком случае, – другом) Светланы Сталиной. Я ничего его не спрашиваю, но разговор касается передач американцев про смерть Якова, и он говорит, что Светлана считала, что американцы выдали его нашим в 45-м году, и папа с ним расправился... Грех с его души, капля из океана...

Разговор о том, как меняется состав посетителей ЦДЛ. Кончилась эпоха Светлова.

6 марта 1968

Вчера в ЦДЛ встретил Юру Домбровского с молодой женой, которую он вывез из Алма-Аты. Ему скоро будет 60 лет. Она лет на тридцать моложе. Он закоренелый пьяница и богемец. Немалая смелость с его стороны так сейчас жениться. Интересно, чем это кончится? А она – ничего, косоглазенькая и пухлая... А вообще это забавно: бывшие каторжники ездят на места, где они сидели, и привозят оттуда молодых жен... Он – высокий, худой, серый, весь в морщинах, похожих на боевые рубцы, осыпанный табачным пеплом и как бы пеплом времени, умный, начитанный. А Юра Трифонов уже моет бутылки и ходит по утрам за молоком, пока его молодая жена бродит по квартире в пижаме. Это удивительно, до чего человек тянется не к новому в своей жизни, а к повторению того, что было, как бы это ни было плохо. Наверно, она скоро будет им командовать, дело к этому явно идет, только это будет на ином уровне: там был сервис, моды; здесь – разговоры «на уровне». Вот он уже хвалит с ее слов «Три сестры» у Эфроса.

26 марта 1968

Три дня назад умер Илья Сельвинский. Сегодня в ЦДЛ гражданская панихида.

Я не был с ним знаком и, когда мог познакомиться, избегал этого. Последние годы то, что он делал, производило впечатление деградации и величавой глупости. Впрочем, не только «последнее»: таково почти все, им написанное, с начала тридцатых годов. А в середине двадцатых он многое обещал и блестяще начинал осуществлять. Его, как и многих, раздавил рапповский конформизм, а затем добил шок 37-го года. Он написал очень много, но девять десятых из этого ничего не стоит. Вчера Боря Слуцкий озабоченно-печально ходил по ЦДЛ, видимо, что-то организуя к сегодняшнему дню (некрологи, списки выступающих), он всегда питал пристрастие к Сельвинскому и пытался даже меня уговаривать пойти с ним к нему. Воспоминания Сельвинского о Мейерхольде тоже неумны и бестактны: он никогда не знал своего места – и тогда, когда надувался, как индюк (большей частью), и тогда, когда приниженно льстил и кадил духу времени. Из троицы имен, названных Багрицким («А в походной сумке спички и табак: Тихонов, Сельвинский, Пастернак»), как это показало время, только один был поэтом истинным. Два других умерли раньше, чем прекратилось их физическое существование. И конечно, праведник умер первым, а самый сомнительный – еще живет.

«Улялевщина», «Пушторг», «Командарм 2» и даже «Записки поэта» – останутся как своеобразный документ времени, плюс еще несколько стихотворений, но все остальное никому не нужно. Все стоящее Сельвинский написал в первые 5-6 лет поэтической работы, а потом писал еще почти сорок лет претенциозно, пусто и неинтересно.

Для меня навсегда останется памятным, что когда опальный и гибнущий Мандельштам попросил у него помощи, то он, по свидетельству Н.Я., дал ему... 3 рубля. <...>

Твардовский опять в долгом «штопоре». Говорят, в последнее время перерывы между запоями его делаются все короче, а сами запои длиннее.

30 марта 1968

Вечер. Л.Свобода избран президентом Чехословакии огромным большинством голосов при 6 воздержавшихся.

Обедал один в ЦДЛ. Ел рыбные блюда. Потом купил в буфете коробку конфет и поехал к Надежде Яковлевне. Она только что вернулась от Евгения Яковлевича, который снова тяжело болеет. Она

была усталая и сама полубольная. Сидел у нее до 8 часов, потом, увидя, что она хочет отдохнуть, ушел. В общем, нового у нее мало, бранит Харджиева, гадает: выйдет ли книга, читает, слушает радио. Она написала листов пять книги воспоминаний об Ахматовой, но, пока болен Е.Я., не может продолжать. Звала приехать почитать у нее. Говорим о Чехословакии. Немного спорим. Она теперь считает, что «большевизм это глубоко национальное явление» и он глубже в толще народа, чем ей казалось раньше. Это и так, и не так. Говорим о феодализме, о «цехах», которые стояли над личностью: этой «школы» не было в России. Н.Я. думает, что Ирина Пунина связана с одним могущественным учреждением, которое защищает ее в процессе с Львом Гумилевым.

14 апреля 1968

В последнем, только что вышедшем «Огоньке» напечатана интересная статья (или глава из книги) В.Воронцова и А.Колоскова «Любовь поэта» об отношениях Маяковского и Татьяны Яковлевой. Она правдива, на удивление богата материалом и имеет отчетливый «антибриковский» отпечаток. Сопоставляя изложенные в ней факты с тем, что я слышал от Пастернака и Винокура, вижу, что записанное мною в «Встречах с Пастернаком» – правда, только здесь не названо имя Агранова. Можно допустить, что авторы знакомы с моими воспоминаниями: ведь, по словам Лавута, рукопись их он читал в музее Маяковского. Да мало ли бродит по городу и других экземпляров? Если так, то это любопытно и еще раз подтверждает влияние ненапечатанных воспоминаний на изучающих Маяковского, Пастернака и других.

Но вообще странно, что такая статья вдруг появилась.

15 апреля 1968

В Москве много говорят о посещении Хрущевым спектакля «Большевики» в театре «Современник». Он беседовал с Шатровым и еще кем-то и пожелал им, если они будут и дальше ставить пьесы об истории партии, не изображать «злодеями» Каменева, Зиновьева и Бухарина. По его словам, это были прекрасные, идейные люди. Кто-то спросил его, почему же он об этом не заявил раньше, и будто бы он ответил, что не успел. Он был с дочерью, держался приветливо и здоровался с публикой. Это довольно смелый поступок в нынешнее время.

17 апреля 1968

ЦДЛ – жужжащий улей. Слухи, пересуды. Наверху идет секретарят, где обсуждается вопрос о «письмах». Внизу гадают о том,

что там происходит. Много толков вокруг статьи в «Огоньке» о Маяковском и Т.Яковлевой. <...>

В ресторане ЦДЛ ко мне подходит Кальма, приятельница и, как говорят, любовница Маяковского, и начинает говорить о статье в «Огоньке». Кто-то ей уже сказал, что в ней «гипотеза Александра Гладкова», и она расспрашивает меня о том, что в моей рукописи об этом, бурно бранит Л.Ю.Брик, рассказывает, как их компания мешала выходу ее книги о Маяковском «Большие шаги» и, в том числе, как ее вызывали перед войной на Лубянку и, шантажируя заявлением Л.Ю.Брик, Катаняна и Харджиева о том, что она «украла» какие-то рукописи М., уговаривали сотрудничать. Но она сама передала в фонд музея М. имевшиеся у нее его записные книжки. Потом она встретила на лестнице в издательстве Катаняна и дала ему пощечину. Она говорит, что все в статье правда, неприятно только, что это в «Огоньке».

Противоположную позицию занимает Боря Слуцкий, который дружит с Брикшей. Он даже хочет что-то организовать против статьи. Один из авторов – работник ЦК, помощник Суслова, другой – приятель Л.В.Маяковской. Я спору с ним и высказываю догадку о том, что это – антиарагоновская акция сверху, в отместку за его позицию в деле Синявского. Макашин считает, что Л.Ю.Брик могла уничтожать рукописи М. и письма к нему Яковлевой, но он шокирован вынесением «на люди» интимных дел при жизни Л.Ю.Брик.

3 июня 1968

Олег Михайлов написал письмо с покаянием в подписывании письма о Гинзбурге, Галанскове и др. Он адресовал его Шауро в ЦК, но его передали в ССП, где оно было прочтено на правлении. <...>

Лева был на дне рождения у К.Г.<Паустовского> в переделкинском Доме творчества. Каверин подавлен тем, что американцы передали его письмо. Шкловский сказал, что в статье в «Огоньке» о Л.Брик «много правды». Он одряхлел и засыпает посреди разговора. К.Г. тоже плох. <...>

Н.Я.<Мандельштам> показала мне невероятный по идиотизму и холуйству рассказ Оттена в тарусской газетке «Октябрь» «Таня». Его вранье о разговоре с Ильиным. Вот брехун!

Она мучается язвой, собирается в Верею, бранит на все корки Сашу Морозова, уже, видимо, изгнанного из дома. Он тоже что-то наговорил лишнее о подписании писем, и его уволили из «Искусства».

Ленинград

27 июня 1968

В последнем «Огоньке» окончание статей Воронцова о Маяковском. Вульгарно, но есть в этом жуткая правда, и объяснять это все антисемитизмом – мелко и глупо.

3 июля 1968

Л.И.Борисов, встреченный на днях на Невском, рассказал, что при смерти Вера Инбер. У этой женщины была какая-то странная тайная жизнь. Средняя писательница, произведенная в мэтры. Племянница и любовница Троцкого, писавшая о нем проникновенные стихи и избежавшая каким-то (каким?) чудом опалы в те годы, когда за минимальную прикосновенность к Л.Т.<роцкому> сажали и казнили без раздумья. В ней есть что-то от Лили Брик: какая-то жуткая мимикрия. Я уже не говорю о том, что я сидел с человеком, который написал ей письмо по поводу ее блокадного дневника, с упреками в приукрашивании, и она это письмо передала в органы: ему предъявили его на следствии в 49 или 50-м гг.

12 июля 1968

В последней «Лит. газете» хвалят стихи Шаламова. Не может быть, чтобы Чаковский не знал, что рассказы о Колыме недавно печатал «Новый журнал», что они изданы в ФРГ по-немецки (а у нас не изданы), что Шаламов написал целую энциклопедию о Колыме в страшные ее годы, но, оказывается, это не имеет значения, и его можно прославлять. Он не подписывал никаких писем. Да. Но его личное письмо Шолохову стоит многого. Но скандала, связанного с его именем, не было. И о нем пишут. <...>

В 12 часов ночи «Голос Америки» в конце «Последних известий» сообщил, что прибывшие в США советский критик Аркадий Белинков и его жена попросили политического убежища. Неужели? Мне как-то не верится. Он больной, озлобленный человек, и все же?!

Представляю, как переполошилась литературная Москва! С кем он дружил? Не знаю. Знали его многие, и некоторые смотрели на него, как на оракула. Я за всю жизнь сказал с ним несколько слов, и последний раз встретился как-то случайно в ЦДЛ года полтора назад. Кто-то ему покровительствовал, жалел его, устраивал его дела. Каково будет им? Он, конечно, умнее Тарсиса и ему подобных. И очень зол. Половина его таланта – это злость.

Смутно припоминаю, что кто-то говорил, что Белинковы едут с туристской поездкой в Югославию. Но не уверен, что это относится

к этому лету: может быть, я это слышал и раньше. То ли Кацева это говорила, то ли еще кто-то. Но это неважно.

Для ССП это плохо. Наверху опять скажут, что с писателями все время беспокойство. А наш ССП – плох он или хорош – все-таки наш Союз.

Б.Н. прислал мне статью Эльзы Триоле – ответ на первую статью в «Огоньке» о Маяковском. Это женский вопль, где нет ни одного доказательства, даже голословного утверждения, что, мол, этого не было – тоже нет. Одно негодование и сомнительное заявление, что «исторической правды» нет и не может быть.

Статья была напечатана в «Леттр франсез», и он сам ее перевел.

13 июля 1968

Группе писателей, пытавшихся возражать против статей Колоскова в «Огоньке» о Маяковском, было в этом отказано, и на недавней сессии по Маяковскому в ИМЛИ было запрещено об этом говорить. Будто бы Колосков похвывается, что еще разоблачит Перцова.

15 июля 1968

...в 7 часов утра «Голос Америки» передал, что вчера в Москве умер писатель Константин Паустовский...

.....

12 часов дня. Наше радио не сообщает о смерти К.Г., и в сегодняшней «Правде» тоже ничего нет. Но наша информация неоперативна и может запоздать. Да и хозяева-то в Варшаве: надо с ними согласовывать, какими прилагательными сопровождать его имя в некрологах.

19 июля 1968

Сегодня пятница. Во вторник 16-го я в девять вечера улетел в Москву на похороны Константина Георгиевича и сегодня в полшестого утра вернулся в Ленинград.

20 июля 1968

Чувствую себя усталым и каким-то разломанным после этой стремительной поездки в Москву. Или – заболеваю? Или – реакция на все? <...>

В Москве, в «Вечерке» за 19 июня, нашел маленькое объявление в траурной рамке о смерти на 83-м году жизни Алексея Елисеевича Крученых. «Лит. газета» не нашла нужным это сообщить. Я читаю ежедневно 5-6, а иногда больше газет, нигде об этом не было. Трудно сказать, сколько процентов шарлатанства в его сочинениях –

может быть, 99%. Но к нему иногда недурно относились такие люди, как Маяковский и Пастернак. Я знал его хорошо, и до моего ареста он часто доставал мне редкие книги: стихи Цветаевой и пр. Драл он за них здорово, но я не торговался. Некоторое время я жил в одном доме с ним на улице Кирова во дворе б. Вхутемаса. Там почему-то жило тогда много бывших лефовцев – от Татлина до него. А физически он был всегда неприятен, словно грязен: потные руки. Он еще торговал автографами и выпрашивал их у всех чуть известных литераторов. И у меня тоже. Это «для тела». А «для души» – он читал детективные, исторические-бульварные и всякие приключенческие романы. Пока я жил в Москве с телефоном, он мне частенько звонил с разными книжно-спекулянтскими предложениями. Мир его праху! Это была по-своему яркая и занятная фигура.

22 июля 1968

В «Огоньке» воспоминания Р.Симонова о том, как ставили вахтанговцы «Человека с ружьем». Ставил он. Он скромно прибавляет: «я был тоже на сцене среди исполнителей». Но хитрый армянин на случай не говорит, что он играл Сталина.

30 июля 1968

Работаю, но мысли неотступно в селе Черна <г. Чиерна-над-Тиссой. – С.Ш.>, где идет встреча чешских и наших руководителей. В 2 часа дня Бибиси предало, что в чешском кратком сообщении ничего не говорится о «дружеской атмосфере» – фраза, обязательная в подобных случаях. Чехи обещали подробно информировать свой народ о переговорах. Нам на это, как водится, рассчитывать не приходится. Но наверно узнаем все от чехов, если у них останется возможность что-либо сообщить.

Английские комментаторы допускают все возможности, но как не хочется верить в худшее.

Может быть, этот день – переломный в истории послевоенной эпохи, как день разрыва с Югославией, как день смерти Сталина, как XX съезд, дни свержения Хрущева и убийства Кеннеди. <...>

Вечером сообщение ТАСС о переговорах, лаконичное, но есть фраза об «откровенной и товарищеской атмосфере». Все же не «дружеской». Но и это хлеб. А маневры вокруг Чехословакии набирают силу.

Бибиси передает о Герцене (к выходу нового перевода «Былого и дум»). Сначала похвалы какого-то профессора, автора предисловия, а потом идиотская статья из какой-то газеты известной писательницы Ребекки Уэст, говорящая о нем высокомерно, близоруко,

неумно. Она утверждает, что он прежде всего «плохо писал». Это Герцен-то? И он «не принадлежит к великим русским писателям!» О-ох!

Странно не то, что такое написано (кретинов хватает), а то, что русская редакция Бибиси это передает.

2 августа 1968

Разговоры о том, что Белинкову предложили место в Гарвардском университете за 1200 долларов в месяц. Его родители – старые евреи – в ужасе и даже боятся поехать на его квартиру, от которой у них клочки.

5 августа 1968

Сейчас это все кажется дурным сном: зловещие статьи, митинги на заводах с резолюциями, похожими одна на другую, как две капли воды, маневры и все прочее. Был приведен в действие огромный механизм запугивания и демагогии.

Казалось, что вот-вот произойдет непоправимое. Подступала тошнота от стыда. На сердце лежала тяжесть.

И вдруг все переменялось.

Пока нам еще не известно, что случилось там, за кулисами совещания на словацкой станции, но ясно, что дело не только в упорстве и выдержке Дубчека и его коллег. Что-то произошло. Но что? Раскол среди наших? Возможно. Какая-то акция французов, итальянцев, англичан, югославов и румын? Тоже весьма вероятно. И то, и другое, и третье (нам неизвестное)? Да, скорее всего. Так или иначе – шантажный номер (если называть вещи своими именами) не прошел, и все эти марионетки: Ульбрихт, Гомулка, Живков должны были приехать и расписаться в том, что они дерьмо. <...> Теперь весь мир гадает – как это отразится на нашей внутренней политике. Потерпевшие на глазах всего мира такое конфузное фиаско, они могут попытаться взять реванш во внутренней политике. И, тем не менее, если будет существовать независимая и демократически-эволюционирующая Чехословакия, в конце концов, это не может не оказать влияния решительно на все, хотя и не сразу.

<...>

6 августа 1968

В «Знамени» в воспоминаниях о Халхин-Голе К.Симонов пробоует искусно реабилитировать литературного палача 37-го года В.Ставского: мол, сложная натура, то да се. Задача ясна – это попытка реабилитировать себя. Но хитрость эта слишком прозрачна. Все вер-

тится, Кирилл Михайлович*, все крутится. И кто мог предвидеть в конце тридцатых, что из этого доброго малого образуется такой политикан и деляга?

Разговор с Лазаревым. У него кто-то из родственников работает в нашем посольстве в Праге, и вся эта история его очень волновала. Он думает, что чехи обещали не устанавливать дипломатических отношений с ФРГ и Израилем: это их «уступка». Вот из каких мнимостей состоит политика: нашим это показалось ценным.

13 августа 1968

Заходит Саша Каменский. Он читает в «Байкале» статьи Белинкова и говорит, что начал с интересом, а кончал с раздражением против Б., против его односторонности, небрежения к фактам. Говорим, что для нас невозможна эмиграция. <...>

Каменский думает, что если даже Белинков начнет сдержанно, то все равно темперамент его увлечет потом далеко. Каменский перестал встречаться с К.Рудницким: за покаяния... Ильин в МО ССР отказался дать ему <Белинкову> «добро» на поездку, и формально МО чиста в этом деле. Прошляпили органы. Характеристику он получил в группкоме писателей. <...>

Интересны вчерашние рассуждения о мотивах Бори Слуцкого (в выступлении против Пастернака). Самойлов: он считал, что спасает поэзию, т.е. себя и Мартынова (тот тоже выступал). Юра: «Боре позвонил С.С.Смирнов, и тот, любящий представлять, был польщен». Но оба исключают мотив страха (испуга), а я думаю, что он был силен, плюс еще рецидив Бориной «государственности», «солдатского долга».

16 августа 1968

Две ночи не ночевал в Загорянке. Ночь на четверг 15-го – у Юры Трифонова на Красной Пахре, а вчера неожиданно – в пустой квартире на улице Грицевец (впервые почти за семь лет). <...>

У Юры великолепный дом, но необжито и неудобно. Сада нет – просто кусок леса. <...>

Хороший день. Жарко. Много гуляем и порядочно придумываем для сценария.

Так идет до вечера, а вечером происходит неожиданное... Без четверти шесть Юра включает транзистор, и по Бибиси мы слышим,

* Кирилл – настоящее, «паспортное» имя К.М.Симонова, но поскольку он картавил и не выговаривал ни «р», ни «л», он стал именоваться Константином. Работающий в области кинематографии его сын Алексей носит отчество «Кириллович».

что во Франции «советский писатель Михаил Демин попросил политического убежища». Это Юрин двоюродный брат Гоша Трифонов (сын Бражнева-Трифонов, с которым я встречался в 1932 году в связи с сочинением пьесы «Бакунин»: он был директором Историко-революционного театра. Это брат Юриного отца, родной дядя, а М.Демин – псевдоним – его двоюродный брат.)

Юра, конечно, потрясен. Дело в том, что он давал устную рекомендацию Демину при его первой поездке во Францию (к родственникам) в парткоме ССП. Кстати, он вчера выражал беспокойство: не случилось ли что с «Гошкой» – тот должен был вернуться 15-го, но почему-то ничего не написал жене Майе. «Демин» – малоинтеллигентный человек, маленький, рано полысевший, бывший «вор в законе», сидевший в лагере за уголовщину, очень посредственный поэт и прозаик, печатавшийся в «Октябре», «Нашем современнике» (в последнем №8-м там его повесть) и не замеченный в интересе к политике. Он вечно торчал в буфете ЦДЛ и пил с кем-то там. Я с ним кланялся, но наши разговоры ограничивались тем, что он передавал мне, что меня искал Юра, или я его спрашивал: не был ли Юра?.. Рядом с умным, талантливым, интеллигентным Юрой он производил жалкое впечатление, но что-то писал, печатался, получал квартиру и пр.

Услышали мы это на балконе, вернувшись после послеобеденной прогулки. Собирались вместе возвращаться в Москву утром 17-го, но после этого «сюрприза» сценарий не лезет Юре в голову, разумеется, и он с каждой минутой все мрачнее. Решаем ехать сразу в город. Он хочет посоветоваться с «докой» Левого Гинзбургом, идти ли ему первому в партком, или ждать, пока его вызовут. Я даю совет – не суетиться и никаких шагов не предпринимать. Юра не несет ответственности за этого мерзавца, удравшего на горе матери и жены. Но, конечно, это чертовски неприятно: теперь Юру могут не пускать за границу и пр. В прежние времена могло бы быть и хуже, но теперь все же иные нравы...

Выходим на шоссе искать машину и встречаем только что приехавшего из Москвы Гришу Бакланова. Юра не сразу сам начинает рассказывать ему о Демине, но, оказывается, что тот уже все знает. Ему еще в три часа сказали в «Знамени» об этом (после двухчасовой передачи Бибиси), а потом он слышал разговоры в Иностранной комиссии: все точно. Гриша выражает сочувствие и тоже советует «не суетиться». Мимо едет пустое такси, и мы на нем едем в город. Я вылезаю у Смоленского гастронома, а Юра едет на Аэропортовскую к Леве Гинзбургу.

21 августа 1968

Прошлой ночью советские войска вступили в Чехословакию...

Я обычно встаю около 7 часов и к семи иду на станцию купить газеты. На этот раз были все газеты, кроме «Известий» и «Правды». Без четверти 8 я включил радио и хотел послушать «Голос Америки», но не мог его поймать – его явно забивали. Зато поймал наш «Маяк», передававший сообщение ТАСС. Его повторили дважды. Все стало ясно.

Я сговорился утром работать с Юрой и поехал в город. Войдя к нему, я сказал: «Вот вы, Юра, уже вчерашнее блюдо...» Он уже все знал.

Электричка была как-то необыкновенно сдержанна и молчалива: люди молча читали газеты. <...>

Приходит Майя – жена М.Демина. Она лихорадочно весела, старается «держаться». Из ее рассказов становится ясно, что, во-первых, Демин, после первого посещения Парижа, имел какие-то встречи и что-то писал о Париже работникам органов, во-вторых – он жил со своей двоюродной сестрой (той, что его выписывала), которую почему-то называют Пупи. Майя находила черновики писем. Та недавно приезжала в Москву, и обо всем можно было догадаться. Так что очевидно – прямой повод для «невозвращения» Демина – его связь с этой женщиной, но, возможно, что она для него и ступенька только. Не исключен вариант, что Демин «остался с заданием», хотя как агент он, конечно, фигура горестная (пьяница, малоинтеллигентен и пр.). Любопытны подробности быта этой семейки: пьянки и пр. Странное совпадение – и Демин, и Белинков жили на одной лестнице в доме на Малой Грузинской и как раз один под другим: Белинков под Деминым.

В пять звонит Л.Г., и мы едем на троллейбусе к нему: он был в Союзе. Там был митинг, но кто выступал, кроме Г.Маркова, неизвестно. У Л.Г. дочь гостит в Румынии, а так как Румыния, вероятно, займет позицию поддержки чехов, то он боится, не займут ли и ее наши войска, и как ей возвращаться. В Иностранной комиссии ССР ему сказали, что «дело идет негладко», что можно понимать не в том смысле, что вступление войск встретило препятствия, но то, что это не дало того молниеносного политического эффекта, ради которого все и было предпринято. <...>

Картина, в общем, такова: к концу первых суток Чехословакия была легко занята. Десант на Прагу был сброшен еще в 11 часов ночи 20-го. К утру всю территорию заняли танки. Сопротивления не было. Но, сверх ожидания, правительство и парламент (видимо) не подчинились, и было опубликовано обращение с жалобой на втор-

жение. О нем было заявлено в ООН. Там созвали заседание, несмотря на протесты Малика. Во всем мире возмущение, изумление и тревога.

24 августа 1968

В Праге продолжается пассивное сопротивление населения. Кончается 4-й день оккупации, и политически ничего не достигнуто теми, кто затеял оккупацию. Войска без сопротивления заняли территорию страны, но не нашли себе сторонников, у которых хватило бы мужества претендовать, при таком настроении народа, на власть.

Продолжаются демонстрации в столицах многих стран у советских посольств. Раздаются голоса об исключении пяти стран, осуществлявших оккупацию, из организации Олимпийских игр. <...>

На кого работает время? Вряд ли на советские войска. Там уже полмиллиона советских солдат (на 20 миллионов чехов), их можно привезти 5 миллионов, но это решало бы <все> в случае вооруженной борьбы, а не при пассивном мирном сопротивлении и единодушии населения.

27 августа 1968

Рано утром нет «Правды» и еще ряда газет. В остальных – ничего нового. Без четверти семь Бибиси сообщает о слухе из чехословацкого посольства в Москве о том, что чешская делегация отбыла на родину, а о соглашении есть только смутные слухи. Будто бы чехи согласились сократить бесцензурность печати, разрешить пребывание на границах с ФРГ советских воинских соединений, но зато у власти остается прежнее чешское руководство и остальные войска будут выведены. Но это только слух. Неизвестно, согласится ли на это народ Чехословакии.

Еще третьего дня в Праге убит советский журналист Карл Непомнящий (главный редактор АПН и собкор «Правды», чьи корреспонденции были особенно яростны и демагогичны) и еще работник АПН Зворыкин. Будто бы они были на вертолете, сбрасывавшем листовки, и вертолет подбили. <...>

На Красной площади третьего дня на Лобном месте Лариса Даниэль, Павел Литвинов и еще кто-то (говорят об участии дочери Л.Копелева) вывесили плакаты с приветствиями «свободной Чехословакии», минут через двадцать прибыли машины с «искусствооведами в штатском» (до этого толпа молча смотрела) и арестовали их, причем Литвинова сильно избили. <...>

Всю эту трагическую неделю стояла томительная жара, какой не было в середине лета. На углах продают арбузы. Идет ремонт

Ярославского шоссе. На киноафишах двухсерийный фильм «Щит и меч».

Из Праги явился Илья Вайсфельд, рассказывавший Марьямову многое. Главное – растерянность и смущение советских войск (или – части войск, молодых солдат, вчерашних десятиклассников), которых уже начали заменять новыми контингентами. Сейчас в Чехословакии 600 тысяч советских войск. Им не дают пить чешские женщины. Самоубийство советского младшего лейтенанта. <...>

Так или иначе, Дубчек, уехавший из Праги арестованным, вернулся триумфатором и народным героем, и уже одно это говорит о том, кто одержал победу.

Советская сторона заставила принять некоторые свои условия (введение частичной цензуры, временное оставление войск), но это достигнуто ценой катастрофического падения популярности СССР и в Чехословакии, и во всем мире, созданием атмосферы недоверия к себе, духовной драмой советской интеллигенции и левой интеллигенции всего мира, резким ухудшением отношений с Югославией и Румынией, крушением пятнадцатилетней работы по разложению НАТО и еще многими последствиями. Это такая же пиррова победа, как и мир с Финляндией в 1940 году.

30 августа 1968

Вечером Бибиси передавало полный текст волнующей речи Смирковского. Мимоходом он сказал, что он и Дубчек пока не хотели бы многое вспоминать из того, что предшествовало их участию в переговорах. Видимо, с ними просто очень грубо обращались, что имело смысл только в случае, если их решено было ликвидировать. Дубчека в ручных кандалах швырнули на пол самолета. Это, разумеется, так же позорно, как и расправа с Лумумбой, например, хотя здесь, благодаря мужеству президента Свободы, до худшего пока не дошло.

1 сентября 1968

Почти не слушаю радио и еле-еле проглядываю газеты. Это реакция на чешские события и все, с ними связанное. Идиосинкразия к политике, которая предстала снова как гигантское шулерство или откровенный гангстеризм. Тошнит от всевозможных «наших обозревателей», их неприкрытого блядства <...>. Боже, что плетет сегодня, например, в «Правде» С.А.Герасимов. Он все время плавает наверху, как высохший блин коровьего дерьма – этот бывший талантливый человек, бывший человек...

6 сентября 1968

Майя Демина была у Ильина, и он рассказал ей о радиозаявлении Демина в Париже о том, что он никогда не вернется в эту «серую, мрачную, темную страну, где даже такой малообразованный человек, как он, считался писателем. Он бросает литературу и открывает на деньги родных ночной бар, куда он приглашает в гости (но не даром) всех московских друзей». Это остроумно и неожиданно, но не так глупо. Писатель-то он на самом деле липовый. У Майи так и не было обыска. Зато у Белинкова был, и забрали среди других бумаг несколько десятков писем Зорина к нему, очень Зорина компрометирующих. Говорят, он здорово струсил.

11 сентября 1968

Утром Бибиси передает странное сообщение о заявлении 88 советских (московских) писателей о чехословацких событиях и его текст (без подписей). В тексте говорится о «братьях славянах», о «кровном братстве», и хотя он резко осуждающ по отношению к советскому руководству и бранит Федина, Шолохова и Софронова, что-то в этом есть сомнительное. М.б., вот эти фразы о «братстве по крови» – это значит, что уже ни один еврей его не подписал, что ли? Но как же тогда набрали (да еще между 21 и 23 августа) 88 подписей? Все-таки за это время я видел кое-кого, но и краем уха не слышал о сборе подписей, а мог бы услышать (вернее – не мог бы не услышать). М.б., это сделали «русситы»? Но их столько и не наберется. Я, во всяком случае, такого текста не подписал бы, помимо прочего, уже из-за этих фраз о «славянской крови». Меня одинаково возмущает, когда притесняют татар, евреев, венгров и прочие народы. При чем тут «славяне»? Именно поэтому мне этот документ несколько подозрителен. «Прогрессисты», каких я знаю, такой текст не составили бы. М.б., это провокация. Или просто липа, составленная недалекими, хотя и благородными людьми. Но каковы бы ни были мотивы, это неумно.

24 сентября 1968

Мне понадобилась одна справка из мемуаров Эренбурга, и я стал перелистывать третий том и кое-что перечитал. Вот книга, которая за время своего существования то понижается в цене, то растет. Сейчас она снова кажется почти немыслимо смелой и откровенной (так потемнел общий фон), а когда И.Г. печатал еще при жизни последние части, то на фоне расцвета самоиздатовской литературы она казалась и трусливой, и приблизительной, и туманной. Истина, как всегда, посередине, но настоящая оценка ее (как и всего написан-

ного Эренбургом) возможна только в соотношении с окружающим: она не существует отдельно от него: она с ним связана сложной исторической связью.

27 сентября 1968

Третьего дня в городе. <...> Одинокое обедаю в ЦДЛ и еду к Н.Я.

Она дает мне читать свои новые наброски и просит совета насчет своего письма О.Э. Мой совет – выделить его в отдельную главу – ей нравится. Написанное ею интересно, но это все вовсе не новая книга, а все та же, новые ее фрагменты. И <я> это говорю ей.

Потом приходят люди: какой-то ученый бородач с женой блондинкой «из рода Глинок», маленький Женя, которого я давно помню по «салону Н.Я.», но, убей бог, не знаю, что он делает. И еще приходит некая девица, не знаю, как ее зовут. Все это люди одного настроения, понимающие друг друга с полуслова. Бородач держится как интеллектual, но не производит впечатления такового. Его кумир – Булгаков «Мастера и Маргариты» и «Собачьего сердца». Он огорошен моим мнением (к которому присоединяется и Н.Я.)*, но так хорошо воспитан, что не спорит, хотя смотрит на меня недовольно. Еще я шокирую всех заявлением, что в середине 20-х годов в деревне в самом деле были «кулаки». Но все-таки после я недоволен собой – ни к чему разговаривался, в общем-то. Н.Я. говорит, что Л.М.Эренбург спрашивала не раз обо мне: она хочет, чтобы я написал об Илье Григорьевиче... Надо побывать у нее. Н.Я. тоже считает, что я должен писать о нем.

Она выглядит неплохо, мало изменилась.

Читал я наброски о «трагедии» в понимании Ахматовой и Мандельштама, о пьесе «Пролог» А.А. и еще о разном, и последнюю главу «новой книги».

Уехал с последним поездом.

11 октября 1968

Процесс Литвинова и его группы закончился. Приговор определил трем главным подсудимым «ссылку в отдаленные местности», а другим 3 и 2 года тюрьмы.

Многие гадают, почему «лидерам» дали только ссылку. Трудно сказать. М.б., – не хотят человека, носящего фамилию Литвинов и

* Гладков не разделял общего увлечения Булгаковым и невысоко ценил его наиболее популярные произведения, делая исключение лишь для «Записок покойника» («Театрального романа»).

внука М.М.Литвинова, держать в тюрьме? Сегодня, когда я вернулся из города и включил приемник, «Маяк» передавал комментарии к приговору, где говорилось о пьянстве и разврате подсудимых. Сегодня в ЦДЛ все говорили о процессе. <...>

Все рассказывают, что наш документальный фильм о вступлении в Чехословакию производит обратное и страшное впечатление и гадают – это глупость или чей-то хитроумный расчет. <...>

Юру Ильин предупредил, что его года два не будут пускать за границу из-за бегства Демина.

13 октября 1968

Перечитывал Зощенко. Если бы можно было судить о нем, отвлекшись от его литературной судьбы, то следовало бы признать, что все лучшее он создал еще в двадцатые годы или позднее, но в манере написанного в эти годы. «Сентиментальные повести», написанные на рубеже 30-х годов, вялы и малоинтересны. И далее – тоже. Пресловутая «Обезьяна» хороша, конечно. Документальные рассказы-пересказы и записи неинтересны. «Перед восходом солнца» – сильнее всего, но болезненный субъективизм тут уже совсем охватил его. С чисто литературной стороны – он жертва успеха своей «первой манеры» и неумения отойти от нее. Но, разумеется, и сделанного в двадцатые годы достаточно для почетного места в истории русской литературы – так это оригинально, свежо, умно, ярко.

Зощенко одновременно и недооценен, и переоценен.

22 октября 1968

У нас многие думали, что Нобелевскую премию по литературе получит Солженицын, и разочарованы.

Я читал открытое письмо Белинкова Союзу писателей, опубликованное в нью-йоркской газете «Русская мысль». Оно злобно, дерзко, но есть в нем и глупости. Он заявляет, например, что не хочет пить коньяк в ЦДЛ в обществе Федина и Кочетова. Но Кочетов и Федин никогда не пьют в ЦДЛ, а тем более невероятно представить их пьющими там в компании с Белинковым. Такие заявления делают письмо фальшивым.

15 ноября 1968

Будто бы из большой антологии русской поэзии XX века, составленной Банниковым, приказано вынуть Гумилева, Мандельштама и кого-то еще. Это круги по воде от скандала с «Библиотекой поэта». Предполагаемый пятитомник Ахматовой сокращен до двухтомника небольшого листаж.

Комарово

28 ноября 1968

Когда Толстиков объявил о решении обкома о «Библиотеке поэта», то он не пригласил даже сесть вызванного в Смольный Орлова и других. Рассказывают, что у него в августе было персональное дело, так называемая «аморалка», и он получил выговор, но могло быть и хуже, если бы не нагрянули чешские события. Будто бы его пограничники выловили из моря близ его дачи под Выборгом, купающимся голым с двумя шестнадцатилетними блядужками, и не поверили ему, что он Толстиков, и пока не выяснили, продержали его до вечера под арестом и даже выпороли «за разврат». После этого он был в бешенстве и стал придирается ко всему. Не уверен, что это не выдумка, но – говорят, что было так.

2 декабря 1968

К утру дочитал «Лолиту». Вторую ночь не сплю – читаю, и днем буду, как сонная муха.

Никто на этот раз меня не торопит с книгой и днем я свободен, но читаю все же залпом. Талантливо, но где-то интерес падает. Есть пустоты и провалы. Но сама *ткань* романа блестяща. Никакой особенно порнографии нет. М.б. потому, что почти <все> названо и анализа и комментариев больше, чем описаний.

А что, если написать роман о том, в какую пустоту ввергается человек, маниакально преданный не извращенной, а самой благородной страсти, роман о том, что извращение состоит не в исходном патологическом посыле, а в степени крайней сосредоточенности на чем-то одном? Трагична не исходно больная страсть, а всякая страсть, подчинившая себе всю жизнь и все в жизни.

6 декабря 1968

Слышал по радио выступление Ю.Кроткова, киносценариста, года два назад сбежавшего в Англию. Он, между прочим, сообщил, что за 46 лет своей жизни в СССР «не написал ни одного слова правды». Что ж, это характеризует и его самого, а не только советское общество. Другие – и пишут, и говорят.

25 декабря 1968

Сюда приехала Майя Данини и дала мне 2 номера «Байкала» с сочинением Белинкова об Олеше.

С позиции искусства это все – мимо. Это не о реальном Олеше, а об экс-игреке, условном писателе в условной действительности,

которую автор ненавидит. Но и эта действительность – не совсем реальная действительность – та, в которой мы жили. Автор обуреваем благородными идеями: самовластие – зло, искусство должно быть свободно, не надо лгать, – но все это азбучно, и поэтому немалое красноречье Белинкова идет впустую. Много элементарных ошибок в самом анализе произведений Олеши, которым, впрочем, автор себя не перегружает. Если угодно – это вывороченная наизнанку та самая социолого-публицистическая критика, которая господствовала на рубеже между 20 и 30 годами и против которой мы всю жизнь протестовали из-за ее бессодержательности. Литературно – это местами лихо, но не тонко и не глубоко.

27 декабря 1968

Третьего дня в БДТ на «Мещанах» присутствовали тов. Демичев и Солженицын. Перед приездом первого десять цистерн с горячей водой были вылиты на асфальт перед театром, видимо, чтобы стоял гололед, но мороз быстро схватил, и гололед снова возник, и удешаженный, чем «сопровождающие лица» из обкома и горкома были очень удручены. Что сказал тов. Д. о спектакле, неизвестно, вернее, Эмма этим не интересовалась. Товстоногов сказал, что Солженицыну спектакль понравился, но, по рассказу Эммы, он держался странно: когда актеры, выйдя на вызовы, стали кланяться в его сторону, он стоял боком к сцене, не аплодировал, а что-то диктовал какой-то женщине, быстро за ним записывавшей. Какое интервью (или что?) он давал – неизвестно.

Демичев выступал перед партактивом города. В речи его не было ничего интересного, кроме ответов на несколько вопросов. Кто-то спросил его: когда ЦК, посчитавшись с мнением всего народа, реабилитирует Сталина? (Хороша сама формулировка вопроса!) Д. ответил, что: во-первых, таково мнение только части народа, а, во-вторых, ЦК должен считаться и с мнением западных коммунистов. Он добавил, что ЦК подходит к роли Сталина объективно, признавая его заслуги в войне и в годы пятилеток, но видя и его ошибки, и что к «культу личности» партия никогда не вернется. Второй вопрос: почему в ЦК не принимают меры против ревизионистов Твардовского и Симонова, распространяющих антисоветские подметные письма в виде обращений в ЦК? На это Д. «с раздражением» ответил, что спрашивающий питается слухами, что никаких таких писем Симонов и Твардовский не писали. На другом, более узком совещании, выступил А.Прокофьев с критикой линии ССП, требовал принятия мер против Майи Борисовой, давшей какое-то интервью за границу, говорил, что Ленинграду не нужны новые журналы, так

как тех, кого надо печатать, и так печатают, а если других не печатают – то и слава богу, и чуть ли не обвинил Гранина в краже ковра, подаренного туркменами ленинградским писателям.

29 декабря 1968

Читал целый день роман Сирина (Набокова) «Дар». Я читал его раньше, но по тексту «Современных записок», т.е. без главы о Чернышевском, да и не так внимательно, как сейчас. Роман великолепен. По-моему, это лучший роман этого автора. Он прекрасен и по замыслу, и по прихотливой и небанальной сюжетной структуре, и по словесному мастерству. Но главная его удача – герой его убедителен как талант, как человек с поэтическим даром. Подобного примера я не знаю во всей мировой литературе: обычно (кроме «Мартина Идена», м.б.) «писатели» – герои романов – условно-ходульные фигуры.

1973

29 марта 1973

По моей просьбе, мне выписали из «Второй книги» Н.Я.Мандельштам два места, где я упоминаюсь. Ничего порочащего меня в них нет, хотя несколько удивляет тон:

«Гладков в своих страничках о Пастернаке не врет и не хвастается, когда рассказывает о неслыханном внимании к нему Пастернака. Я узнаю в его рассказе Бориса Леонидовича, который мучительно думал, как бы сочинить пьесу, и присматривался к драматургам, которым повезло...» Стр.387. «Александр Гладков все собирается написать о равнодушии, с которым в литературных и театральных кругах тридцать восьмого года приняли известие об аресте и гибели Мандельштама. Гибель единиц покрывается повышением рождаемости и нарастанием темпов, как твердо знал всякий деятель великой эпохи». Стр.394.

Во втором отрывке маразматическая путаница. Во «Встречах с Пастернаком» я писал, что первый арест Мандельштама не произвел большого впечатления в обстановке очередной литературной весны, и у нас с Н.Я. шла речь о том, чтобы уточнить это и написать подробнее, что я обещал ей, в моем незаконченном эссе о Мандельштаме. А его второй арест прошел малозамеченным (как и известие о его гибели – впрочем, о ней долго никто не знал), потому что в разгаре террора такие вещи уже никого не удивляли: привыкли ко всему. А Н.Я. перепутала одно с другим.

Как я мог точно знать о гибели Мандельштама, когда я и о судьбе Мейерхольда, которая меня близко касалась, ничего не знал до 1955 года?

1 апреля 1973

Прочитал, не отрываясь, толстую рукопись Г.М.Литинского об истории Воркутинского лагерного театра, где он работал более 10 лет, сначала заключенным, потом вольнонаемным. Он написал это по заказу ВТО. Мне все очень интересно и, хотя наш театрик был почти вчетверо меньше воркутинского, много общего. В 1949 году (т.е. когда я уже сидел) там ставили «Давным-давно».

Если я буду писать о лагерном театре, то не так: не сухую историю, а то, что за этим, т.е. человеческие истории, быт, нравы. <...>

Работать нет еще сил. Убираюсь в комнате потихоньку.

12 апреля 1973

У Коржавина будто бы состоялся большой и откровенный разговор с Ильиным. Он просит, чтобы ССП «оградил его» от давления органов. Сказал, что отъезд в Израиль для него трагедия, но он чувствует, что его хотят сделать «стукачом». Напрасно это он. Даже если доля истины в этом есть – все равно напрасно. Нелепо объясняться и откровенничать с государством. Такие вещи можно уладить, только если не называть их своими именами. А, по словам Медникова, Коржавина уже «опросом» исключили из Союза. Коржавин чистосердечен, незащищен и искренен. Его все любят и жалеют и хотят помочь. Зачем ему ехать в Израиль? Он русский поэт, как и Бродский. <...>

20 апреля 1973

Днем в ЦДЛ стало известно, что «получено указание» оформлять на Коржавина характеристику в ОВИР, т.е. его выпихивают. Он сам, кажется, жалеет, что зарвался, и ехать не хочет, но чтобы остаться, ему нужно стать на колени, но он этого тоже не хочет. Да и поможет ли?

Обед в ЦДЛ слевой и Юрой. По залу бегают лысеющий Евтушенко. В углу пьют русситы во главе со своим вождем Дмитрием Жуковым.

Юра ездил в Тбилиси. Там полный ералаш. Продолжаются аресты и конфискации дач и домов по линии коррупции. Новый секретарь активен*. Он опирается на Андропова. Жизненный уровень упал.

* Э.А.Шеварнадзе (р. 1928), бывший в 1965–1972 министром внутренних дел Грузии, занимал пост 1-го секретаря ЦК КП Грузии в 1972–1985, сменив В.П.Мжаванадзе, правившего в Грузии со времени смерти Сталина.

Нет того, нет другого. Поколебалась экономическая система: «я тебе, а ты мне» и продукты спрятаны. По-прежнему торговать бояться, а по-новому (т.е. честно) не хотят. Часть довольна всем происходящим, но часть – резко против. <...>

В Москве проработки у историков. Новый термин: «идеологическая дисциплина».

28 апреля 1973

Вчера вечером объявили о переменах в политбюро. Выведены, якобы из-за пенсионного возраста, Шелест и Воронов. Введены Андропов, Громыко, Гречко и кандидатом ленинградский Романов. В резолюции выделяется «личная роль Л.И.Брежнев». Политбюро, кажется, окончательно лишается значения политического сверхоргана, а становится чем-то вроде президиума Совета министров. Ну, посмотрим.

Ходил на телефонный узел. Волновался, но взял себя в руки. Обещают поставить телефон в первой половине мая. <...>

В городе уже началось праздничное пьянство. Рассказ о вызове Ю.Домбровского в органы и его откровенном там разговоре. Он считает, что П.Якир был провокатором и «Хроника» существует под эгидой органов, что будто бы там и сказал*.

29 апреля 1973

Звонил Гариним. Завтра буду у них обедать. <...>

В последнем номере «Литературной России» в подборке стихов Евтушенко (сплошь плохих) есть и стихотворение на тему ссоры поэта с бывшими друзьями: Аксеновым, Поженяном и другими. Стихи тоже неважнец, но они подтверждают слух о матерных письмах, полученных Евтушенко после рецензии на пресловутую коллективную халтуру**. В стихах есть такая формулировка: «зависть друга страшней, чем ненависть врага». Положим, это верно. В отношении к Евтушенко большую роль играет элементарная зависть: ему-де позволено то, что не разрешается другим. Аксенов, говорят, напрямую сравнивает Евтушенко с Азефом. Сходства мало, но звучит крепенько...

* Имеется в виду самиздатский правозащитный неперIODический бюллетень «Хроника текущих событий».

** Имеется в виду напечатанная в «Литературной газете» рецензия Евг. Евтушенко «Рубашка, залитая кровью» на роман-боевик «Джин Грин – неприкасаемый. Карьера агента ЦРУ №014», вышедший в «Молодой гвардии» в 1972 под коллективным псевдонимом Гривадия Горпожакса (О.Горчакова, Г.Пожежняна, Вас. Аксенова). После этого дружеские отношения Евтушенко с Аксеновым разладились.

Г.М.Литинский читал толстенную рукопись мемуаров Ивинской о ее романе с Пастернаком. Будто бы там часто упоминаюсь и я, хотя я с ней не был знаком. Причем упоминаюсь дружелюбно. Любопытно бы почитать.

1 мая 1973

Очаровательная погода: тепло и не жарко, полусолнечно. Речь на Красной площади с мавзолея говорил сам Брежнев. Он очень топорится врезать себя в сознание главным вождем. Отношение к нему не страстное, как к Никите (и любовь, и ненависть), а равнодушно-насмешливое. В народе его зовут «номер второй»*. Впрочем, вероятно, он – наилучший вариант из возможных.

Утром вышел опустить письма и купил яйца. Потом все время дома в полусонливом состоянии. Надо бы зайти к Ц.И., но не хочется. Оказывается, третьего дня была Пасха.

Вчера часов шесть просидел у Гариных, снова безобразно наелся. Все разговоры идут вокруг болезней, врачей и старости. И книга... Ну хорошо, книга выйдет летом, а чем они будут жить дальше? Хesia будет работать, как лошадь, до дня смерти. Какие-то деньги будут. Но чего ждать, на что надеяться? <...>

Ко всему – Брежневу еще дали международную премию мира (вместе с Альенде и Д.Олдриджем). Можно еще сделать его патриархом – почему нет? Во всех передачах его поздравляют и благодарят. Церемониал известен.

2 мая 1973

Боря Слуцкий уехал в Коктебель: перед этим звонил Ц.И. и спрашивал обо мне. А 30-го вечером, когда я был у Гариных, ко мне заходил Юра. Будто бы Косоруков из Союза сказал ему, что на Старой площади есть сомнения в его романе** (Старая площадь – это ЦК). Юра встревожен, Лева Гинзбург подливает масла в огонь, и наверно ему хотелось моральной поддержки.

Все время идут в печати и по радио стереотипы. Сейчас без конца повторяют о «личном большом вкладе».

Наша пресса замалчивает огромный скандал в США в связи с обыском в центре демократической партии. Никсон драматически выступал по ТВ. В иное время мы плясали бы вокруг этого, а сейчас нельзя – «дружба». Это мизерно.

* При обмене в 1973 партбилетов, Л.И.Брежневу выдали билет за №2, по поводу чего сразу возникли анекдоты.

** Речь идет о романе Ю.В.Трифопова «Нетерпение» (об убийстве Александра П. народовольцами).

3 мая 1973

Около 20 градусов. Душно. Небо в облаках.

Ночью читал пьесы В.Розова «В дороге», «Затейник», «Традиционный сбор» и «Перед свадьбой». Только последняя хороша: остальные нарочито построены, диалоги – игра в поддавки, все говорят, как это нужно автору, а не свойственно героям, морализаторство. Я как-то думал, что это лучше. Или – не читал и верил на слово, или забыл. И все ужасно слащаво.

Потом перешел к Арбузову. Можно читать только «Годы странствий» и «Двенадцатый час», хотя и там есть – бич нашей драматургии – игра в поддавки. Остальное плохо и, в отличие от более скромного Розова, еще и претенциозно. Ложные афоризмы. Например: «Старость начинается, когда человек больше вспоминает, чем думает о будущем». А как же Лев Толстой, начавший с воспоминаний? А Герцен?

А сказать это вслух нельзя – примут за литературную зависть. Беда Розова, Арбузова и пр. в том, что рано замкнулись в кругу почитателей с плохим вкусом. <...>

Слух, что Петр Якир раскололся и раскаялся и призывает к тому же академика Сахарова.

В.Б.Шкловский очень обижен, что ему к юбилею не дали никакого ордена. А в самом деле – почему? Жалко, что ли? Ведь поработал же старик! Его пригласили в Лондон для вручения докторской степени и запросили размеры головы и объем груди, чтобы заранее заказать мантию и шапочку, хотя злые языки говорят, что это берется напрокат. Врачи Литфонда не хотят его пускать, так как он недавно серьезно болел.

У Е.А.Кацовой одно высокое учреждение заказало сборник дневников и писем Кафки, который должен был выйти в «Прогрессе».

<...>

Говорю по телефону с Ц.И. Ей звонил Юра. Она говорит, что «все в великом страхе». Очевидно, это значит, что Юра боится за свой роман. Я думаю – обойдется. Сейчас не в моде открытые проработки и литературные скандалы.

4 мая 1973

В «Сов. писателе» сборник об Олеше отрецензирован положительно Верой Смирновой и пошел по инстанциям. В его составе и моя штука*. Будто бы редактором должна быть некто Самойлова

* Очерк Гладкова о Ю.Олеше «Слова, слова, слова...» в сб. «Воспоминания о Ю.Олеше», который вышел только три года спустя (М.: Советский писатель, 1976). Гладкову уже не довелось увидеть эту книгу.

(если не путаю фамилию), человек компетентный и умный. Она делала книгу Цветаевой.

Воспоминания Ивинской, видимо, ходят по рукам, так как их тоже на днях читал Константиновский, который подошел ко мне в ЦДЛ и сказал, что я там упоминаюсь.

Я сегодня обедал и стригся в ЦДЛ, поехав туда после Лавки, где ничего интересного не купил.

Еще в ЦДЛ разговор с В.Максимовым. Мы стояли у буфета, он вопросительно смотрел на меня, а я на него, и я заговорил с ним. «Да, мы знакомы заочно», – сказал он. Высказал мнение о романе. Он поблагодарил. Он сказал, что слышал от Солина (композитора), что я расширил воспоминания о Пастернаке. Это очень старая новость, но он читал их уже давно в первом варианте. Еще я сказал Максиму, что не согласен с ним в том, что он всех героев романа приводит к богу. Он взял бутылку пива и 2 бутерброда с селедкой и сел один за столик – этот уже всемирно известный писатель. А я пошел к выходу с тяжело набитым портфелем.

Еще был разговор с Винокуровым о болезнях и стихах. Я похвалил его последнюю книжку. Он сказал, что на выходе еще одна – тоже идущая «от больницы». Болезнями Женя интересуется почти профессионально, расспрашивает о симптомах и лекарствах. Он тоже принимал гаммолон, но бросил после 400 штук по совету врача: будто бы дурно действует на спазмы.

Давно уж я с Винокуровым так дружески не разговаривал. Появились общие интересы (болезни). <...>

Читаю довольно интересную книгу С.Шмидта (сына О.Ю.Шмидта) об Иване Грозном. Новинка.

7 мая 1973

Магазин. Кафе. Федя Липскеров и Костя Богатырев.

Рассказ Кости об Ивинской. Как бы врет, но правда. Об Ахматовой и Поливанове.

Вчера обедал у Гариных. <...> Рассказы о семейной драме Н.Р.Эрдмана. Жена и ее любовник. Бывшая жена Наташа Лавровская, до конца любившая его, но ушедшая к Лавровскому из-за измен и фокусов Н.Р. Основная черта характера Н.Р. – бесконечное самолюбие. Отсюда его донжуанизм. Корни «золотой молодежи» нэпа. Ангелина Степанова летала к нему в ссылку. Спившаяся и умершая на улице жена Бориса Эрдмана, балерина Вера Друцкая. Самоубийство их сына наркомана. Какие концы жизней. Как мало величия во всех смертях и как много грязи. И все-таки, лучше всех у Пастернака.

10 мая 1973

...обедаю в ЦДЛ. Константиновский рассказывает, что большая часть рукописей Бори Ямпольского исчезла. Он не верил, что умрет и сам то отдавал их кому-нибудь, то брал обратно. Может, еще найдутся. У него наследницы – сестры, с которыми он не общался, и дочь, с которой не встречался (от случайной связи).

Комиссия по литнаследству не образована: не могут найти председателя. Борщаговский отказался.

Дождь как будто не идет, а стоит в воздухе мелкими брызгами. Говорят, цветут яблони, а я еще не видел.

Сегодня в ЦДЛ обедала Мариэтта Шагинян. Она еще довольно бодрa: армянская кость. В клетчатом, на манер шотландки, коричневом платье: не развалина, нет. Она была одна. К ней подходили две старухи, но, в общем, нынешние завсегдатаи ЦДЛ ее мало знают.

12 мая 1973

Прохладно, но с утра сухо. <...> Лавка писателей. Кира рассказывает, что ряд новых изданий будет поступать только в библиотеки, минуя торговую сеть (малотиражные). Это плохо, но... верю, ибо нелепо.

Умер Г.М.Козинцев. Я был с ним знаком. Выслушивал от него комплименты по поводу «Мейерхольда» и «Пастернака». Он не был великим художником, но он был культурным режиссером и сумел получить в жизни и в славе на свои 100% – 250%, причем, не делая для этого явных подлостей. Брат Любви Михайловны Эренбург. Некролог подписан членами правительства.

13 мая 1973

Обедал у Бориса Натановича. <...> Слух, что скоро уйдет Подгорный, его пост займет Косыгин, а Брежнев будет совмещать посты генсека и предсoвета министров. Ничего невозможного в этом нет.

Говорят, что на днях на авиарейсе Ленинград–Москва была сделана попытка заставить наш лайнер лететь в Швецию, но она не удалась. Летчик вернулся в Ленинград и там, при попытке задержания вооруженного и угрожавшего оружием неизвестного (еще говорят, что их было несколько), тот был убит. И был убит кто-то из команды самолета. В газетах и по заграничному радио об этом еще не было.

В некрологе Г.Козинцеву, когда перечисляются фильмы, поставленные им с Траубергом, фамилия Трауберга не называется. Это неприлично: все равно, как если бы при некрологе Е.Петрову не называли Ильфа. Тем более, что вдвоем он поставил лучшие свои картины.

Еще слышал, что на днях Солженицын сочетался церковным браком со своей фактической женой, от которой у него уже двое сыновей. Он не мог это сделать, пока его не разводили с первой женой. <...>

14 мая 1973

Солнечно, но прохладно. В окне зелень листвы. Сажу дома и жду монтеров с телефонного узла, но они не приходят.

Прочитал начало рукописи о 37-м годе: более 50 страниц машинописи. Она попала ко мне случайно, и я не знаю даже автора. Это ленинградский литератор, приятель Б.Корнилова, С.Колбасьева, С.Безбородова, учился в институте на Исаакиевской, начинал в «Резце», зовут Михаилом, фамилия начинается с буквы З. Он сидел в одной камере с А.Пиотровским на Шпалерной. Его посадили 10 апреля 37 года и в конце ноября или начале декабря отправили на Тайшет. Описания допросов и избиений. Как били Пиотровского, как он держался в камере (достойно). Есть наивности, м.б., нарочитые, «тактические». Наверное, ленинградцы могли бы назвать имя автора, но некого спросить. Таких рукописей должно быть тысячи: интересно, собирает ли их какой-нибудь архив? Вряд ли. Я в разное время читал штук 10 – все чем-то интересны.

15 мая 1973

В два часа дня пришел монтер. Меня «спарили» с переводчицей Ритой Райт. Ее сестра просит отложить до ее приезда, почему-то, но монтер мне мигает: «Не соглашайтесь...» Я отговариваюсь.

Я испытываю некоторое волнение. Столько лет я жил без телефона. Фактически с 1961 года, т.е. 13 лет. Отвык и научился его игнорировать.

151-01-23. Монтер ушел. Телефон работает. Я уже звонил и Ц.И. и Б.Н. Ура!

17 мая 1973

Солнце. Сильный ветер. Плюс 20. Днем смотрим с Левои и Люсей в бывшем кинотеатре «Унион» «Дети райка». Замечательный фильм, полный свежести, хотя он снят 30 лет назад.

Оттуда еду за заказом к Борису Натановичу, завожу его к себе и еду к Юре Трифонову.

У него Р.А.М<едведев>. Он уезжает на три месяца на юг отдыхать. Хорошо выглядит, спокоен: его больше не теребят. Его книга вышла на 5-ти языках. Жорес собрал его гонорары и сделал ему два перевода.

Сейчас он начал работу над книгой о первых пяти годах советского государства. Тут и происхождение гражданской войны. Он добыл много архивных материалов о казачестве и революции: дело Миронова и пр.

Новость. Вчера, или третьего дня, В.Максимов подал заявление о выходе из Союза писателей. Сегодня Р.А. был у него и видел текст. Предполагалась в СП проработка романа «Семь дней творения», и В.Максимов решил ее предупредить. Он предпочел, чтобы инициатива была на его стороне. Не знаю еще, правильно ли это?

19 мая 1973

Вечером звонок Р.Я.Райт. Просит зайти поговорить о «телефонной конвенции». Иду (выше на два этажа). Обещаю ей принять меры, чтобы ко мне не звонили поздно (у нее раздастся звонок). Потом говорим о Пастернаке и прочем. Она читала мои воспоминания. Сейчас она работает над книгой о Б.Вильде*. До этого я не был с ней знаком. У нее точно такая же квартира, как у меня, но куда лучше обставленная (разумеется) и очень чистенькая.

Говорим еще о разном: о ее мемуарах, о Шейко и т.д. Она дает мне прочесть свои воспоминания об Ахматовой, напечатанные в журнале «Литературная Армения» в 1966 г. Читаю перед сном: как можно было тогда вольно писать – просто удивительно.

Читаю с интересом автобиографию В.Ф.Пановой в «Неве» (окончание). <...>

Мне удалось установить, кто автор воспоминаний о полугоде в тюрьме на Шпалерной. Без ошибки могу сказать, что это М.Е.Зуев-Ордынец. Определил это по разным старым справочникам через совпадение элементов биографии.

Вчера получил письмо от Д.Я.Дара из городка Кириллова, где он читает какие-то лекции для заработка.

Он пишет: «Фактически Вера Федоровна была убита своими сыновьями, которые, пользуясь ее болезнью и пытаясь прикрасить ее именем свои собственные сочинения, в то время, как я лежал в больнице с инфарктом, убедили ее разойтись со мной и отняли от меня ее. Через два с половиной месяца после того, как она осталась без меня, она умерла. Все это ужасно трагично: поэтому и мое последнее письмо Вам было так коротко и, наверно, небрежно».

Вот сюжет, достойный Мориака и даже превосходящий его сюжетные построения!

* См.: Райт-Ковалева Р. Человек из Музея человека. Повесть о Борисе Вильде. М.: Советский писатель, 1982.

Еще Д.Я. пишет, что он был очень рад, что я не сержусь на него за сдержанный отзыв о «Молодости театра». «Я Вас очень люблю и уважаю, хотя всегда знал, что по многим вопросам мы с Вами обречены на споры, так как стоим на совсем разных позициях. Но, может быть, я именно и потому люблю Вас и Лидию Корнеевну Чуковскую, что вы для меня олицетворяете чувство историчности, которое мне совершенно чуждо и непонятно».

20 мая 1973

На днях к Ц.И. снова звонил Женя Пастернак и разыскивал меня. Я не успел собраться позвонить ему, и сегодня он пришел днем ко мне вместе с женой. <...>

Болтаем о разном. Синявский написал книги о Пушкине и о лагере и пишет книгу о Гоголе. Он пытается уехать во Францию, но еще не получил разрешения.

С мемуарами Ивинской Женя еще не знаком.

Оба они постарели, что ли... нет, «постарели» не то слово, конечно, но уже не те, что были.

22 мая 1973

Встретил во дворе В.Б.Шкловского. Он похож на японца: дряхлого японца или японца-младенца. Идет, еле перебирая ватными ножками, обутыми в светлые американские ботинки из магазина «Березка». Я поздоровался. Он ответил, но, видимо, не узнал меня. В его памяти я, вероятно, еще молодой человек.

23 мая 1973

Юра утром по телефону говорит, что обсуждение романа В.Максимова назначено в Союзе на послезавтра. Саша Борцаговский, который любит сидеть на двух стульях – быть либеральным Цицероном и верным функционером, – мечется, не зная, как ему быть. Юра рад, что болен и может отсутствовать: он хоть и беспартийный, но член правления МО и бюро секции прозаиков.

24 мая 1973

С утра ездил на дачу: вернулся в пять часов. Там рай.

Цветут яблони, вишни, каштаны, сирень и жасмин. Отвез транзистор и кое-какие консервы. Привез охапку сирени. Днем был ливень с градом.

Разные телефонные разговоры. Говорят, будто бы секретарь МГК Ягодкин, молодой и рвущийся к большой карьере человек, где-то резко бранил последний роман Ф.Абрамова, напечатанный в «Но-

вом мире», и угрожал редакции журнала. Но Абрамова скушать не так легко: он сам – злой, хитрый и «со связями». <...>

Еще рассказывают, что в «Новом мире» цензура сняла пьесу Ч.Айтматова «Фудзияма»* и будто бы ее должны снять в театре. Кстати, спектакль «Современника» недавно в «Правде» расхвалил К.Симонов.

В Институте истории искусств работала какая-то комиссия, которая рекомендовала «обновить состав», т.е. выгнать кого-то. Обычно там подкапывались под Аникста, но сейчас, как говорят, главная цель – Куницын.

<...>

25 мая 1973

Звонил Сергеев. Телевизионное начальство смотрело «До новых встреч» и одобрило. Через месяц покажут на экране. Сергеев меня поздравляет и обещает на будущей неделе показать.

Это хорошо, ибо с деньгами у меня снова туго и триста рублей пригодятся.

Всю ночь лил дождь и днем тоже идет, с небольшими перерывами.

Ездил в сберкассу, потом обедал в ЦДЛ. Заехал в Лавку, где купил порядочно книг (однотомник Фолкнера, пьесы Брукнера и еще много разного). <...>

Еще телефонный разговор с Юрой. Обсуждение романа Максимова длилось недолго и не носило характера жесткой проработки. Он сам был и говорил резко. Но, по словам Юры, как-то все обошлось. Может быть, главная проработка будет на секретаряте?

Любопытна история с моей рукописью о Пастернаке (о том, как жена Эццио не хотела почему-то отдавать ее Витторио, и Кларе пришлось ехать в Милан ее вырывать). Неясны мотивы этого поступка. Мариолина думает (и Ц.И. тоже), что руководили коммерческие мотивы – рукопись можно продать. (!?) Этот разговор был, разумеется, до прихода Эццио. Меня почему-то смущает явное внимание ко мне Мариолины.

27 мая 1973

Канторович рассказывал Рубашкину, что обсуждение романа Максимова вовсе не было таким мягким. Юра получил свою информацию от Борщаговского, но тот сам говорил очень резко и, видимо, старается в глазах «общества» представить это иначе. Дело в

* Точное название – «Восхождение на Фудзияму».

том, что у Борщаговского в этом году шестидесятилетие, и он заинтересован быть в дружбе с начальством, чтобы получить возможность новых переизданий. Я несколько лет назад разошелся с Борщаговским, больше по своим интуитивным соображениям, но постепенно подспевают и факты. Все верно! Обсуждение стенографировалось, и теперь стенограммы изучит секретарь и примет решение. Борщаговский еще старался потому, что он в свое время рекомендовал Максимова в Союз. Умнее Борщаговского поступили Феликс Кузнецов и Атаров, не пришедшие на обсуждение.

Надо позвонить Жене Пастернаку, а все не знаю, что ему сказать.

Шестинский перед выборами (в Ленинграде) стал суетиться, на казенные деньги послал 19-ти больным писателям шампанского и фруктов, перед каким-то праздником послал *всем* от руки написанные личные поздравления, но это не помогло: его *не выбрали*.

28 мая 1973

Еще вчера рассказывал Рубашкин, что представители обкома были афраппированы результатами выборов и затеяли пересчет голосов. В первый раз Шестинскому не хватило одного голоса, при пересчете – пяти. Он был так расстроен, что потерял свой обычный апломб и в конце концов даже расплакался, повторяя: «Ну что я им всем сделал плохого?..» Но дело в том, что он никому не сделал ничего хорошего, самоснабжался, устроил себе выпуск за два года семи книжек (притом бездарных!) и т.д. Я раскусил этого рвача, когда он еще работал на «Ленфильме». Типичная и противная фигура. Он еще хотел, чтобы его уважали и любили! <...>

Открытка от Оттена из Тарусы: жалко-позерская, фальшивая, мнимо-приятельская. Будто бы вовсю «работает». Что-то не верится. Он болтун и лентяй. И это еще полбеды. Он плохо пишет и смутно думает. Это хуже. С некоторых пор мы с ним обмениваемся условно-любезными открытками. По этому поводу он горько иронизирует о вырождении эпистолярного жанра. Но это глупости: ведь другим я пишу и длинные письма (Д.Я.Дару, хотя бы). А Оттену писать нельзя. Невозможно переписываться с пустотой.

Целый день дома. Читаю и копаюсь в бумагах. Питаюсь купленным вчера в «Праге» мясным салатом.

Евтушенко, кажется, улетел в Японию. Мало доброго говорят о нем в последнее время. Слишком много и жидко пишет, притом пошловато, банально.

Что это? Потеря вкуса? Или потеря уважения к читателю? И именно в это время критики начали его хвалить. На днях почти без-

оговорочно в «Правде» расхвалил С.Щипачев. Сам Щипачев тоже давно пишет плохо и банально: рыбак рыбака...

Напечатан тираж Юриного романа. Нужно прочесть его подряд целиком. Лукавить с ним не буду.

Говорят, что процесс над Якиром может состояться только после поездки Брежнева в США. Скоро уже год со дня его ареста.

31 мая 1973

Утром получаю бунинский том «Литературного наследства» на почте. Иду на улицу Грицевец. Зеленые щи и блинчики с мясом. Бледная Таня. Они пока едут в Лианозово. Ухожу с острым чувством жалости.

«Дом книги» и кулинария «Праги». Возвращаюсь в изнеможении в час домой. Что со мной? Так устаю.

Встреча с Аникстом. У них в Институте истории искусств хотят снимать директора Кружкова. Аниксту тоже досталось. Молодого деятеля из горкома москвичи уже называют «Ягóдкин» с ударением на втором слоге. <...>

В.Б.Шкловскому дали трудягу. В Ленинграде умер мой коллега по лагерю, писатель Леонид Николаевич Радищев. После освобождения я с ним встречался очень редко, да и то только в первые годы.

1 июня 1973

Прочитал «Нетерпение» – роман Ю.Трифонов. Я ждал большего. Перо у Юры, конечно, есть, но написано это без подъема и увлечения. Нет большой и сложной России. Герои модернизированы. Гольденберг – «Гришка», Тригони – «Мишка». Это фальшь. Сомнительна история с Нечаевым. Зачем нужна апология Нечаева через его самопожертвование? Это вовсе не доказано исторически. Сановный лагерь примитивен. Все было умнее и сложнее. Перовская монотонна. Желябов – купец Калашников: не мыслитель и не трагический герой. Всё вне духа времени, красок эпохи.

Вряд ли я скажу все это Юре: надоело ссориться. Но кое-что скажу. И симулировать восторг я вряд ли сумею.

Приехал Гиви из Тбилиси. Там плохо с овощами. Картошку выдают по предприятиям. Интеллигенция почти вся за нового секретаря Шеварнадзе, но он нажил и врагов. Сам живет скромно. На днях сгорел знаменитый тбилисский оперный театр. Водоем, находящийся рядом, был пуст, за несколько дней спустили зачем-то воду. Весь город смотрел, как горел театр, и Шеварнадзе тоже приехал. Чета Мжаванадзе приезжала в Тбилиси, и мадам Мжаванадзе сидела в театре в третьем ряду в своих бриллиантах. Алиев (бакинский секре-

тарь) ослабил преследование спекулянтов и занялся «идеологической дисциплиной».

4 июня 1973

Вечером ко мне вдруг зашел Лева Гинзбург. Сегодняшнее закрытое партсобрание ничем новым не ознаменовалось. Ягодкин снова бранил Максимова, роман Ф.Абрамова и пьесу Ч.Айтматова. Выступал К.Симонов, расхваливший пьесу, но и не подумал защищать ее (хвалил он ее в печати месяц назад). В стиле конца сороковых годов выступал А.Сурков, которому уже 73 года. Он бранил также Синявского и Даниэля и других. Поступило предложение послать приветственную телеграмму Брежневу. Неожиданно против выступил Грибачев, который заявил, что телеграмма – это штамп, формальность, что Л.И. такой скромный человек, что ему это не понравится. С ним не согласились. Конфуз вызвало выступление Падерина, который, пышно восхваляя Брежнева, вдруг назвал его «Леонидом Сергеевичем», видимо, спутав с Хрущевым. После он был в отчаянии. А К.Симонов буквально что-то блял о «честности». В общем, ничего интересного не было.

16 июня 1973

Небо в облаках, но как-то душно.

Брежнев уже на пути в Америку (с остановкой в Исландии).

Утром сидим с Токарем в саду и говорим о том и сем. Симпатичный человек. Лева и Люся приедут, вероятно, завтра. Меня обволакивает летняя лень.

У меня осталось 12 рублей, но, после того, как я заплатил за электричество, я как-то спокоен. Сходил в магазин и купил масла, сметаны и на рынке картошки. А третьего дня впервые в этом году ел в городе молодую картошку (у Ц.И.). Картошка со сметаной – вот мой обед. <...>

По радио: в Париже состоялся международный симпозиум о творчестве Солженицына. Основной доклад «Между традиционализмом и новаторством» делал Марк Слоним.

Слышал, как Г.Свирский читал свой очерк «Высочанский порог» из цикла «В Заполярье». О нем сообщили, что он живет в Израиле, но недавно приезжал в Париж свидетелем на процесс против агентства «Новости», обвиненного в антисемитизме. Он написал ряд рассказов и киносценарий «Евреи, налево». <...>

Мир странен и причудлив. Еще недавно я бродил с Гришей Свирским у домов на Красноармейской и мы с ним гадали, выпустят его или нет. Помню, как чему-то рассмеялись, и на нас оглянулся су-

рово проходивший мимо Арк. Васильев. Вот и А.Васильев дал дуба, и Гриша Свирский мотается по свету...

Вечером, почти ночью, пошел сильный дождь, вернее, гроза с частыми разрывами молний.

Слышал, что очередные заседания политбюро происходят еженедельно по четвергам с 4-х часов дня. Обычно председательствуют Сулов или Кириленко. Токарь хорошо знает Кириленко и говорит, что это вполне посредственный человек. Когда Токарь работал горным инженером, Кириленко приезжал с инспекциями раз в месяц, но больше интересовался, как держит себя Каганович (опальный, он был тогда прямым начальником Токаря), чем рудниками.

18 июня 1973

Сегодня Брежнев начинает переговоры с Никсоном. В Москве арестовали 6 евреев «ученых», которые будто бы объявили голодовку. Виктор Луи появился в Израиле. Его называют «журналист и разведчик». С ним яшкуются у нас и Евтушенко, и Вознесенский, и Ахмадулина. Это, видимо, та неразборчивость, истоки которой в собственной душе. Они думают, что можно себе позволить все, и это как-то окупается и прощается ради молодости и таланта. Но молодости уже нет, а таланты все вышли.

К вечеру заметно прохладней. Надеваю свитер, впервые за лето. Какая-то тянущая душу тоска.

27 июня 1973

В городе. Приехал вчера вечером. Днем выступил на совещании «За круглым столом» по поводу мемуаров в редакции «Вопросов литературы». Я говорил последним, многое, о чем я хотел сказать, уже было сказано, и у меня осталось ощущение, что я говорил сумбурно и комкано, но Е.А.Кацева после сказала Ц.И., что я говорил хорошо и даже «лучше всех». Вообще, совещание было малоинтересным. Вопрос слишком широк. Говорили – кому о чем. Участвовали: Макашин, М.Брагин, бывший чтец Голубенцев, Кардин, Ланщиков, Марлен Кораллов и кто-то еще. Спесивый и самодовольный М.Кораллов очень глуп. Лазарев просит переписать мою стенограмму в статью, т.е. не редактировать ее, а именно свободно переписать. Ему понравилась одна моя мысль (о природе памяти).

29 июня 1973

Ночью слышал по радио, что 26 июня Союз писателей исключил В.Максимова. С тех пор я не видел никого в Москве, кто мог бы об этом мне рассказать. Ранее я слышал, что это будто бы уже произошло в мае.

30 июня 1973

Очень жарко. В 2 часа дня 30 градусов. Южный ветер приносит облака и проливает минутный дождик. Еще цветет жасмин. <...>

Появляется Саша Каменский. Он общался с М.Шагалом, когда тот был здесь. Шагал живчик и полон жизни, но маниакально боится всего мрачного и разговоров о смерти. Он забыл Тышлера и отказался с ним встречаться. Отказался ехать на Новодевичье кладбище и не хотел говорить ни о ком, кто недавно умер во Франции. Неприязнь к Пикассо. Все время рядом Надя Леже, как красный комиссар. Мадам Шагал, урожденная Бродская – дочь киевского сахарного миллионера. Шагал не сказал ни одного нелояльного слова: Надя Леже за этим следила. Отказывался встречаться со звонившими к нему разными еврейскими деятелями. Отказал в просьбе принять Потоцкую, вдову Михоэлса, когда ему сказали, что у нее «трагическая судьба». Его передернуло при слове «трагическая». Он подарил Саше набросанный при нем же рисунок и дал ему интервью, которое, однако, просил не печатать. Он полон моторной силы, но очень бережет себя – ничего грустного и мрачного. Не поехал в Витебск. <...>

Читаю книгу Н.Раевского «Когда говорят портреты»*, вышедшую в Алма-Ате несколько лет назад. Несколько наивно, но искренне. В семейной драме Пушкина он все-таки не совершенно чист. Но возможно ли тут остаться на позиции справедливости? <...>

Мачеха Саша Каменского знакома с Ниной Петровной Хрущевой и недавно звонила ей. Та сказала, что наконец сдался последний в политбюро, кто возражал против надмогильного памятника Хрущеву, и разрешение получено. Э.Неизвестный сделал модель памятника. Говорят, что на Новодевичьем у могилы Хрущева всегда народ и цветы.

1 июля 1973

Недавно (13 июня) в «Правде» был напечатан подвал, где очень туманно писалось о том, что в ГИКе некий студент критиковал кого-то из руководителей и с ним расправились. Кого он критиковал и вообще в чем было дело, не говорилось, вернее, говорилось обиняками.

Потом мне сказали, что студент критиковал последнюю картину неприкасаемого С.А.Герасимова. А его не только не полагается критиковать, но даже не решились назвать в фельетоне, хотя вся история расправы была вопиющей и пришлось ее расследовать. Гово-

* Точное название «Когда портреты заговорили».

рят, сам С.А.Герасимов был так поражен, что его тронули, что с огорчения заболел и лежит в больнице.

С.А.Герасимов – человек талантливый, и тут не может быть двух мнений. Но работает он все хуже и хуже. Фимиам похвал и лести превратился в парализующий талант и ум удушливый смог. Этот случай интересен, потому что он сложнее, чем чистый гангстеризм, скажем, суровского типа*, когда черное нагло выдавалось за белое: он, как бы, человечнее. Т.е., это не чистая уголовщина, а трагедия.

2 июля 1973

Вчера вечером собрался в город. Начинал идти дождь, а когда приехал, здесь был ливень. Нашел на полу у двери письмо А.И.Солженицына. <...>

С пяти до полвосьмого у меня Боря Слуцкий. Интересные рассказы о разном. Все-таки Боря – это человек, битком набитый «информацией». Как снимали Яковлева (без проработки). Об Андропове. П.Якир на продолжающихся «очных ставках» нагло лжет на разных людей. Будто бы с ним проходит по делу только один человек – некто Красин, связанный с православными кругами. Об ученом Бертельсе, нашедшем на Памире ранее не известное «Евангелие от Фомы». Всего есть уже 27 евангелистов. Об архиве Смелякова. У него все-таки были ненапечатанные стихи («Два этапа», «Жидовка» и др. – будто бы хорошие). Дела Коржавина плохи: его, вероятно, вышлют. Он сам неустойчив: то говорит так, то эдак. В.Ильин при Боре сказал ему: «Вам нужен Израиль, как пизде зубы». Максимов будто бы исключен не 26-го, а 27-го. У Окуджавы все дела в порядке. Евтушенко будто бы мечтает стать официальным первым поэтом и пойдет ради этого на любое холуйство. На все. Он еще просто не знает, что бы ему сделать. По его сведениям, ЦК готов взять расходы на памятник Хрущеву на себя. Иностраннных туристов больше всего в Москве интересуют такие могилы на Новодевичьем: Зои Космодемьянской, Надежды Аллилуевой, супруги Косыгина, сына Василия Сталина (год рождения 1949), тоже Василия (!), и Хрущева.

16 июля 1973

Отличные летние дни. Сиджу на даче. Иногда ко мне заходит Г.М.Токарь. Эпопея с газом приближается к финишу. Сегодня при-

* Имеется в виду Анатолий Алексеевич Суров (псевд. Ан. Алексеев) (1910–1987), драматург, лауреат Сталинских премий – графоман и шантажист, который в период т.н. «борьбы с космополитизмом» использовал для написания своих пьес труд «литературных негров» – писателей-евреев.

ходили Э.П.Гарин и отец и сын Хржановские. Гарин мрачен. Им звонила редакторша Иванова из издательства «Искусство». Какие-то новые осложнения. Эта книга – единственная радость Э.П. и Х.А. Жалко их.

Следующую неделю почти всю придется пробыть в городе из-за кинопросмотров. В зале ЦДЛ непереносимо душно. Может быть, зря я в это вязался? Но все же любопытно.

Э.П. видел наш козырный фильм «Это сладкое слово – свобода» и матерится. Я люблю режиссуру С.Крамера, но об «Оклахоме» все говорят уважительно и сдержанно. И, тем не менее, она может получить приз... если учитывать медовый месяц американо-советских отношений.

Но в целом чувствуется, что фестиваль идет без триумфов. Про «Города и годы» А.Зархи тоже говорят, что это порядочное говно. Да я и роман не люблю. Он очень скучен. <...> Слух о том, что Саша Галич крестился. Будто бы А.Синявский получил заграничный паспорт на год, а у него приглашение из Сорбонны на три года. Ему вежливо сказали, чтобы он через год зашел в Париже в посольство и объявил о своих дальнейших планах. Я думаю, что ни он, ни Жорес Медведев не вернутся.

Афганистан объявлен республикой в то время, как король (или шах?) находился в заграничной поездке.

17 июля 1973

Снова в городе. Вчера смотрел в ЦДЛ немецкий фильм (ФРГ) «Одинокый охотник». Скучно, глупо, мнимо значительно. Ушел с середины и пошел есть в ресторане крошку. Ко мне за столик села Рита Лифанова. Она интересовалась, за что я обижен на Арбузова. Я сказал, что не обижен, но и об истории с Галичем не стал ей говорить*. Они знали, что я болел. Говорили и о Жене Симонове, и о том, почему я не пишу пьес. И еще о чем-то. Потом еще смотрели итальянскую комедию «Альфред, Альфред» – забавно. Сегодня смотрели японскую полудокументальную картину «Родина» – ничего, хотя и скучновато, – и «Леди с блюзом» (американскую) о том, как знаменитая негритянская певица делается морфинисткой: эффектно и натуралистично.

* При исключении А.А.Галича из Союза писателей, друг его юности Арбузов, с которым они перед войной начинали свою драматургическую деятельность постановкой «Города на заре», проявил малодушие и выступил с осуждением Галича.

23 июля 1973

На даче. Прекрасный, не слишком жаркий, солнечный день. Где-то вдалеке гремел гром, но дождя нет.

Молодая картошка, помидоры, огурцы, сметана и квас – вот мое меню, и больше ничего не желаю. <...> Рву и ем тут же вишни. Читаю. Слушаю Эдит Пиаф.

Вчера встретил в ЦДЛ Б.Окуджаву. Как всегда, очень тепло с ним здороваемся. Спрашиваю, не выходит ли у него что-нибудь новенькое. Он даже руками замахал: «Нет, нет! Что вы!...» Это было на ходу, в проходном зале между холлом и буфетом.

Вечером «Немецкая волна» сообщила, что он исключен из партии, но это неверно. Он не исключен. Об этом мне говорил Б.Слуцкий, а уж он знает. <...>

Говорят, что процесс Якира все-таки состоится. С ним вместе будут судить некоего Красина. Будто бы дочь Петра Ирина призналась в соучастии в изданиях Самоиздата, но не арестована. Будто бы Якиру за «раскаянье» обещано снисхождение: не тюрьма, а ссылка.

Рассказы А.П.М<ацкина> о Василии Сталине на фронте. Как он избил комдива-героя. Дрался палкой и Чуйков. Бил не солдат, а командиров. И Жуков тоже позволял себе.

На днях состоялся новый процесс Андрея Амальрика, первый трехлетний срок которого закончился зимой. Он опять получил 3 года. Протест американского комитета писателей, куда входит 11 человек во главе с Д.Апдайком, А.Миллером и Р.П.Уорреном.

Никсон заявил, что он и не собирался подавать в отставку.

25 июля 1973

В только что вышедших мемуарах покойного многолетнего министра финансов Зверева – хвалебные слова о Чубаре и Гринько. Оба погибли в 37-м году*, причем Гринько был осужден по открытому «бухаринскому» процессу, где пространно признавался во множестве преступлений. Мало того – в книге помещены даже портреты – и Чубаря, и Гринько. Это уже четвертый участник этого процесса, который поминается с восхвалениями. Бухарин и Рыков не поминаются, но от обвинений против них, по элементарной логике, ничего не осталось. Развезено, видимо, и обвинение врачей Левина, Казакова и Плетнева в убийстве Горького и обвинение против организаторов: Ягоды, Крючкова и др. Нет никакого сомнения, что и другие процессы тоже рухнули. Но об этом молчат. Почему? Зачем? Это унижительно для чести и достоинства России.

* В.Я.Чубарь был казнен в 1939, а Г.Ф.Гринько – в марте 1938.

Еще прочитал небезынтересные мемуары М.Ройзмана «Все, что помню о Есенине».

28 июля 1973

Был полтора дня в городе. Вернулся утром. <...> В ЦДЛ ко мне подошел Храбровицкий и спросил: был ли я в 30-м году в Москве? Оказывается, он нашел в книге посетителей «Выставки Маяковского»* мое имя. Написано: «А.Гладков, учащийся». Он удивился, что я не хочу это посмтреть. А чего смотреть? Так оно и есть.

Из № «Нового мира» цензура изъяла юбилейную подборку о Маяковском, которую сделал В.Катанян. Любопытно, что там такое было.

30 июля 1973

Сегодня у меня утром был А.И.Солженицын. Это было условлено, и я ждал его. Он приехал в половине девятого и уехал с поездом в 11.07. Разговаривая, сидели в саду, потом на нижней террасе.

Сначала я увидел человека, почему-то идущего от дома к калитке. Я окликнул. Оказалось, что он вошел в отпертую калитку, потом решил, что ее нужно закрыть, и стал возвращаться.

В лице его много красок: он румяный, белозубый и улыбающийся. На фото он строг и даже суров. Быстрый. Все понимает с полуслова. Ведет разговор. Паузы не возникают. Какая-то черная, под кожу, куртка и маленький в руках планшет.

Интересовался в саду деревьями. Быстро обошел сад. Ощущение присутствия большой моторной силы.

Помимо темы разговора, возникало попутное. Он стал спрашивать меня о М.Демине, о котором отозвался презрительно. Не знал о родстве того с Юрой Трифоновым. Я сказал ему о своей догадке, подчеркнув мою неуверенность. Он сказал, что наверно так оно и есть и что нужно об этом всем говорить. «Я стараюсь всегда разоблачать всех провокаторов...» – «Да, но если я ошибаюсь?» – «Нет, тут вы не ошибаетесь...»

Вопросы о моем аресте, сроках и пр. Удивился, что Р.А.М. хочет писать о донских казаках. Удивился с оттенком ревности: ведь он сам с Дона. Сказал, что этот год прошел у него сравнительно тихо и потому работалось, но он не может поручиться, что и далее пойдет так. Все может обостриться, хотя бы если, например, Сахарова решат выбросить из Академии. Тогда может возникнуть новое положение с вероятностью разных эксцессов. Ведь тогда ему придется выступить.

* Имеется в виду выставка В.В.Маяковского «20 лет работы».

Догадливая деликатность: «А я вам не осложняю жизнь?» Мимоходно о возможности эмиграции для него. Он ее никак не хочет. Я говорю, что вот подрастут дети, надо их учить. А как же тут, при таком положении правовом и вообще. Он не соглашается: «Ну, об этом рано. Тогда и посмотрим».

Он официально женился на москвичке и, вроде бы, его должны прописать в Москве, но 4 месяца не дают ответа. Он считает, что могут отказать под предлогом, что он в Москве не работает. Прецедентов таких нет, но он думает, что могут.

Ищем поезд в моих расписаниях. Я говорю и провожаю его до калитки. Он уходит. Я спохватываюсь, что посмотрел не на ту страничку и назвал ему поезд «из Москвы», догоняю его. Он уже сообщил, догадался, но не хотел возвращаться. Разговариваем на платформе.

Он уехал, и сразу ощущение какой-то пустоты. В нем очень заметна инерция движения, энергии, чему невольно завидуешь. И немножко грустно. Мимо меня пронеслась какая-то сила, ее уже нет, а я остался на месте.

Утро было солнечное, но прохладное. Похолодало с вечера. Градусов 14-15.

Подарил мне книжку с автографом. Вспоминаю разные подробности встречи с А.И.С. Характерно, что, поднявшись в мой кабинет, он только бегло посмотрел на книжные полки. Я сразу подумал: «Интеллигент первого поколения...». Слышал, что его жена беременна третьим ребенком, и на вопрос, неужели он хочет, чтобы она родила еще раз, он ответил: «Делать аборт нам не позволяет религия...» Вот так-с! Религия! Если мы еще встретимся и зайдет речь о религии, вряд ли пойдем друг друга.

5 августа 1973

Воскресенье. Очень жарко, хотя и не безоблачно и ветерок. <...>

Бунинский том хорош. О руководителе «Литературного наследства» говорят гадости: и авантюрист, и корыстолобец, и обладатель стоящей миллион, собранной часто нечистыми путями коллекции картин, и вообще человек не достойный доверия, но вот, создал же такое огромное культурное дело. И не все ли нам равно, что он такой-сякой* ... <...>

* Имеется в виду Илья Самойлович Зильберштейн (1905–1988), искусствовед, коллекционер, литературовед и собиратель архивных материалов. Переданная в дар государству его коллекция картин положила начало Музею частных коллекций в Москве.

Вчера радио передавало резчайшее письмо В.Максимова Союзу писателей. В нем есть большая доля правды.

6 августа 1973

В письме В.Максимова почему-то названы по именам, очень ругательно: Евтушенко, Пиляр и Медников. Это не самые худшие, и тут есть какое-то основание личного порядка.

Коржавин, говорят, подал документы на выезд и уехал «прощаться с Ленинградом». Вот кого жалко. Он просто погорячился, и его можно было остановить. Но этим занимался Боря Слуцкий со своей государственной аргументацией.

9 августа 1973

В два часа ночи (мне не спалось и я читал – было невероятно душно) началась гроза с сильным ливнем, и он шел до девяти часов утра и потом еще раз припускался.

Жорес Медведев заявил, что он будет обжаловать перед советским правительством лишение гражданства. Слух, что генерал Григоренко выпущен из психиатрической больницы и ему разрешено жить с семьей.

Вице-президент Спиро Агню на пресс-конференции заявил о своей невиновности.

Читаю любопытную биографию протопопа Аввакума, написанную Д.Жуковым, являющимся, по слухам, тайным лидером «русситов». Это не бездарно. Когда автор пишет о столкновениях старообрядцев с никоновцами, он выражается так: «русский народ дал отпор сторонникам патриарха» и тому подобное. Он намекает, что Никон жил с царицей. <...>

Эфир полон именами Ж.Медведева, Максимова и других, из числа тех, кого Запад называет довольно нелепым словом «инакомыслящие».

15 августа 1973

«Немецкая волна» сообщает о готовящемся процессе Петра Якира, где он будет не столько обвиняемым, сколько главным свидетелем обвинения. Это ясно из нескольких очных ставок, которые были у него с кем-то. Передают его биографию, где говорится, что ему иногда бывали свойственны полосы апатии и фатализма. Это верно. Я с ним познакомился в такую полосу (в лагере, кажется, в 1951 г.). Да, я видел его и таким, и видел задорно активным. Вообще-то это национальная черта.

Сегодня ночью президент Никсон должен выступить с речью по телевидению об Уотергейтском деле.

В Москве открылась Универсиада. <...>

А.Галича пригласили в Осло, но ему не дали визы. Он и Максимов приняты в члены французского Пен-клуба. Максимов – это одно дело, но «оппозиционная карьера» Саши Галича – это, конечно, парадоксальное недоразумение. Он был увлечен на этот путь своим тщеславием и вечериночными успехами периода «позднего реабилитанса».

Жорес Медведев дает пресс-конференции в Лондоне. По словам Юры, Р.А. выступил тоже с каким-то заявлением о Жоресе.

Юра полон своими успехами и выглядит почти самодовольным. Его хвалили Марков и Сучков. <...>

Максимов опубликовал письмо Г.Бёллю, содержащее нападки на Брандта и на Брежнева, впрочем, не называя его имени. Это может ему дорого обойтись.

21 августа 1973

За сутки, неотрывно читая, прочитал воспоминания генетика Дубинина. Мне это интересно. Впрочем, он о многом умалчивает. Об аресте Вавилова – прозрачный намек. Осторожно – о Сталине. И даже о Лысенко бормочет в конце какие-то снисходительные полукомплименты, противоречащие многому, им же написанному в других местах. Чувствуется въедливый редактор.

Я не столько интересуюсь биологией и генетикой (хотя интересуюсь и даже в лагерь себе выписывал научную литературу и брал читать у агронома П.А.Зимяхина), сколько я интересуюсь временем, в котором я жил. А драмы в биологии – это мое время.

Прочитал еще книгу литературных эссе В.Каверина «Собеседники». Что сказать? Все как бы на уровне: и интеллигентно, и прогрессивно, но... Но не умно и малоталанливо. Именно *не умно*, а не неумно. Тут оттенок. Общие места либеральной мемуаристики. Пишет он об интересных людях, он лично их знал, но они в книге, как через стекло. Как-то ничего свежего и нового. Мне неловко его бранить: В.А. так расхваливал меня за мои опусы о Пастернаке и Олеше: даже писал мне письма. <...>

В 8-м «Новом мире» слабый рассказ В.Катаева «Фиалка»: прямолинейный, с копеечной философией. Конечно, и в нем есть кусочки яркой пластики и кое-где острое зрение, но только на вещный мир, а не на человеческие души. <...>

23 августа 1973

Солженицын сделал новое заявление, вернее, обратился с письмом к министру внутренних дел Щелокову, в котором содержится

жалоба на то, что ему отказано в праве проживать в Москве. Он пишет, что он не крепостной и имеет право жить, где ему угодно. Он мне говорил, что не получает 4 месяца ответа на просьбу о московской прописке. Вероятно, это значит, что он получил отказ.

Синявский сейчас живет где-то около Тулузы, но в сентябре приедет в Париж. В Лондоне выходит его автобиографическая книга с рассказом о лагере. Он утверждает, что книга не носит политического и антисоветского характера. Но может ли быть аполитичным рассказ о жизни в лагерях? Еще он закончил два больших литературных эссе: «Вблизи Пушкина»^{*} и «В тени Гоголя». Это, конечно, интересно, но религиозность Синявского, вероятно, просквозит эти работы и сделает их односторонними.

25 августа 1973

По радио передают, со слов друзей Солженицына, что он сейчас снимает комнату в пригороде Москвы, но скоро срок сдачи кончится, и у него не будет крыши над головой. Невольно жду, что прозвучит моя фамилия. Но отказ ему в московской прописке может все изменить в его планах. А, может быть, оно и к лучшему. <...>

Чаковскому дали героя соц. труда. Это, вероятно, высшая точка его карьеры: ведь не может же этот делец и ловкач не сорваться где-нибудь. Он совсем не популярен в литературных кругах, и не только потому, что мало талантлив: подумаешь – и не таких видали! Но он высокомерен, груб, жесток. Особенно ненавидят его русситы. И за то, что он еврей, и за то, что он по-своему «западник». Сегодня у них черный день.

31 августа 1973

В газетах письмо в «Правду» 31-го писателя с протестом против выступлений Солженицына и Сахарова. Среди подписавших, кроме тех, от кого иного нечего было ждать, также: В.Быков, Ч.Айтматов, Бондарев, Залыгин, Наровчатов, К.Симонов, Щипачев... Хотя, конечно, как они могли отказаться подписать, если было предложено?

В «Известиях» отчет «Из зала суда» – о процессе Якира. Ему инкриминируется и выпуск пресловутой «Хроники текущих событий».

Кроме письма писателей, в газетах письма разных профессоров и слесарей, тоже возмущенных.

2 сентября 1973

Вчера закончился процесс Петра Якира. Он и В.Красин получили по 3 года. Этот приговор, конечно, результат сделки между КГБ

^{*} Правильное название – «Прогулки с Пушкиным».

и подсудимыми. Они на суде «признавались» во всем и называли много имен, и получили за хорошее поведение такой маленький срок.

3 сентября 1973

Вернулся из города утром под мелким, назойливым дождем. Когда ловил машину на Красноармейской, встретил Виктора Розова, который шел в парикмахерскую. Он доволен собой и миром. Недавно ему исполнилось 60 лет, и я поздравил его. Он принял это с достоинством. Благодушен.

Получил на почте «наложенным платежом» бандероль с новым томом «Литературного наследства», посвященным Достоевскому.

<...>

Прочитал книгу М.Блеймана «О кино», полумемуарную. Это интересно. Но восхваления «Ивана Грозного»!.. Мочи нет читать такую фальшь.

Сейчас читаю расшифрованный женевский дневник А.Достоевской. Ее супруг, все-таки, был препротивный господин. Устраивал ей скандал каждый раз, когда ее мать присылала ей из России доплатное письмо. А сам проигрывал сотни франков в рулетку.

8 сентября 1973

Несколько дней не слышал радио. Комментарии по поводу кампании против академика Сахарова. Принцесса Анна в Киеве упала с лошади и ушибла левую ногу, выбыв из соревнований. Суд над Якиром английские газеты называют «фальсифицированным». Это не совсем точно. Вернее сказать, это был не суд, а инсценировка суда. Возможно, Якир и был искренен, но это искренность сломленного человека. Одна из лондонских газет верно отмечает, что постоянные обращения «инакомыслящих» к Западу, апелляция к западному общественному мнению ничего не дали «движению» с его чисто интеллигентскими и верхушечными проблемами, что народ, в широком смысле слова, мало заинтересован в их требованиях. Все отмечают, что травлю Сахарова на этот раз поддерживали академики Фрумкин и Энгельгардт, композиторы Шостакович и Хачатурян, писатели Айтматов и Р.Гамзатов (ошибочно считая последнего сочувствующим либералам).

У вахтанговцев открылся сезон. А в октябре они выезжают на гастроли в Венгрию и Югославию. ЦТСА еще в отпуску.

Вечером радио сообщает несколько сенсационных известий. Сахаров снова собрал у себя на квартире пресс-конференцию для западных журналистов и в присутствии 14 человек разоблачал бесче-

ловечные проступки советских психиатров, указывая факты и фамилии. Он задал вопрос канцлеру Брандту о том, как тот относится к преследованию в СССР инакомыслящих. И – самое удивительное – Брандт ответил ему заявлением, что советские лидеры хорошо знают, как он относится к любым преследованиям за убеждения. И осудил их. Какой-то нидерландский университет послал Брежневу телеграмму с протестом и отменил приезд советского профессора.

9 сентября 1973

В Ленинграде был захвачен экземпляр книги Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Женщина, хранившая его, после допроса повесилась. Об этом заявил Солженицын. Он назвал и ее имя, но я не запомнил.

Об «Архипелаге ГУЛАГе» я слышал несколько лет назад. Это история лагерей за 50 лет, с именами и полной географией.

20 сентября 1973

Три с половиной дня в городе. Сегодня вернулся. Второй день солнечно, но не очень тепло. Похоже на «бабье лето», которого не было, но воздух крутой и резкий, не нежный. Разноцветная листва. Красиво.

Дважды обедал у Ц.И., раз у Гариных и еще в ЦДЛ с Ваншенкиным и редактором Гослита Крюковым. Рядом пили поэты: за одним столиком националы во главе с Кулиевым, за другим – компания Самойлова, за третьим – Р.Казакова с каким-то отребьем. Напившись, все целуются, как футболисты.

Встретив Ваншенкина в Лавке, я похвалил его книгу, и он так обрадовался, что вцепился в меня и не отпускал, пока я не поехал с ним в ЦДЛ. Я, впрочем,пил немного.

Москва по-разному возбуждена интервью Сахарова и Солженицына, отпором им, прекращением глушения иностранных радиостанций и разными слухами. Одни могут говорить только об этом (А.П.М.), другие обходят это молчанием, что еще более заметно.

<...>

Ваншенкин себе на уме, но славный.

Ездил в ВУОАП, где никаких денег на счете нет. Взял в сберкассе последнюю сотню. С упоением жру арбузы, которых много в этом году.

Солженицын назвал более десятка имен представителей «молодой русской прозы», которые, с разными «но», все же пишут хорошо и честно. Это: Абрамов, Астафьев, Белов, В.Быков, Окуджава, Войнович, Владимов, Казаков, Можаяев, Залыгин, Трифонов... и

еще трех не запомнил. Я не со всем списком согласен, но он характерен.

Синявский в октябре выпускает в Лондоне книгу «Голос из хора». Это его письма из лагеря к жене: в них нет ничего о режиме и быте лагерей, а только о русской литературе 19-го века. Будто бы рукопись книги перед его отъездом в Париж прочли в КГБ и разрешили ее печатанье (!). Еще он подготовил книги «Вместе с Пушкиным» и «Вблизи Гоголя»*, которые тоже скоро выйдут. Поистине страннейший финал драматической эпопеи Абрама Терца.

21 сентября 1973

В прошлое воскресенье «Немецкая волна» передала телевизионное интервью, которое Галич дал какой-то гамбургской газете прямо из своей московской квартиры (он живет в соседнем доме на ул. Черняховского), о том, что, по его мнению, советские реформы... Если бы какой-нибудь Кочетов или Шевцов написал такое в очередном пасквиле, могли сказать, что это неправдоподобно. Но это реальность. Бедлам. Вот что такое волна истории. Она вынесла Сашу Галича, маленького, слабого, неумного, тщеславного человека, в большую историю. <...>

Открытка от Миши Шульмана. Воениздат отверг его рукопись, и он написал жалобу Демичеву.

В Москве все говорят, что Демичев женился на киноактрисе Володиной, т.е. не «живет», а формально женился. <...>

Умер Матвей Ройзман, недавно выпустивший воспоминания о С.Есенине.

В последнем номере «Вопросов литературы» напечатана подборка писем И.Г.Эренбурга, начиная от юношеских писем к Брюсову. Сам И.Г. не считал себя любителем эпистолярного жанра и однажды сказал мне, что от него писем останется мало. Мне эти письма не слишком понравились, м.б. потому, что я сразу наткнулся на нежное письмо к Фадееву, а я не раз слышал от Эренбурга уничтожающие отзывы о нем. Эта явная неискренность меня огорчила, и остальные я читал вполглаза. Человечнее других письма к Цветаевой.

Саша Галич и В.Максимов *потребовали* от нового правительства Чили безопасности Пабло Неруды. Максимов и Галич несравнимы по дарованию (Максимов выше), и это все нелепо и смешно.

И, тем не менее, кампания на Западе с диссидентами и «инакомыслящими», наверно, уже в печенке у Кремля.

* То есть «Прогулки с Пушкиным» и «В тени Гоголя».

22 сентября 1973

Тепло и пасмурно. Бодрящий осенний воздух. <...>

В 17 часов с минутами пошел снег, впервые в этом году. Прогнозисты снова ошиблись: они пророчили на ближайшие двое суток теплую и ясную погоду.

Снег идет на фоне зеленой листвы. Крупные снежинки. Взглянул в окно. На крыше сарая лежит снег белой массой.

Вечером Бибиси повторяет текст интервью Солженицына. Я прослушал вчера три имени: Солоухин, Тендряков и Носов. Последнего я мало знаю, но другие два бесспорны. Солженицын, впрочем, говорит, что, вероятно, в его перечне есть и пропуски. Высоко оценив Ю.Казакова, он сожалеет, что тот не пишет о главных проблемах времени. То же он говорит и об остальных: высоко оценивая таланты, он сокрушается мелкости и, так сказать, второстепенности их тем. Но он, в целом, все же признает, что «проза есть». Еще: Шукшин, Максимов. Солженицын намеревается романы «Октябрь Шестнадцатого» и «Март Семнадцатого» публиковать вместе. <...>

Умерла Лидия Русланова, знаменитая в прошлом певица «русского жанра», просидевшая порядочно в лагерях.

24 сентября 1973

Вчера некий еврей Аркадий Шпильберг вышел с плакатом протеста напротив здания ЦК и был задержан. В тот же день академик Сахаров выступил с протестом в связи с задержанием Шпильберга. Был задержан также американский журналист, сфотографировавший этот эпизод.

Солженицын, в связи с созданием Агентства по защите авторских прав, заявил, что он пускает в Самиздат 2 главы (новые) из «В круге первом» и предоставляет агентству защищать его права, если они выйдут за границы. Это что-то слишком хитроумно и носит характер вызова.

Как сообщают американцы, Пабло Неруда умер от рака предстательной железы. Его привезли в больницу в Сантьяго за несколько дней до смерти, в полубессознательном состоянии. Знал ли он, коммунист и друг Альенде, о перевороте? Пожалуй, от автоматной очереди погибнуть было бы лучше...

Читаю Блока.

26 сентября 1973

На днях умер поэт Михаил Зенкевич, последний из акмеистов. Кажется, он не оставил воспоминаний, но Н.Я. говорила, что Харджиев записывал его довольно интересные рассказы. Человек он был

тихий, не тщеславный, когда-то очень напуганный, скромный. Когда-то он жил в тени Гумилева, потом в тени Нарбута, а после их гибели залез в какую-то нору и изредка высовывал нос. Н.Я. относилась к нему насмешливо-снисходительно.

28 сентября 1973

Вчера пришел №9 «Нового мира». Воспоминания Микояна на этот раз неинтересны. Зато интересны военные записи Кардина. Или я просто люблю этот жанр?

Радио сообщает, что опубликован указ о том, что налог с гоночара произведений, опубликованных за границей, будет составлять от 30 до 70 процентов.

Сейчас по всем линиям идет большой нажим на наше правительство в отношении свободной эмиграции и борьбы с «инакомыслящими». Престиж не позволит СССР уступить, об этом и думать нечего, но все же что-то делается. Это неизбежно, и даже не потому, что «заставят», а потому, что названную вслух болезнь не скроешь, и так или сяк, но что-то придется менять.

Еще наши подписали какую-то конвенцию о правах человека, которая ничего не гарантирует, вроде как сталинская конституция со свободой печати в 37-м году. Это наивный жест показухи, в который никто не поверит.

Вообще, есть какая-то неизбывная наивность в этих показных мероприятиях. Когда Литвинов в середине 30-х годов предлагал всеобщее разоружение, то это впечатляло Ромен Роллана и Жана Ришара Блока, но теперь, после десятков лет вранья, невозможно принимать всерьез предложенное вчера Громыкой сокращение военных бюджетов на 10 процентов.

Дом Пабло Неруды после похорон разгромили.

Еще в №9 «Нового мира» интересны воспоминания Атарова о В.Овечкине. Они талантливо написаны, и получается эдакий рыцарь без страха и упрека, но... Но я сидел в лагере с его родной племянницей Женей, у которой была статья «измена родине» за то, что она в оккупации пошла в отряд противовоздушной обороны (девчонкой), чтобы ее не отправили в Германию. И этот высоконравственный дядя не только не похлопотал за нее, но и отказал ее матери (кажется, его сестре) в материальной помощи, хотя в те годы много зарабатывал (на посылки). Знает ли об этом Атаров? Вряд ли.

29 сентября 1973

Переводчик «Давным-давно» на чешский язык Павел Когоут, оказывается, не эмигрировал, а живет в Праге, хотя его не печатают,

а пьесы не ставят. Он дал австрийской газете интервью с резким осуждением того, что происходит в Чехословакии. Больному Смрковскому не разрешили поехать лечиться в Париж. <...>

Еврею Аркадию Шпильбергу, стоявшему с плакатом перед зданием ЦК, кажется, дали разрешение на выезд. <...>

Еду в Лавку и покупаю «День поэзии-72». Почти неприлично столько стихов сразу. Преобладание посредственности, в которой растворяется все значительное.

Якиру и Красину срок снижен «по состоянию здоровья» вдвое, т.е. они выйдут в октябре. Это дорисовывает характер сделки.

1 октября 1973

Вчера была годовщина расстрела евреев у Бабьего Яра.

Больше тысячи евреев, будто бы, собрались там с венками и свечами, но были разогнаны киевской милицией. Венки рвались. Были и аресты. <...>

4 октября 1973

<А.П.Мацкин> сказал мне, что в Лондоне умер Коля Рытсков. Я как-то прозевал: был некролог. То-то не слышен больше его голос. А я думал, что у него отпуск. Он проработал несколько лет диктором Бибиси после того, как, отправившись, кажется, в Гаагу, на конгресс эсперантистов, «выбрал свободу». Я с ним просидел несколько недель в 15-й камере на Лубянке в 49-м году. Он сидел дважды: был на Кольме. Потом, когда «Первая симфония» шла в Театре Ленинского комсомола, куда его вернули после реабилитации, все приставал ко мне, чтобы я попросил у Гиацинтовой для него роль в моей пьесе. Уж не помню – дали ли ему. Он ходил в какой-то серой блузе и был странен. Оставил жену, актрису Нарышкину. <...>

6 октября 1973

Думал о Юриной рукописи <«Записки соседа»>.

Выходят из печати полные вранья и общих фраз разные «истории» советской литературы, и все эти отлично переплетенные тома когда-нибудь сгинут в небытие, а настоящая история будет написана на основании рукописей, которые сейчас пишутся без расчета на опубликование, а из инстинкта сохранить правду о времени и людях. Таковы Юрины «Записки соседа», несколько эссе покойного Бори Ямпольского, мои «Встречи с Пастернаком», «Слова, слова, слова...» и, м.б., еще что-нибудь. Да и наверное я не все знаю: есть и еще.

Обедаю у Гариных. По словам Хеси (по секрету от Э.П.), Гарин на грани полной потери зрения. Он уже не может читать. 9-го его кладут в больницу имени Гемгольца. <...>

Вечером у Гариных услышал по «Спидоле» сообщение о начале вооруженных действий между Израилем, Египтом и Сирией. Египтяне переправились через Суэцкий канал, и бои идут восточнее канала, а также воздушные бои над Голанскими высотами. Обе стороны обвиняют друг друга в начале военных действий.

Еще неясно, насколько это серьезно.

День солнечный, красивый. К вечеру становится холоднее.

16 октября 1973

Всю ночь лил дождь, и остатки снега растаяли. Дождь и сейчас еще продолжает идти.

Итак, свершилось труднопредставимое: недавно СССР и США соревновались в любезностях, а сейчас соревнуются в поставках оружия своим подопечным. Где же титанические дипломатические способности сверхдипломата Киссинджера? Полный конфуз. Трудно представить, чем это кончится. А вчера, выступая в Болгарии на всемирном конгрессе профсоюзов, Брежнев еще что-то (по инерции) бубнил о «разрядке».

Сад за великолепным моим окном облетает не по дням, а по часам. Дождь идет уже 14 часов подряд. Убрал складной стул с балкона: до весны, должно быть...

«Воздушный мост» из СССР в Египет идет через Югославию: 250 самолетов в оба конца ежедневно. Если станет необходимо, можно будет организовать второй «мост» через Болгарию. О визите Бумидьена сообщили, когда он улетел.

Сегодня будто бы идет жестокий бой в Сирии. Днем гулял с Константиновским. Он опять в ажиотаже и почти панике в связи с событиями в Израиле. <...> Вечером сообщают, что Киссинджер и член политбюро Северного Вьетнама (забыл имя) получили Нобелевскую премию мира. Садат заявил, что Египет готов на перемирие, если Израиль освободит оккупированные области. Может быть, это и демагогия, но при отказе Израиля это ему выгодно.

20 октября 1973

Покончил самоубийством Илья Габай, бывший сподвижник Петра Якира, сидевший и выславшийся. Он выбросился из окна 11-этажного дома. Скорее всего, это из-за травмы после якировского процесса.

Киссинджер прилетел в Москву.

Будто бы евреи продвигаются на запад от Суэца. Слышал, что партдокладчики в эти дни кисло говорят об арабах и с некоторым уважением об Израиле. Это может быть подготовка к перемене декораций. Тут импровизаций не бывает.

Заходил Юра и принес мне 2 папки с романом А.Рыбакова. <...> Я читал когда-то первую часть романа А.Рыбакова и с интересом прочту все.

22 октября 1973

Прочитал роман Рыбакова. Когда была написана его первая часть, он назывался «Дети Арбата». Сейчас названия нет. Почти 600 страниц на машинке. Но есть купоры, сделанные чернилами. Листа 23-24. Это не большая проза по словесной ткани: это то, что наши деды называли беллетристикой, но это точно, интересно, умно и, по исторической концепции – верно, что важнее всего. Сталин убедителен. Особенно любопытно описание сибирской политической ссылки в середине 30-х годов: то, что еще не описывалось. Тут есть свежесть, которой меньше в описании московских ресторанов, впрочем, сделанном со знанием дела.

Есть налет поверхностности и большие куски скорописи. Мало ткани *прозы*.

Но это все же не так важно: это верно и интересно, и показывает зарождение «37-го года» издали, как оно и было. Пропущен 17-й съезд и его роль во всем происшедшем. Но отношения между Сталиным и Кировым раскрыты, вероятно, верно.

Мне лично мало симпатичен А.Рыбаков. Уж больно он ловок издаваться и переиздаваться. Но, во всяком случае, это новая разновидность дельца и карьериста, которому важно не только сегодняшнее преуспевание. Ведь роман будет долго лежать в столе и, кроме уважения в узких кругах, ничего автору не даст. Но, м.б., это неверно. Автору еще важно отмщение за сломанную молодость. У Рыбакова злопамятный талант: он ничего не забыл и не простил.

Вот это и удивительно: в секретарьате ССП он голосует, как это нужно начальству, а придя домой, все-таки пишет этот роман.

Банально и в угоду моде роман кончается священником и словами о Господе Боге. Это искусственно, тем более, что А.Рыбаков – еврей.

23 октября 1973

Ходил днем за яйцами и пивом и встретил К.Рудницкого (в газине), который стал со мной объясняться по поводу того, что я не получил от него книги о Мейерхольде. Он утверждает, что послал ее, но не помнит, на какой адрес.

Почему-то в наших журналах идет дискуссия, убили ли царевича Дмитрия или нет. Историк С. считает, что убийство – это легенда, а писатель Югов – наоборот. Так как статья Югова ужасно безвкусно написана, будем считать, что он неправ. Было бы полезнее, если бы поспорили о тайне убийства Кирова. Это для нас актуальнее. <...>

Еще звонила Маша Валентей, что-то плела о подготовке к юбилею, спрашивала совета о программе концерта, но когда я дал хороший совет, отнеслась к этому безразлично. И я понял, что она звонила только потому, что Хesia Александровна сказала ей, что неприлично обходить А.К.Гладкова. Я был вежливо сдержан и не высказал особого рвения. Основной доклад будет делать Ростоцкий, а не Завадский! Ну и ну!

А Рудницкий говорил мне, что я больше всех помог ему при написании книги и никому он так не благодарен, как мне...

27 октября 1973

Прочитал в «Иностранной литературе» роман А.Силлитоу «Начало пути». Это написано в традициях классического английского плутовского романа Филдинга и Смоллетта, но с машинами, гангстерами, сексом и пр. Довольно интересно.

Читаю новую книгу (т.е. только что выпущенную) Тихомирова о России в XVI–XVII веках.

Хesia Александровна вчера рассказывала, что Оттен получил от поэта Д.Самойлова письмо, что он негодяй и тот прекращает с ним знакомство. Н.Д. огорчен, но ни словом не обмолвился о том, какую сплетню он пустил на этот раз о Самойлове. Впрочем, изобретательности в этом отношении Н.Д. не занимать. Но как люди не меняются!

29-го возвращается из Парижа Таня Слуцкая. Но Боря не скрывает, что ей там не помогли и предстоит операция. Ее навестили в Париже Витторио и Клара. Это очень мило с их стороны. Но какая там жизнь. Сели в Турине на машину и съездили на пару дней в Париж!

Умер С.Буденный в возрасте 90 лет. <...> Предстоит юбилей журнала «Звезда». Обещан орден, но не будет приветствия от ЦК, Ленинградского обкома и горкома, потому что формально не отменено постановление 46-го года (почти 30 лет назад!). Это рассказал приехавший М.Е.Ивин (Левин).

Юра и Алла собирались пойти сегодня на «Балалайкина» (пьеса Михалкова по Щедрина, постановка Товстоногова), в «Современник», но им позвонили, что спектакль отменен и когда будет, неиз-

вестно. Не сняли ли? Щедрин колпочий ежик! А уже были хвалебные рецензии.

Читаю «Автобиографию» С.Прокофьева, которую купил вчера в Лавке. Он пишет хорошо, легко и даже легкомысленно.

29 октября 1973

В №10 «Искусства кино» рассказ Э.Рязанова о том, как он снимал «Гусарскую балладу». Есть неточности. Первый вариант сценария писал я один (кстати, он у меня сохранился). Но он оказался длинен, и Рязанов по нему стал писать второй вариант. Но многое осталось из моего варианта (не говорю уже о том, что в нем из пьесы). Например, начало: Шура, скачущая по полям, и Ржевский, едущий в бричке. Ну, и так далее.<...>

Последние дни неотступно думаю о работе. Все мои сюжеты мне мало нравятся: или не сценичны, или не поэтичны. А, между тем, прохладиться больше нельзя. «Давным-давно» в октябре шло два раза, и один раз «Молодость театра». Это почти катастрофа. Правда, вахтанговцы на гастролях, а с «Давным-давно», может быть, и случайность, но ясно, что два спектакля в стране кормить меня не могут.

Я все-таки не ждал, что «Молодость театра», кроме Москвы, не пойдет нигде (Рига не в счет: там была явная неудача!).

Что-то надо придумывать, надо, надо... Плохо, что все мои интересы не в этом сейчас.

Новое заявление Солженицына относительно визита арабов к академику Сахарову. Он считает, что в СССР ничто такое не может делаться без участия и руководства органов. Вероятно, так оно и есть.

30 октября 1973

Плюс один. И тает под ногами, и сверху падает снежок. Утром звонки Юры, Ц.И. и Закса (насчет мюзикла). Будто бы Хренников согласился и завтра должен встретиться с представителями театра. Я до сих пор не могу определить свое отношение к этой затее и сказал, что уезжаю срочно на неделю. Будет время подумать и узнать, чего хочет Хренников.

Потом у Юры. Отнес ему рукопись Рыбакова. Его рассказы о Демине в Париже. Выпускает книги, связался с апапами, полно денег, баб, пьянства. В общем, на свой манер процветает. Свой издательский агент и т.п.

Потом поехали с Юрой обедать. Так как ЦДЛ все еще закрыт (из-за Конгресса), то поехали в кафе «Ли́ра» на углу Пушкинской пл. и Бронной. Пообедали неплохо.

На этом пресловутом Конгрессе все-таки было несколько выступлений в защиту советских «инакомыслящих». Группа какого-то американского священника-пацифиста, некая бельгийская дама и еще кто-то. Им, конечно, «дали отпор».

2 ноября 1973

Звонки Кости Есенина и Миши Шульмана. Миша вдруг занялся вопросом о преступности среди молодежи. Написал полпьесы и письмо Брежневу.

П.Якир в Рязани. Он звонил оттуда своим московским друзьям и академику Сахарову, который будто бы отказался с ним разговаривать.

Умер муж Тани Литвиновой, скульптор Слоним.

Был в Лавке. Новинок мало. <...> Смотревшие по ТВ похороны Буденного заметили, что Брежнев плакал и, говорят, единственный среди присутствовавших. Об этом говорит вся Москва.

Еще говорят о том, состоится ли отборочный футбольный матч с Чили (через три недели). Он должен быть сыгран на стадионе в Сантьяго, где несколько недель содержались арестованные после военного переворота, где происходили расстрелы и пр. Чилийские власти очистили стадион, и ФИФА приняла решение, что матч может состояться (после нашего протеста). Почти невероятно, что мы согласимся на это, хотя в случае отказа можем заработать «ноль» и не попасть в финал чемпионата. Мы заявили, что согласны играть на любом стадионе в нейтральной стране.

3 ноября 1973

Советская футбольная федерация заявила об отказе играть в Чили, возлагая ответственность на ФИФА. Оно, конечно, противно, но тут может быть и расчет: наша сборная играет неважнец, и мы имеем много шансов проиграть и, следовательно, не попасть в финал чемпионата (не попала же Англия), и тогда уж лучше самим пренебречь. <...>

В Союзе маленький ажиотаж. Формируется делегация в Тбилиси на юбилей Галактиона Табидзе. Зная грузинское застольное гостеприимство, рвутся многие. С. <Слуцкий?> мне жаловался, что его обошли приглашением. Он видит в этом прямую дискриминацию. Да, пикник недурной. Сколько будет выпито!

Как обычно, за неделю до праздников магазины наполняются продуктами, которых в простые дни и не увидишь: колбасами и сырами редких сортов, ходкими консервами, фруктами. Хозяйки сбиваются с ног. И мужчины ходят с набитыми авоськами. И по этим

дням делается заметным, как бедно мы живем, когда нет праздников и других okazji. В общем-то, ничего особенного: нет ни крабов, ни икры, ни деликатесной рыбы и даже простой воблы, которой когда-то было завались: все это потребляет партийная элита через свои закрытые распределители – циничнейшая черта наших нравов. И это в нашей обильной и богатой стране!

5 ноября 1973

Говорят, что в Москве в пятницу (2-го) на Внуковском аэродроме четверо молодых людей захватили лайнер внутренней линии и потребовали, чтобы он летел в Швецию. Милиция окружила самолет и застрелила двоих похитителей. Были ранены один пассажир и член команды.

От таянья больших масс снега, смешавшегося с городской грязью, уже несколько дней тяжелые испарения. Все жалуются, что трудно дышится и т. п. Наверно, и мое состояние от этого.

«Голос Америки» называет похитителей лайнера во Внукове «подростками». Это любопытно. <...>

Почти ночью мне звонит Миша Шульман. Он говорил с Хесей: Гарину очень плохо. Почти нет надежды спасти зрение.

Уж не знаю, что делать: звонить ей или не звонить? Соболезнования ей не нужны, но она снова будет говорить об этом, рассказывать и переживать.

Для меня лично это огромное горе. Эраст Павлович мне как брат.

Сразу после Шульмана звонит Слуцкий. Умер Кочетов. Давно уже говорили, что у него рак. Но как-то все тянулось. Кочетов – это фигура и характер. И не все равно, кто будет руководить журналом «Октябрь». Такого остервенелого ненавистника трудно найти. Что-то изменится. <...>

6 ноября 1973

2 градуса мороза. Лужи замерзли. Днем у меня Закс.

Он был у Хренникова, и они оба составили примерный план дописок. <...> Оказывается, Хренников живет в своей старой двухкомнатной квартире на Миусской площади (теперь улица Готвальда). Он получил эту квартиру еще перед войной. Любопытно, почему он не захотел ее переменить: он, бесспорно, имел эту возможность – многолетний секретарь Союза композиторов и член ЦК партии. Что это? Инерция, суеверие или какой-нибудь свеххитрый расчет? И Клара не потребовала. Это более чем удивительно. И, как бы то ни было, говорит в его пользу. Закс хочет пригласить дочь Хренникова Наташу быть художником спектакля.

Вся Москва говорит о происшествии на Внуковском аэродроме. История обрастает маловероятными подробностями. В нашей прессе об этом не сообщалось.

7 ноября 1973

Объявлены новые государственные премии: М.Луконин, Метченко, Перцов, Вера Дулова и националы. Ни одного русского спектакля и фильма. Луконин человек малоталанливый, Метченко прохвост и карьерист, Перцов... ну, этот за выслугу лет.

На полосах, где доклад Кириленко в газетах, нет, как прежде, его портрета. Он только на общем фоне с президиумом. Такие «мелочи» в обрядовой стороне наших церемониалов значат много. Оказывается, Кочетов застрелился. Он страдал от неизлечимой саркомы ноги, перенес несколько операций. Врач нашей поликлиники, онколог, была у него за день до самоубийства. Он выстрелил себе прямо в сердце.

8 ноября 1973

На днях уехал в Израиль Н.Коржавин. Его провожали многие. И он, и они плакали. Тягостная сцена. Он славный, милый, незаурядно умный человек. Жалко. Это уже что-то живое оторвали от тела. Он «свой».

Самоубийство Кочетова – акт большой воли, хотя, говорят, страдания его были беспримерны. Он перенес несколько операций. Саркома ноги.

Витторио звонил и просил подтвердить мое согласие на публикацию «Слова, слова, слова...»

Только сейчас прочитал некролог по Кочетову, подписанный всеми, начиная с Брежневой. Сказано так: «после тяжелой и продолжительной болезни ушел из жизни...» Среди перечисленных романов не назван «Чего же ты хочешь?». Он почти мой ровесник (чуть старше).

Вчера на параде показали какие-то сверхлегкие танки для воздушных десантов и огромные стратегические ракеты. <...>

Р.А.Медведев выступил в какой-то зарубежной газете со статьей, где полемизирует с призывами Сахарова и Солженицына к давлению с Запада на советское государство в интересах «либерализации», утверждая, что это приведет к противоположному. Думаю, что он прав. Я сам думал об этом. «Разрядка» сама по себе не может не привести к «либерализации», в какой-то степени. Сегодня все радиостанции отзываются об этом.

12 ноября 1973

Прекрасный, теплый, солнечный день. <...> Танцоров Пановых, кажется, собираются выпустить. В последнее время Валерий Панов держал голодовку. В Лондоне в советское посольство явилась делегация английских актеров во главе с Полом Скофилдом и Лоуренсом Оливье с протестом. Стыд какой! Они евреи. <...>

Вечером слышу, что мне бросили в почтовую щель что-то вроде книги или журнала. Не сразу иду посмотреть. В сером конверте, без надписи, небольшая белая книжка: «Александр Гладков. Встречи с Пастернаком. Издательство ИМКА-Пресс. Париж. Май 1973». На русском языке. 159 страниц. Фото: Б.Л.Пастернак, Мейерхольд и я. Кто это бросил, не знаю и не догадываюсь. Это чудо.

Просматриваю. Это один из первых вариантов, т.е. минус страниц 20–30. Есть ошибки и опечатки.

13 ноября 1973

Сегодня в газете «Культура и жизнь», в обзоре читательских писем о любимых советских песнях, называется и моя песня «Колыбельная Светланы», упомянутая многими.

Это, конечно, немножко приятно, но я еще не могу опомниться от вчерашнего чуда.

Гляжу, гляжу на небольшую белую книжку и сам не верю своим глазам. <...>

Х.А. рассказывает, что Эрасту Павловичу то совсем плохо, то чуть лучше. Он мрачен. Д.Самойлову плохо с обоими глазами. У него все осложнило пьянство.

Маша в плохом настроении. Отменили юбилейную марку Всеволода Эмильевича. Жалуеться, что никто в комиссии ничего не хочет делать. Виновата в этом она. Прибрала все вожжи к рукам. Ильинский отказался быть на комиссии. То же Юткевич и Марков. Я вообще не член комиссии: они меня отгнали, и я не стану навязываться. Основной доклад должен делать Ростоцкий, тот самый Ростоцкий, который танцевал на трупе Всеволода Эмильевича. Это позор. Не знаю, что Маша сейчас хочет от меня.

Если доклад будет делать Ростоцкий, то я вообще не пойду на юбилейное собрание. <...>

Вчера, когда я взял в руки книжку, у меня стеснилось в груди и стало больно сердцу. Не метафорически, а буквально, физически. Записываю это, чтобы не забыть. <...>

Я уже тридцать два года член Союза советских писателей, а у меня, кроме трех пьес, ничего не издано. Даже сборника пьес не было. И, по существу, моя первая книга вышла только в этом году и

где – в Париже... Такая странность литературной биографии. Откровенно говоря, я думал, что это будет напечатано после моей смерти.

Весной и летом я виделся с Женей Пастернаком. Книга вышла в мае (по новому закону мне за нее ничего не причитается: он действует с 27 мая), а он мне ничего не сказал. А он мог бы знать, со своими связями. Витторио недавно был в Париже. Мог купить мне и как-то переслать. Но и я не знал, и он не знал.

Ничего я не знал, пока мне кто-то не бросил книгу в почтовую щель. Тоже странность. Кто?*

14 ноября 1973

В «Нашем современнике» интересны воспоминания Леонида Мартынова. Но как опять юлит и мельтешится Микоян. <...>

Сегодня днем, когда я был в ЦДЛ, там в конференц-зале прощались с умершим на днях Н.Пановым («Диром Туманным» 20-х годов). Народу мало. Постыдно мало. Администратор сказал, что пришло 26 писателей. Было еще несколько моряков и подростки из училища гардемарин, для почетного караула, что ли... Когда говорили речи, они удрали из зала и внизу в уборной покуривали и рассказывали анекдоты. Думаю, что о писателе Н.Н.Панове они и не слышали. Писатель он был неинтересный, как «Дир» он был не бог весть что, но все же лучше, – но повести и романы его печатались, жена его была женой писателя и ходила в ЦДЛ на просмотры, какая-никакая жизнь прожита, а кончается она так бездарно и серо.

15 ноября 1973

Ездил с утра на дачу и волок оттуда очень тяжелые сумки с книгами, посудой и пр. Думал по дороге, что сдохну. Был хороший серый денек с проблесками солнца. В саду снега совсем нет, а в траве нашел несколько яблок. <...>

Инициатор неприсуждения премии «Укрощению огня» – сам М.Келдыш. Он сказал на Комитете, что все, что там относится к науке – собачий бред.

Оказывается, Кочетов не попал в сердце и умер уже на операционном столе. <...>

По словам Юры, Лева Гинзбург утверждает, что Р.А.Медведев – агент органов. Его убедило в этом последнее выступление Медве-

* Книгу «Встречи с Пастернаком» привез итальянский славист Эцио Ферреро, а опустила ее в почтовую щель двери Гладкова жившая с ним в одном подъезде Ц.И.Кин. (См. описание этого эпизода в ее предисловии к кн.: Гладков А.К. Мейерхольд. В 2 т. М.: СТД, 1990. Т.1. С.15).

дева, где он критикует академика Сахарова за его тактику. Кстати, про самого Леву многие говорят то же самое.

Кстати, к статье Р.А. из Лондона присоединился его брат Жорес. В №19 «Советского экрана» статейка В.Б.Шкловского о Н.Шенгелая. Кончается она странно: «Вот все, что я могу написать о Николае Шенгелая. Я устал и состарился...» Странно даже не то, что Шкловский так написал, а то, что редакция это не вымарала и напечатала.

17 ноября 1973

В литературе маленький скандалчик с посмертно опубликованным стихотворением Я.Смеякова, посвященным памяти Маяковского. Опубликовала его Таня Стрешнева, его вдова, эта славная толстуха. Говорят, что она хватилась, когда 10-й сборник «Поэзия» «Молодой гвардии» еще не вышел, но изъять стихотворение уже было поздно.

В нем есть такие строки:

...Ты б гудел, как трехтрубный крейсер,
В нашем общем многоголосье,
Но они тебя доконали,
Эти лили и эти оси.
Не задрипанный фининспектор,
Не враги из чужого стана,
А жужжавшие в самом ухе
Проститутки с осиным станом...
Для того ль ты ходил, как туча,
Медногорлый и солнцеликий,
Чтобы шли за саженым гробом
Вероники и брехобрики...

Это, конечно, посмертное, так сказать, хамство, но есть в этом какая-то гнусная правда, хотя она и перемешана с чем-то низменным. Если бы не было Распутина, то конец Романовых выглядел бы чистой трагедией. И тут то же. Впрочем, прогрессивная интеллигенция («либералы»), конечно, возмущена. Она и так недолюбливала Смеякова, а теперь и вовсе прокликает его, хотя это все и не так просто, совсем не так просто*...

* Альманах «Поэзия» (вып. 10) вышел 600.000 тиражом. Арк. Ваксберг пишет: «...близкие просто скрыли он не <Л.Брик> это издание. Вскоре выяснилось, что Смеяков написал эти строки в привычном для последних лет его жизни раздраженном и болезненном состоянии <...>. Придя в себя, он потребовал изъять это стихотворение из готовившейся к изданию книги своих стихов. И вскоре умер. Но стихи уже попали в руки воронцовцев-колосковцев, и они су-

18 ноября 1973

Вчера у Юры было обсуждение романа в Союзе. Его хвалили, но Юра немного уязвлен тем, что не пришел ни один из близких друзей. Ни один. Не было ни Слуцкого, ни Винокурова, ни Гинзбурга, ни Левицкого, ни Рыбакова, ни меня. Он понимает, что все были уверены в благополучном исходе. Атмосфера вокруг спокойная, и недругов нет или они молчат. Так оно и оказалось. Все хвалили.
<...>

Б.Васильев (с Раппопортом) написали заявку на сценарий о белорусских партизанах. Их вызвали в Минск подписывать договор. Но там им предъявили требование переименовать героиню, еврейскую девушку Хану. И, разумеется, сделать ее не еврейкой. Васильев отказался и уехал. У него жена еврейка, дочь режиссера Краснянского.

19 ноября 1973

Почему-то перечитываю мемуары Ф.Степуна. Уже в третий или четвертый раз. И снова то же ощущение правдивости. Пленительно сочетание быта и истории. Вне правды быта история не может быть рассказана правдиво и точно. Пожалуй, Степун повлиял на меня как мемуариста. Впервые я прочитал эту книгу в конце 50-х годов в спецхране Ленинской библиотеки, а начал писать о Пастернаке в 1963 г., осенью, в Загорянской.

Женя Пастернак, как-то увидев у меня на столе книгу Степуна (другую), сказал, что Степун был внутренне близок Борису Леонидовичу. Это характерно.

20 ноября 1973

Неделю не могу переменить рваные носки, хотя есть целые – как-то так... Такая опущенность во всем. Если б я пил, то у меня был бы запой. А вообще странно, что я не пью. Это здорово дорисовало бы мой характер.

Выпустили некую Ирину Белгородскую из бывшей компании П.Якира. На суде над ним она выступала свидетельницей обвинения. Она жена некоего В.Делоне, которого зарубежное радио называет «позтом». Но вне узкого круга стихи его совершенно неизвестны. Он тоже крутился рядом с Якиром. Видимо, эта группа совсем разрушена. Интересно, что с самым славным из них, Ю.Кимом?

мели их втиснуть в альманах «Поэзия», не испросив согласия обладателя авторских прав – вдовы поэта» (Ваксберг А. Лиля Брик. Жизнь и судьба. М.; Смоленск: Русич, 1998. С.414). Как видим, вдова сама передала стихотворение в редакцию альманаха.

Наши «инакомыслящие» (кстати, никто не употребляет это слово у нас в стране – его мы только слышим в иностранных передачах радио) уже как бы разделились на два течения: Сахаров, Солженицын и другие, и Медведевы и др. По забавной аналогии, первых можно назвать «большевиками» (несоразмерность требований, своего рода «пораженчество» – в вопросе о предоставлении СССР статуса благоприятствуемой стороны, например, и пр.). Учитывая болезненность правительства в вопросе о престиже, это вряд ли даст положительный эффект. Тут правы «меньшевики» Медведевы. Якировский «комитет» морально и организационно разрушен.

29 ноября 1973

Прочитал верстку книги Л.О.Пастернака. Рисунки интереснее текста. Л.О. был, все же, несколько провинциален. Это не Серов и даже не мама Серова.

Но есть одно поразительное совпадение со словами Л.О. и словами сына (т.е. Б.Л.). Это то, где он говорит о себе, как человеке запоздалого развития. То же самое мне говорил Б.Л., но, кажется, нигде не писал. Верно ли это по отношению к Б.Л., т.е. что именно он называл «развитием»? Но все же любопытно. Встретил я еще одну фразу, сказанную мне сыном, о художнике Н.Н.Ге. Вероятно, это семейная шутка.

Очень хороши многие портреты и наброски Б.Л. мальчиком и юношей.

Под вечер заходила Таня Каменская и забрала верстку. По ее словам, вышел у нас Мандельштам и весь тираж отправлен в страны народной демократии. Сомневаюсь*. <...>

Коржавин в Риме. Галич подал заявление на выезд в Америку, а Максимов во Францию. Жена Галича (алкоголичка) с ним ехать не хочет. Он делает вид, что опечален, а сам, вероятно, на седьмом небе.

30 ноября 1973

Юбилей Царева. Пышные славословия в честь этого суккина сына и посредственного актера. Дали Героя Социалистического Труда. Вокруг него вьется много дурно пахнущих рассказов. Есть версия, что в деле Мейерхольда имеется его донос. Говорят еще, что когда у Сталина было плохо с глазами, он читал ему вслух. Это, конечно, не преступление, но, стало быть, доверяли...

* Действительно, первый завод тиража «Избранного» О.Э.Мандельштама в «Библиотеке поэта», через «Международную книгу», был целиком отправлен за границу. 2-й завод был отпечатан в конце года и продавался в Книжной лавке писателей по списку; Гладков купил книгу лишь в начале января 1974.

Брежнев вернулся из Индии. Мы раздуваем эту поездку, назло Китаю, что ли?

Будто бы академик Сахаров просится за границу. Крайне левые болтуны бранят Р.А.Медведева и почти называют провокатором. Ну их к черту!

3 декабря 1973

Мороз 15–18 гр. Солнечно. <...> Задельывал окно в кухне: там сломался запор у фрамуги, и при таком морозе находиться невозможно. Кое-как сделал.

Рассказ Л<евицкого>. На прощальный вечер к Коржавину (накануне отлета) в две комнаты с кухней пришло чуть ли не сто человек. Не только сидеть – стоять было негде. Открыли дверь на площадку и стояли там. Были и не евреи (Искандер, Н.И.Столярова и др.). Были Максимов и Галич (Гинзбург). Я не знал, а то поехал бы. Не «за компанию», а потому что я люблю Эмика Коржавина.

<...> Суслов недавно ездил в Литву и произнес там речь, в которой, будто бы (слышал у французов) намеками критиковал брежневскую политику «разрядки». В центральных газетах речь полностью не напечатана, но опубликована в «Советской Литве». Если это правда, то слухи о разногласиях в политбюро подтверждаются.

4 декабря 1973

Прибегала Р.Я.Райт: оказывается, не работает телефон – у нас спаренный. Она телефонщица, и для нее это целая драма. А мне почти безразлично.

В №12 «Знамени» мемуар В.Б.Шкловского об Ю.Олеше. Он справедливо проезжается насчет книги Чудаковой*, но сам ограничивается пышными восклицаниями. Это, видимо, написано для того сборника, который собирала О.Г.Суок и где, кажется, существует и мое эссе. У меня лучше.

5 декабря 1973

В сегодняшней «Литературке» в статье «5 исторических дней» утверждается, что Л.И.Брежнев является в некотором роде спасителем Индии, так как он во время войны руководил политработой в армии, которая обороняла Кавказ от немцев, а, как известно, Кавказ – это линия защиты Индии от Гитлера, и так далее. И, мол, индийский народ это знает и ценит. Комментарии излишни.

* Имеется в виду кн.: Чудакова М.О. Мастерство Юрия Олеши. М.: Наука, 1972.

13 декабря 1973

Вечером приходит без звонка Юра. Статья. Говорит, что редактором «Октября» назначен Ананьев. Это малоталантливый и бесцветный писатель, почти графоман, но он будто бы недурной человек и не связан с софроновской бандой. Впрочем, Лева по телефону опровергает этот слух.

Не решен еще вопрос. Котируется и Бондарев. Слух об уходе на пенсию Косолапова и назначении Бондарева в «Новый мир». Все это имеет известное значение.

16 декабря 1973

Слуцкий получил письмо от Коржавина. Пока он в Риме, но готовится к переезду в США. Не в восторге от всего увиденного, в смысле — *Запада*. Пока был в Вене, даже подголодал. Получает деньги из какого-то фонда, но об этом не распространяется. Пишет, что ностальгии не чувствует, вероятно, потому, что вся жизнь была там, а тут после жизни. Он учит английский.

19 декабря 1973

Читаю очень любопытную книгу П.Владимирова «В особом районе Китая. 1942-45 гг.»* Это якобы дневник коминтерновского связного и, одновременно, корреспондента ТАСС. Пишу «якобы», потому что трудно представить, что автор не боялся писать столь откровенно враждебно Мао в период нашей с ним дружбы, да еще в самом логове. Кроме того, многое описываемое об интригах и политическом коварстве узнаешь, как нечто родное и знакомое. Сам автор уже умер, но те, кто готовили этот «дневник» (в котором есть, несомненно, какая-то подлинная основа), очень его разукрасили в духе теперешней холодной войны. И все же очень интересно. Наверно, и в том, что они «интерполировали», как говорят историки, тоже правда. Книгу эту издало у нас Агентство Печати Новости, видимо, в расчете на гонорар в валюте за переводы. А они будут. Книга ведь сенсационная.

В театре идет полоса премьер производственно-заводских пьес. Вслед за «Сталеварами», «Погода на завтра» Шатрова в «Современнике» и так далее. Шатров малоталантлив, но очень старателен, послушен и работоспособен. Из новых драматургов, дебютировавших в 70-е годы, всех талантливее не очень умный и глубокий М.Рощин. С.А.Герасимов ставит фильм по сценарию А.Володина. Вот кто мо-

* Точное название «Особый район Китая. 1942-1945». Обработал и подготовил ее к изданию сын автора, известный некогда спортсмен-штангист, впоследствии народный депутат и литератор Юрий Власов.

лодец. И запрещали его, и травили, и проваливали, а он все пишет и пишет. Арбузов обесценил свое имя серией плохих пьес и историей с Галичем. Многие выдохлись.

Мне совсем неинтересно сейчас писать пьесы, хотя это единственное, чем я умею зарабатывать деньги.

21 декабря 1973

Утром позвонил Саша Кушнер. Он приехал на 3 дня из Ленинграда. Условились, что пообедаем вместе. Еще звонил Закс. Хренников начал писать музыку. <...> Днем после Лавки еду в ЦДЛ. Сначала в ресторане народа мало, и мы хорошо обедаем вдвоем, разговаривая о разном. Потом зал наполняется. Масса знакомых и кое-кто из бывших знакомых (Арбузов, Борщаговский). Этих делаю вид, что не замечаю, хотя сталкиваемся чуть не нос с носом. Сидим с Окуджавой и Ваншенкиным. Потом Сашу увлекает Андрей Битов, а я сижу с А.П.Старостиным, Арием Поляковым. Подсаживается Шток. Выпиваю рюмку водки. Ем шампиньоны. <...>

Председатель Комитета спорта Павлов (бывший секретарь комсомола) очень маленького роста и страстно ненавидит всех, кто его выше.

Кушнер рассказывает, что Л.Я.Гинзбург приготовила переработанное новое издание «О лирике», бодря, весела. Глеб Горбовский бросил пить и стал бледно писать. Перед этим он допиллся до белой горячки, попал в больницу и вышел оттуда напуганный.

Окуджава пишет мюзикл на сюжет своей повести о слежке за Львом Толстым*.

Андрей Битов женился на москвичке и переехал в Москву. <...>

Евтушенко, оказывается, снова в Америке.

Саша Кушнер – милый, скромный. У него выходит книжка стихов.

29 декабря 1973

Вчера звонили из Дома ученых: звали выступать на мейерхольдовском вечере 11 января. Ответил уклончиво, что-то вроде «я подумаю». По радио: в Париже, в издательстве ИМКА-Пресс, вышла книга Солженицына «Материк ГУЛАГ»**, о которой давно уже шли слухи. Ходил за шапкой в ателье Литфонда. Еще не готова. После праздников. У директора в кабинете почему-то висит портрет К.Симонова. <...>

* Идея написать мюзикл по повести Б.Ш.Окуджавы «Похождения Шипова, или Старинный водевиль» не осуществилась. Книга была издана в 1975.

** Имеется в виду «Архипелаг ГУЛАГ».

Чудесный день. Апрельская погода. Солнце. Лужи. Мороза нет и в помине.

30 декабря 1973

Тепло. Ночью шел снежок, но даже не побелил землю: сразу растаял. Утром с Домбровским, Левой, М.Борисовой и Асей Берзер в Лавке за Мандельштамом. Потом неудачное посещение пивного бара на Пушкинской. Не находим столика и уходим, оставив там Домбровского. Еду на улицу Грицевец и там обедаю. Оттуда еду домой на метро и очень устаю.

Пришли уже первые номера журналов «Иностранная литература» и «Советский экран» и №1 «Нового мира».

Все говорят о выходе в Париже «Архипелага ГУЛАГа». У тех, кто думает основательно – мрачные ожидания. Это может явиться поводом к расправам и с автором, и со многими ему сочувствующими. Будто бы Л.К.Чуковскую и Войновича исключили из ССП. Лидия Корнеевна кому-то говорила с удивлением, что я с ней не поздоровался, встретив в ЦДЛ в день, когда ее вызывали на секретарьят (два дня назад). Но я ее не видел, т.е. не заметил. Я быстро прошел в ресторан через холл, ни с кем не останавливаясь, и обратно.

Конечно, А.И.Солженицыну видней, но мне тоже кажется, что выход его книги сейчас некстати. Он, как всегда, все меряет своей личной мерой. А, может быть, ему и не видней...

31 декабря 1973

Так же тепло. Выходил в магазин ненадолго. С утра уже полно пьяных.

Звонки Миши Шульмана, Ц.И., Мацкина, Закса. Поздравления от В.Т.Шаламова и Веры. И Тани.

В №12 «Октября» расписывается, какой светлой личностью был Кочетов.

Сегодня выборы в парламент в Израиле. Мировая пресса полна комментариями и отрывками «Архипелага ГУЛАГа». Это, так сказать, последний штрих 1973 года. В США нашелся свидетель, человек, опрашивавшийся Солженицыным в Москве в начале 60-х годов, бывший лагерник. Никто не понимает, что сделают с Солженицыным. Наверное, спор с книгой начнется от того, что С. пишет о влассовском движении. Он дает отнюдь не отрицательный портрет Власова и утверждает, что именно власовцы освободили Прагу от немцев весной 1945 года, сражаясь против немцев до прихода советских частей. Так ли это? Это единственный пункт (из того, что я слышал пока), где спор с книгой С. может вызвать сочувствие советских лю-

дей. С. считает, что в лагерях находилось 20 миллионов человек. Я слышал цифры: 10, 12, 15... Но ведь не одновременно же. Люди гибли, привозили новых. Может быть, в этом драматическом круговороте участвовало и 20 миллионов. Американское издательство, собирающееся выпустить книгу в США, не боится судебного процесса, которым угрожает Панкин, и считает, что американский суд не признает права государства присваивать права живых авторов без их прямого согласия. Но тогда рухнет вся постройка, так хитроумно воздвигнутая, этого «агентства». Все считают, что наше правительство отступит перед международным скандалом, который разразится, если оно решится арестовать Солженицына. Небывалое положение!

Под вечер звонки Сережи Ларина, Р.А.М., Шейко. В девять надеваю белую нейлоновую рубашку, новые красные подтяжки и давно не глаженный костюм (лень!), беру бутылку шампанского и еду к Лева. Разговор с таксистом о семейной жизни. Тепло. Лужи.

Встречаем Новый год впятером: Люся и Лева, Володя и Таня и я. Да, еще Леня, конечно. Невероятная, сказочная индейка. Водка на лимонном настое. Брежнев говорил речь втрое дольше, чем ранее говорили при этом случае. Пьем и едим. Без двадцати два я ухожу один, чтобы попасть на метро, но – удача! – зеленый огонек. И я через пятнадцать минут дома и сразу сажусь за машинку.

Так кончился пустейший год моей жизни. Два события в нем достойны упоминания: моя болезнь в феврале–марте и выход книжки в Париже. Пожалуй, можно прибавить закрепление за мной квартиры и прописку на Красноармейской.

Утомление. Тоска. Недовольство собой. Тупик. Отсутствие «рефлекса цели».

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ИМЕН

Агранов Яков Саулович (Савлович; 1893–1938), председатель НКВД по Москве и Московской области, заместитель Г.Г.Ягоды.

Адмони Владимир Григорьевич (1909–1994), филолог, переводчик, германист.

Аникст Александр Абрамович (1910–1988), критик, литературовед.

Аня – Арбузова Анна Николаевна, вторая жена А.Н.Арбузова.

Арбузова Галина Алексеевна, дочь А.Н.Арбузова и Т.А.Евтеевой.

Арий Давыдович – А.Д.Ратницкий, старейший сотрудник Литфонда, председатель литфондовской похоронной комиссии чуть ли не со дня ее основания.

Атаров Николай Сергеевич (1907–1978), писатель.

Бабеньшева Сарра Эммануиловна (р. 1910), критик. Была уволена из Литературного института в 1966 за сбор подписей под т.н. «Письмом 63-х литераторов» в защиту Синявского и Даниэля. В 1981 уехала в США.

Банников Николай Васильевич (р. 1918), в 1971 член редколлегии газеты «Литературная Россия».

Белинков Аркадий Викторович (1921–1970), писатель, литературовед.

Берзин Эдуард Петрович (1894–1938), с 1931 начальник лагерей Дальстроя, в 1938 расстрелян.

Берман Матвей Давидович (1898–1939) начальник ГУЛага в 1931–1937, расстрелян.

Богатырев Константин Петрович (1925–1976), переводчик. Сын фольклориста и филолога П.Г.Богатырева, был репрессирован, а после освобождения близок к правозащитным кругам. Убит при невыясненных обстоятельствах в подъезде своего дома. Это убийство сравнивают с убийством Зинаиды Райх и приписывают КГБ.

Борис Натанович, Б.Н. – Ляховский Борис Натанович (р. 1906), киносценарист и режиссер-документалист, лагерный знакомый Гладкова.

Борисова Майя Ивановна (р. 1932), писательница.

Борщаговский Александр Михайлович (р. 1913), писатель, публицист.

Брагин Михаил Григорьевич (1906–1989), прозаик.

Браун Кларенс, американский славист, автор работ о творчестве Мандельштама, Ахматовой и др.

Брик (урож. Каган) Лиля (Лили) Юрьевна (1891–1978), жена критика и теоретика ЛЕФа О.М.Брика, многолетняя подруга Маяковского.

Вадецкий Борис Александрович (1907–1962), писатель.

Вайсфельд Илья Вениаминович (р. 1909), профессор ВГИКа.

Вакс (в замужестве Хренникова) Клара Арнольдовна, жена Т.Н.Хренникова.

Валентей (урож. Воробьева) Мария Алексеевна, преподаватель русского языка, дочь Татьяны Всеволодовны Мейерхольд (в замуж. Воробьевой), внучка Вс.Э.Мейерхольда.

Варя – см. Шкловская В.В.

Василиса Георгиевна – см. Шкловская В.Г.

Васильев Аркадий Николаевич (1907–1972), писатель, член редколлегии журнала «Москва». Выступал общественным обвинителем на процессе Синявского и Даниэля.

Вейсберг Владимир Григорьевич (р. 1924), художник.

Витторио – В.Страда (р. 1929), итальянский литературовед. Окончил философский факультет Миланского университета и аспирантуру филологического факультета МГУ. Профессор Венецианского университета, заведующий кафедрой русской литературы, директор Института русской литературы.

Волконский Анри (Андрей) (р. 1933), композитор, пианист, сын вернувшихся в Россию эмигрантов. В 1960-е организовал в Москве ансамбль «Мадригал». В нач. 1970-х эмигрировал в Израиль.

Воронков Константин Васильевич (1911–1984), орг. секретарь ССП, позднее зам. министра культуры.

Воронцов Владимир Васильевич (?–1980), соавтор А.И.Колоскова, референт М.А.Суслова.

Вуль Л.И., нач. московской милиции. Дважды был арестован до войны, отбыл срок; в третий раз арестован в 1948, сидел на Лубянке в одной камере с Гладковым.

Высоцкая – правильно: Высотская Ольга Николаевна (1885–1966), актриса «Старинного театра» и Студии Мейерхольда.

Гарин Эраст Павлович (1902–1980), актер, до 1929 – один из ведущих актеров Театра им. Вс. Мейерхольда.

Гинзбург Лев Владимирович (1921–1980), писатель, переводчик.

Голомшток Игорь Наумович, искусствовед. В 1970-е эмигрировал.

Голубенцев Николай Александрович (1900–1978), актер-чтец.

Горожанин Валерий Михайлович (1889–1941), сотрудник ОГПУ, соавтор Маяковского.

Горохов Виктор, писатель, автор книг «Ленинград–Севастополь. Конный пробег им. Ворошилова» (Л., 1932) и «Робсон» (М., 1952).

Гушанский Семен Ханаанович (1904–1981), актер театра им. Ермоловой, педагог.

Даниин Майя Николаевна (р. 1927), писательница.

Дар (Рывкин-Дар) Давид Яковлевич (1910–1980), писатель, муж В.Ф.Пановой. Умер в эмиграции, в Израиле.

Дашковская Татьяна Борисовна (ум. 6.II.1977), жена Б.А.Слуцкого.

Демин Михаил (наст. имя Трифонов Юрий Евгеньевич; 1926–1984), двоюродный брат Ю.В.Трифонova, писатель, эмигрант, некоторое время был сотрудником русской службы Би-Би-Си.

Добин Ефим Семенович (1901–1977), писатель, автор книги «Поэзия Анны Ахматовой» (Л., 1968).

Друцкая Вера Федоровна, балерина, жена Б.Р.Эрдмана.

Есенин Константин Сергеевич (1920–1986), сын С.А.Есенина и З.Н.Райх, приемный сын Вс.Э.Мейерхольда. Инженер-строитель, болельщик-профессионал, в некоторых справках называемый «футбольным статистиком» (вообще-то, такой профессии не существует, но К.С.Есенин изредка публиковал результаты своих наблюдений в спортивных газетах).

Есенина Татьяна Сергеевна (1918–1992), писательница, дочь С.А.Есенина и З.Н.Райх, приемная дочь Вс.Э.Мейерхольда.

Есенин-Вольпин Александр Сергеевич (р. 1924), математик, правозащитник, сын Н.Д.Вольпин от С.А.Есенина.

Жемчужина Полина Семеновна – жена В.М.Молотова, возглавляла парфюмерную промышленность СССР. Репрессирована.

Закс Аарон Рафаилович (р. 1913), режиссер Московского театра оперетты. В 1970-е выехал в Израиль.

Зворыкин Александр (ум. 1968), журналист АПН.

Ивин М. (Левин Михаил Ефимович), прозаик, редактор ленинградского журнала «Звезда».

Ивинская Ольга Всеволодовна (1912–1996) – переводчица, многолетний близкий друг Б.Л.Пастернака.

Ильин Виктор Николаевич (1904–1989?), секретарь Московской писательской организации по оргвопросам. В прошлом – генерал КГБ, после войны арестованный и проведенный в одиночке несколько лет, был устроен на работу в Союз писателей. В приветствии к его 70-летию «Литературная газета» писала 13.12.1974: «Демобилизовавшись из армии по ранению, Вы активно продолжали трудиться на ответственных участках общественной и государственной жизни. <...> Вы проявили себя неутомимым, инициативным работником». Ильин погиб в результате несчастного случая: сбит машиной.

Каменский Александр Абрамович (ум. 1992), искусствовед, автор монографий о Шагале, Сарьяне, Коненкове.

Канторович Владимир Яковлевич (1901–1977), писатель, драматург.

Кардин В. (Эмиль Владимирович) (р. 1921), литературовед и театральный критик.

Катанян Василий Абгарович (1902–1989), литератор, последний из мужей Л.Ю.Брик.

Кацева Евгения Александровна (р. 1920), переводчица.

Киселев Илья Николаевич, директор киностудии «Ленфильм», солагер-ник Гладкова.

Кларенс – см. Браун К.

Кленовский (Крачковский) Дмитрий Иосифович (1893–1976), поэт-царскосел, эмигрант.

Колосков Александр Иванович (ум. 1984), литератор.

Коля – см. Оттен Н.Д.

Константиновский Илья Давыдович (р. 1913), писатель.

Кораллов Марлен Михайлович (р. 1925), критик. Был репрессирован, отбыл заключение в лагере.

Корытная Стелла Семеновна (р. 1924), кинокритик, кузина П.И.Якира.

Кривицкий Александр Юрьевич (р. 1910), очеркист. В 1940-е – зам. Симонова в редакции «Нового мира». Ему и журналисту «Красной звезды» Ортенбергу принадлежит сомнительная честь сочинения осенью 1941 легенды о «подвиге 26 героев-панфиловцев».

Кротков Юрий Васильевич, драматург, сценарист, эмигрант-«невозвращенец».

Куницын Георгий Иванович, критик, литературовед.

Кушнер Александр Семенович (р. 1932), поэт.

Лавровская Наталья Васильевна (р. 1916), балерина.

Лавровский Леонид Михайлович (1905–1967), балетмейстер, педагог.

Лавут Павел Ильич – антрепренер, устроитель турне Маяковского по СССР.

Ладынина Марина Александровна (р. 1908), киноактриса, нар. артистка СССР (1950).

Лазарев (Шиндель) Лазарь Ильич (р. 1924), критик, литературовед, редактор журнала «Вопросы литературы».

Ланщиков Анатолий Петрович (р. 1929), критик.

Лаффит Софи (Сталинская Софья Ивановна; 1905–1979), французский историк русской литературы.

Лева – Левицкий Лев Абелевич (р. 1929), критик.

Липскеров Федор Александрович (ум. 1977), артист и режиссер Московского театра.

Литвинов Павел Михайлович, инженер-химик, правозащитник, внук М.М.Литвинова. Принимал участие в демонстрации протеста на Красной площади против вторжения в Чехословакию в августе 1968, отбыл ссылку, в 1974 выехал в США. Женат на дочери Л.З.Копелева Майе.

Литинский Григорий Маркович (1905–?), театральный журналист, бывший лагерник.

Люся – Локшина Хеся Александровна (1902–1982), режиссер, жена Э.П.Гарина.

Луи Виктор Евгеньевич (1928–1992), московский корреспондент газеты «Санди Экспресс». По общему мнению, сотрудничал с КГБ, поставляя на Запад «дозированную» информацию и дезинформацию.

Макарьев Иван Сергеевич (1902–1958), литературный критик, расправец. Был арестован в 1937, реабилитирован в 1955.

Макашин Сергей Александрович (1906–1989), литературовед, редактор «Литературного наследства».

Максимов Дмитрий Евгеньевич (1905–1987), литературовед.

Мандельштам (урожд. Хазина) Надежда Яковлевна (1899–1980), жена О.Э.Мандельштама, автор воспоминаний.

Марьямов Александр Моисеевич (1909–1972), критик, журналист, в 1971–1972 член редколлегии «Нового мира».

Медников Анатолий Михайлович (р. 1918), писатель.

Миндлин Эмилий Львович (1900–1981), писатель, мемуарист.

Мирский (Святополк-Мирский) Дмитрий Петрович (1890–1939), критик и историк литературы, эмигрант.

Морозов Александр Александрович – литератор, мандельштамовед.

Мугуев Хаджи-Мурат Магомедович (1893–1968), писатель.

Надежда Яковлевна – см. Мандельштам Н.Я.

Непомятый Карл (ум. 1968), журналист «Правды» и АПН.

Нусинов Илья Исаакович (Эля Нусинов) (1920–1979), драматург.

Овечкин Валентин Владимирович (1904–1968), писатель, очеркист.

Оттен (Поташинский) Николай Давидович (1907–1983), писатель, кинодраматург, критик, составитель сборника «Тарусские страницы».

Панченко Николай Васильевич (р. 1924), поэт.

Пастернак Евгений Борисович (р. 1923), сын Б.Л.Пастернака, литератор.

Пастернак-Слейтер Лидия Леонидовна (1902–1989), сестра Б.Л.Пастернака.

Паустовская (урожд. Евтеева, в первом браке за М.Я.Шнейдером, во втором – за А.Н.Арбузовым) Татьяна Алексеевна (ум. 1978), жена К.Г.Паустовского, актриса.

Пиляр Юрий Евгеньевич (р. 1924), писатель.

Пинский Леонид Ефимович (1906–1981), литературовед, сотрудник ИМЛИ.

Португалов Валентин Валентинович (1913–1969), журналист, литератор. Отбывал лагерный срок вместе с братом Гладкова Львом в Магадане, на «Дальстрое»; был актером лагерного театра. В 1960-е – редактор альманаха «День поэзии».

Радищев Леонид Николаевич (1904–1973), писатель.

Райт Рита (Райт-Ковалева Раиса Яковлевна; 1898–1989), переводчица, прозаик.

Р.А.М. – Рой Александрович Медведев (р. 1925), историк.

Ремез Оскар Яковлевич (1925–1989), театральный режиссер, доктор искусствоведения.

Ротов Константин Павлович (1902–1959), художник-график, иллюстратор и карикатурист.

Рубашкин Александр Ильич (р. 1930), критик, литературовед.

Рудницкий Константин Лазаревич (1920–1988), театровед, критик.

Рытсков Николай Николаевич (ум. 1973), эстрадный актер (знакомый Гладкова с 1949 еще по камере на Лубянке), затем эмигрант, сотрудник русской службы Би-Би-Си.

Свировский Григорий Цезаревич – писатель, эмигрировал в Израиль в 1970-е.

Слоним Илья Львович (1906–1973), скульптор.

Слущкая Татьяна – см. Дашковская Т.Б.

Спиридонов Иван Васильевич (1905–1991), первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, после отставки – председатель правления Общества советско-польской дружбы.

Старостин Андрей Петрович (1906–1987), спортсмен, один из 4-х известных футболистов и общественных деятелей братьев Старостиных, организаторов спортивного общества «Спартак».

Сутырин Владимир Андреевич (1902–1985), прозаик, драматург.

Тоня, Т. – Тормозова Антонина Антиповна (ум. 1982), актриса театра им. Ермоловой, жена Гладкова.

Токарь Григорий М. (1899-?), председатель дачного кооператива в Загорянке.

Толстиков Василий Сергеевич (р. 1917), первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, после отставки – посол СССР в Китае в 1970–1978.

Триоле (урожд. Каган) Эльза (1896–1970), французская писательница, жена Л.Арагона, сестра Л.Ю.Брик.

Трифонов Юрий Валентинович (1925–1981), писатель.

Тур Петр (наст. имя Рыжый Петр Львович; 1908–1978), драматург, киносценарист, один из соавторов дуэта «братья Тур».

Февральский Александр Вильямович (1901–1984), литературовед, театровед.

Финн (Финн-Хальфин) Константин Яковлевич (1904–1975), писатель.

Хаит Давид Маркович, прозаик.

Харджиев Николай Иванович (1903–1996), критик, литературовед.

Хесин Григорий Борисович (ум. 1964), директор ВУОАП (Всесоюзного управления по охране авторских прав).

Храбровицкий Даниил Яковлевич (1923–1980), сценарист, очеркист.

Хржановский Андрей Юрьевич (р. 1939), сын Ю.Б.Хржановского, режиссер-аниматор.

Хржановский Юрий Борисович (1905–1987), художник, актер.

Ц.И., Цецилия Исааковна – Кин Цецилия Исааковна (1905–1992), критик, литературовед, специалист по итальянской литературе, вдова В.П.Кина. После его ареста и гибели отбывала лагерное заключение как «жена врага народа». Соседка по дому Гладкова во время его житья на последней квартире.

Чидсон Наталья Васильевна (р. 1916), балерина, вторая жена Н.Р.Эрдмана.

Швейцер Виктория Александровна – литератор.

Шевелева Екатерина Васильевна (1917–1998), писательница.

Шейко Николай Михайлович, режиссер Рижского ТЮЗа. После закрытия русского театра в столице ставшей независимой Латвии, переехал в Россию, осуществил несколько постановок в разных театрах.

Шестинский Олег Николаевич (р. 1929), поэт.

Шкловская Варвара Викторовна (р. 1927), дочь В.Б. и В.Г.Шкловских.

Шкловская (урож. Корди) Василиса Георгиевна (1900–1977), первая жена В.Б.Шкловского.

Шкловская-Нарбут (урож. Суок) Серафима Густавовна (1902–1982), вторая жена В.Б.Шкловского

Шток Исидор Владимирович (1908–1980), драматург.

Шульман Михаил Борисович, участник Краснознаменного ансамбля песни и пляски А.В.Александрова, знакомый Гладкова с 1930-х. Отбывал заключение в лагере, в 1974 эмигрировал.

Эйтингон Наум Исаакович (он же Наумов, он же Котов; 1899–1981), сотрудник НКВД, крупный резидент (с 1925 – преимущественно за границей). Осуществлял разведывательные и террористические операции во время гражданской войны в Испании; весной 1939 получил задание от ЦК ВКП(б) уничтожить Л.Д.Троцкого. С июля 1941 – зам. нач. Особой группы НКГБ СССР П.А.Судоплатова, которая занималась организацией и проведением террористических актов. После войны разведывательными данными помог советским ядерщикам в осуществлении проекта атомной бомбы; генерал-майор МВД (с 1945). В 1951 арестован по обвинению в принадлежности к сионистской заговорщицкой организации в МГБ. Освобожден в 1953, после смерти Сталина и прекращения «дела врачей». С мая 1953 – зам. нач. 9-го отдела МГБ. Осужден «за измену родине» на 12 лет после падения Берии; его письмо Н.С.Хрущеву из Владимирской тюрьмы, написанное в сентябре 1963, цитирует Д.А.Волкогонов в своей книге о Троцком. См. интервью с его сыном (Совершенно секретно. 1992. №7).

Эмма – Попова (Бирман) Эмилия Анатольевна (р. 1928), актриса БДТ, близкий друг Гладкова в последние 18 лет его жизни.

Эрдман Борис Робертович (1899–1960), брат драматурга и Н.Р.Эрдмана, театральный художник. После смерти жены, балерины В.Ф.Друцкой, принял фамилию Эрдман-Друцкий.

Эренбург Ирина Ильинична – дочь И.Г.Эренбурга.

Юзовский Ю. (Бурштейн Иосиф Ильич; 1902–1964), театральный критик, переводчик.

Юра – см. Трифонов Ю.В.

Якир Петр Иванович (1923–1982), сын командарма И.Э.Якира, историк, правозащитник (на процессе принес покаяние в «антисоветской деятельности»). Тесть барда Юлия Кима. После отбытия срока от правозащитной деятельности отошел.